

*Краеведческие
чтения
материалы
научных конференций*

ПОРХОВ-ХОЛОМКИ

2004-2005

ПСКОВ-2006

КОМИТЕТ ПО КУЛЬТУРЕ АДМИНИСТРАЦИИ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
АДМИНИСТРАЦИЯ ПОРХОВСКОГО РАЙОНА
ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЁННЫЙ
ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК
ПОРХОВСКИЙ МУЗЕЙ ИСТОРИИ КРАЯ

Краеведческие чтения

ПОРХОВ – ХОЛОМКИ

АБ ПОРХОВСКАЯ
ЦРБ

Псков, 2006 г.

ББК 63.3(2Рос-4Пс)
К77

Составители: **Васильева** Лидия Тимофеевна,
заведующая Порховским музеем
Медникова Татьяна Викторовна,
старший научный сотрудник Псковского
музея-заповедника

Статьи даны в авторской редакции с сохранением особенностей написания собственных имен. В цитатах и сносках сохраняются орфография и пунктуация оригинала. Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения составителей

Краеведческие чтения. Порхов-Холомки:
Материалы научной конференции. – Псков, 2006 г. – 228 с.

ISBN 5-93066-050-6

- © Псковский историко-архитектурный
и художественный
музей-заповедник, 2006
- © Порховский музей, 2006

ПОРХОВСКИЕ КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ И ИХ РОЛЬ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РАЙОНА

Начало краеведческим чтениям было положено в 1987 году. Это были юбилейные чтения: Порхов скромно праздновал 600-летие каменной крепости. В них приняли участие учителя истории школ района, старшеклассники, краеведы, председатели первичных организаций ВООПИК, активисты музея. В числе докладчиков были сотрудники Псковского музея И.И. Лагунин, Л.Н. Кипунова, Л.А. Огнева, К.М. Плоткин, ленинградцы А.Н. Кирпичников, И.А. Эрф, Н.Н. Масленникова, М.А. Миролубов, из Москвы – К.Г. Богемская, а также сотрудники Порховского музея-филиала О.П. Полубелова, А.Е. Крылов, Л.Т. Васильева.

Следующие чтения состоялись 29 марта 1989 года и посвящались 750-летию Порхова.

29 марта 1991 года прошли очередные краеведческие чтения. Основную тему, которую обсуждали собравшиеся, огласил В.Г. Тальковский, профессор Московского архитектурного института, заслуженный архитектор РСФСР – «Концепция комплексной реконструкции и реставрации центральной части города Порхова». Кроме этого с докладами выступили ещё 13 человек.

Благодаря поддержке Государственного комитета Администрации Псковской области по культуре, администрации Порховского района при активной совместной работе Псковского музея-заповедника и Порховского музея-филиала с 1999 года по 2005 год включительно проходили ежегодные Порховские краеведческие чтения, которые стали важным событием в культурной жизни района. Заметно расширился круг выступающих, разнообразнее стала тематика выступлений. Постоянными и активными участниками чтений являются: Псковский музей-заповедник во главе с директором Ольгой Кузьминичной Волочковой, Псковский педагогический университет, Государственный архив Псковской области, музей политической истории (г. Санкт-Петербург), Русский музей, Государственный технический университет, Государственный университет культуры и искусства, Российская национальная библиотека, музей хлеба (г. Санкт-Петербург), музей-заповедник «Михайловское». В 2004–2005 годах в чтениях приняли участие преподавате-

ли Новгородского государственного университета, Государственного архива Новгородской области, а также краеведы Пскова, Дедовичей, Острова, Сольцов.

При составлении программы оргкомитетом выделяется основное событие, которому посвящаются чтения. В 1999 году отмечали 80-летие Порховского музея, в 2000–2001 году – 80-летие образования Дома творчества в Холомках, в 2002 – 615-летие Порховской каменной крепости, в 2003 – 100-летие со дня рождения Г.В. Проскуряковой, в 2004 – 765-летие города Порхова, в 2005 году основные доклады были посвящены 60-летию Победы, 140-летию курорта «Хилово», 150-летию со дня рождения Андрея Григорьевича Гагарина.

Каждый год участники чтений вводят в научный оборот новые архивные материалы. Благодаря открытиям историков и краеведов появляются новые интересные экскурсионные маршруты, прежние наполняются новыми фактами и именами. Второй год участники чтений В.М. Ушакова, О.Б. Кох, Л.Т. Васильева организуют конкурс для старшеклассников Порховского района «Я и Клио». В 2005 году в конкурсе приняли участие 9 школ. К проведению конкурса в 2006 году подключились А.П. Гагарин и О.М. Карамышев.

Порховские краеведческие чтения широко освещаются в средствах массовой информации, благодаря этому удаётся привлечь людей, заинтересованных в возрождении Вольшова, Холомков, Бельского Устья, Никандровой пустыни и способных вкладывать средства в их восстановление. Увеличивается количество туристов, желающих познакомиться с достопримечательностями нашего края.

Издаваемые по материалам чтений сборники имеют своих постоянных читателей, в их числе члены общества изучения дворянской усадьбы (г. Москва). Популяризируют историю Псковского края далеко за его пределами.

Предлагаемый читателям сборник – это не только итог очередных конференций и важный этап изучения Порховского района, но и яркий пример научной и социокультурной консолидации краеведов, учёных, широкой общественности, администрации района и области, заинтересованных в дальнейшем постижении великого историко-культурного наследия Псковщины.

Л.Т. Васильева,
заведующая Порховским музеем

Л.В. Васильева

М.Ю. ЛЕРМОНТОВ В МИХАЛЕВЕ

Первым, кто упомянул о приезде М.Ю. Лермонтова в Михалево, был исследователь П.П. Левицкий¹ со слов вдовы сына Н.И. Бухарова, кому принадлежала усадьба, и ее матери Елизаветы Александровны Миллер, урожденной Карамышевой. Статья посвящена А.С. Пушкину, о приезде Лермонтова в ней говорится вскользь: «Семейное и местное предание утверждает, что в числе тех лейб-гусаров, которым посвящена беседка, был и Лермонтов»².

На первый взгляд, этот приезд был невозможен. Слишком большая разница в возрасте – 14 лет, что в юности кажется непреодолимым барьером. Н.И. Бухаров командовал 7 эскадрой лейб-гвардии Гусарского полка, когда в конце 1834 г. к нему на службу поступил корнет М.Ю. Лермонтов. Здесь юному корнету не понравилось, и через четыре месяца он был переведен в 4 эскадрон. Николай Иванович Бухаров был кадровым военным, далеким от поэзии и философских раздумий. Его стихия – битвы и типичный гусарский досуг. «В Гусарском полку... было много любителей большой карточной игры и гомерических попок с огнями, музыкой, женщинами и пляской. ...Лермонтов бывал везде и везде принимал участие, но сердце его не лежало ни к тому, ни к другому. Он приходил, ставил несколько карт, брал или давал, смеялся и уходил»³.

Невозможно представить, чтобы для рядового гусарского кутежа М.Ю. Лермонтов отправился в такую даль. И все-таки М.Ю. Лермонтов был в Михалево, и это была очень важная, можно сказать, целебная для его души поездка. Во временном диапазоне подсказку мы находим у самого М.Ю. Лермонтова в дружеском послании 1838 г. «К Н.И. Бухарову»⁴:

Мы ждем тебя, спеши, Бухаров,
Брось царскосельских соловьев...

Соловьи устраивают свои концерты в мае. Значит, это май 1838 г. Обратите внимание на обращение к бывшему командиру на «ты», повелительное наклонение глагола «спеши, Бухаров». Если бы не уди-

вительно теплый и душевный тон дальнейших строк и глубокое уважение к адресату в конце послания, это можно счесть дерзостью. Однако весь пафос стихотворения – выражение любви к старшему «товарищу-гусару». Такие дружеские отношения могли родиться только во время недавнего, неформального и близкого общения. Лермонтова и Бухарова роднили отвага и удаль, присущие каждому из них.

Смотрите, как летит, отвагою пылая...
Порой обманчива бывает седина:
Так мхом покрытая бутылка вековая,
Хранит струю кипучего вина.

Так М.Ю.Лермонтов отзывался о Н.И. Бухарове в дружеской эпиграмме, написанной в том же 1838 г. А так отзывается о Лермонтове его сослуживец А.М. Васильев в пересказе П.К. Мартынова: «Лермонтов жил с товарищами вообще дружно, и офицеры любили его за высоко ценившуюся тогда “гусарскую удаль”»⁵. Потому ценившуюся, что в николаевскую, застегнутую на все пуговицы эпоху, эта свобода поведения была преследуема и жестоко наказуема.

М.Ю. Лермонтов в Петербург возвратился из ссылки на Кавказ в январе этого же года. Вернулся совсем другим человеком. Теперь он не по рассказам старших знает, как «смешались в кучу кони, люди» и как «рука бойцов колоть устала». Теперь он своим опытом отделен от обычных людей – «...и вы едва ли вблизи когда-нибудь видали, как умирают...», «... бой длился. Резались жестоко, как звери, молча, с грудью грудь, ручей телами запрудили...». А после: «...меж тем товарищей, друзей со вздохом рядом называли; но не нашел в душе своей я сожаленья, ни печали». Эти строки из стихотворения «Валерик» будут написаны позднее, только в 1840 г., когда по прошествии времени уже можно было говорить об этом потрясении если не спокойно, то отстраненно. Бухаров его мог понять – он за покорение Царства Польского был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость», медалями и орденами за взятие в 1831 г. штурмом Варшавы, за русско-турецкую войну 1828–29 гг. Несмотря на разницу лет, чинов, наград, теперь они равны – они

ветераны, переигравшие смерть. Именно Бухаров – «добрейший товарищ», тоже переживший свой страх и ужас, гибель товарищей, мог смягчить тот страшный синдром омертвевшей души.

Другое, что отравляло пребывание поэта в Петербурге, – новое назначение не в прежний лейб-гусарский полк, а в Гродненский под Новгородом. Еще в конце 1837 г. в стихотворении «Спеша на север из далека, из теплых и чужих краев» Лермонтов М.Ю. тревожился о встрече с сослуживцами.

Что, если я со дня изгнанья
Совсем на родине забыт!

Найду ль там прежние объятья?
Старинный встречу ли привет?
Узнают ли друзья и братья
Страдальца, после многих лет?

Это было так важно для него, что он готов был вовсе выйти в отставку. Петербургские настроения переполняют «письмо-отчет» постоянной корреспондентке М.А. Лопухиной, сестре любимой Вареньки, выданной замуж за Бахметева. «Первые дни после приезда прошли в непрерывной беготне: представления, обязательные визиты – вы это знаете; да я еще каждый день ездил в театр: он хорош, это правда, но мне уж надоел. Вдобавок, меня преследуют любезные родственники! Не хотят, чтоб я бросил службу, хотя это и было бы уже возможно: ведь те господа, которые вместе со мною поступили в гвардию, теперь уж в ней не служат. Словом, я порядком упал духом и даже хотел бы как можно скорее бросить Петербург и уехать, куда бы то ни было, в полк или хоть к черту...

Бабушка думает, что меня скоро переведут в царскосельские гусары, Бог знает, на каком основании ей подали эту надежду; оттого она не соглашается, чтобы я вышел в отставку; что касается меня, то я ровно ни на что не надеюсь»⁶. К этому письму приписано стихотворение «Молитва странника», написанное раньше: «В заключение этого письма посылаю вам стихотворение, которое случайно нашел в моих дорожных бумагах, оно мне довольно-таки нравится...

Я, Матерь Божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,

Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодного.

Окружи счастьем счастья достойную;
Дай ты ей спутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.

Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную —
Ты воспрять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

Лерма». ⁷

Одно из лучших стихотворений любовной лирики в мировой литературе. Но и в нем снова о пустынной душе, об отсутствии спутников «полных внимания» — отчаянном душевном одиночестве.

А что же товарищи-гусары того самого полка, что славился своими традициями, духом товарищества? Ведь по негласному закону полка необходимо было покидающего полк товарища провести «по-гусарски». По воспоминаниям сослуживца графа А.В. Васильева, «когда последовал приказ о переводе Лермонтова за стихи “На смерть А.С. Пушкина” на Кавказ в Нижегородский драгунский полк, офицеры лейб-гвардии Гусарского полка хотели дать ему прощальный обед по подписке, но полковой командир не разрешил, находя, что подобные проводы могут быть истолкованы как протест против выписки поэта из полка»⁸. Не посмели идти против воли начальства. И отважный Бухаров, которого почитали как хранителя гусарских традиций, не настоял. О встрече в полку опального Лермонтова тоже не могло идти речи. И теперь в трудное для поэта время в формулярном списке Н.И. Бухарова имеется запись: «...был в отпуске 1838 с 23 генваря

на 15 дней по случаю отчаянной болезни матери»⁹. Причина — традиционная формулировка для внеплановых отпусков. В это время и состоялась встреча в имении Бухарова Михалево. Лихие гусарские кони по зимнему санному пути могли домчать туда друзей за 2 суток. И, скорее всего, путь лежал не через Пажеревицы, а через Ясно, где в полуверсте находилось имение Горки, в котором проживала родная сестра Бухарова Елизавета Ивановна с вышедшим в отставку Иваном Миллером. Во-первых, путешественники срезали изрядный кусок дороги, во-вторых, коням и путникам требовался отдых. В-третьих, имение необходимо было подготовить к приему неожиданных гостей — протопить, просушить перины, приготовить еду, то есть послать кого-то из дворовых с распоряжением. Дальше дорога шла вдоль цепи озер: Плотишно, Горомулиха, Городня, Узкое (ныне Петровское) и Локно, на берегу которого располагалась усадьба Михалево¹⁰. Зимой по льду озер прокладывали санный путь, предпочитая гладкий путь неизбежным дорожным ухабам. Визит, конечно, был краткосрочным. Но как меняется тон письма М.Ю. Лермонтова от 1 февраля 1838 г. дядюшке П.И. Петрову: «Наконец, приехав в Петербург, после долгих странствий и многих плясок в Москве, я благословил, во-первых, всемогущего аллаха, разостлал ковер отдохновения, закурил чубук удовольствия и взял в руки перо благодарности и приятных воспоминаний. Бабушка выздоровела от моего приезда и надеется, что со временем меня опять переведут в лейб-гусары; и теперь я еще здесь обмундирываюсь; но мне скоро грозит приятное путешествие в великий Новгород, ужасный Новгород»¹¹. Нет одиночества, мрачных предчувствий — все описывается с юмором. Уже на новом месте службы 18 февраля он принимает активное участие в торжественных проводах Михаила Ивановича Цейдлера, отправляющегося на Кавказ против горцев. Вот как описывает эти проводы сам Михаил Иванович: «Меня усадили, как виновника прощальной пирушки, на почетное место. Не теряя времени, начался ужин, чрезвычайно оживленный. Веселому расположению духа много способствовало то обстоятельство, что товарищ мой и задушевный приятель М.Ю. Лермонтов, входя в гостиную, устроенную на станции, скомандовал содержателю ее... К.И. Грау, немедленно вставить во все свободные

подсвечники и пустые бутылки свечи и осветить, таким образом, без исключения все окна. Распоряжение Лермонтова встречено было сочувственно, и все в нем приняли участие; вставлялись и зажигались свечи; смех, суэта сразу расположили к веселью. Во время ужина тосты и пожелания сопровождалась спичами и экспромтами...

Само собой разумеется, что ужин кончился обильным изливанием чувств и вина. Предшествуемый снова хором полковых трубачей, несомый товарищами до кибитки, я был, наконец, уложен в нее, и тройка в карьер умчала меня к Москве.

Не помню, в каком-то городе, уже днем, разбудил меня человек, предложив выпить чайку. Очнувшись наконец, я немало был удивлен, когда увидел, что кругом меня лежали в виде гирлянды бутылки с шампанским: гусарская хлеб-соль на дорогу»¹².

Так, наверное, должны были провожать и Лермонтова на Кавказ и так же сердечно и весело встречали. «Благодарное перо» поэта сохранило для нас портрет владельца усадьбы Михалева Николая Ивановича Бухарова, завещая и нам хранить благодарную память поэта о нашем земляке:

Мы ждем тебя, спеши, Бухаров,
Брось царскосельских соловьев,
В кругу товарищей гусаров
Обычный кубок твой готов.
Для нас в беседе голосистой
Твой крик приятней соловья,
Нам мил и ус твой серебристый,
И трубка плоская твоя.
Нам дорога твоя отвага,
Огнем душа твоя полна,
Как вновь раскупренная влага
В бутылке старого вина.
Столетия прошлого обломок,
Меж нас остался ты один,
Гусар прославленный потомок,
Пиров и битвы гражданин.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Левицкий П.П.* А.С. Пушкин и Н.И. Бухаров // Русская старина. 1899. № 9.
2. *Бизюкина А. Ю.* Н.И. Бухаров и его дворецкий Данилыч // Исторический вестник. 1902. Март. Воспоминания Д.Н. Бизюкина о его приезде с отцом в Михалево в 1861 г.: «Как сейчас вижу я громадный сад и парк с островками и мостиками, таинственные гроты и беседки с надписями: на одной из них, изображавшей пантеон в миниатюре, была на классическом фронтоме, над деревянной колоннадой, надпись «товарищам гусарам». Построена, вероятно, Бухаровым в 1832 г., когда он после смерти дяди П.Т. Бухарова 4 месяца обустроивал имение. На беседке сохранялись автографы друзей Н.И. Бухарова. Среди них был и стихотворный автограф Лермонтова. В 1899 г. перенесена раскольниками, купившими имение у сына Бухарова, на другую сторону дома и перестроена.
3. *Васильев А.В.* Воспоминания (в пересказе П.К. Мартынова) // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 201.
4. *Лермонтов М.Ю.* Собрание сочинений: В 4 т. М.: Художественная литература, 1964. Т. 1. С. 33.
5. См. сноску 3.
6. М.А. Лопухиной <Петербург> 15 февраля <1838>. *Лермонтов М.Ю.* Собрание сочинений. М., 1953. Т. 4. С. 394.
7. Там же. См. сноску 6.
8. См. сноску 3. С. 203.
9. РГИА. Ф. 113443. Оп. 17. Д. 7387. Л. 5.
10. Названия озер даются дореволюционные.
11. П.И. Петрову <Петербург. 1 февраля 1838 г.> // *Лермонтов М.Ю.* Собрание сочинений. Т. 4. С. 393.
12. *Цейдлер М.И.* На Кавказе в тридцатых годах // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 254.

Л.В. Васильева

ИМЕНИЕ НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА РЕЗАНОВА В ПОРХОВСКОМ УЕЗДЕ

8 апреля 2004 г. в газете «Псковская провинция» была напечатана статья Игоря Никифоровича Ермолаева с подробным исчерпывающим заголовком «Псковские архивисты сделали открытие: командор Николай Резанов, великий романтик, о любви которого знает вся Америка и Россия, познавал жизнь в Пскове!» Это действительно

очень важное открытие. Работая еще раньше в архиве по теме «Порховичи — участники Отечественной войны 1812 года», в книге владельческих доходов по Псковской губернии на 1812 год, где по графам — имя владельца — объявленный доход имения — сумма, причитающая по раскладке процентов и примечание, с удивлением обнаружила в Порховском уезде следующую запись: «малолетних детей Рязановых — 2000 рублей, — 30 рублей» и в примечании запись карандашом «в Псковском уезде».¹ И хотя в то время

указанное открытие еще не произошло, сомнений не было — речь идет о детях того самого Резанова, о котором известно всем по опере А. Рыбникова «Юнона и Авось» на стихи А. Вознесенского. Ведь к тому времени ни его жены, ни его самого в живых не было, а было в Порховском уезде имение его родной сестры, кому ж как не ей позаботиться о родных осиротевших племянниках. Но при чем тут Псковский уезд? Заняться им времени не хватало. И вот в этом году, совсем даже не мечтая об открытии истины, работая с описями, встречаю не менее пространную запись, дочитать до конца которую просто не всегда хватило бы сил — «Переписка с псковским губернским правлением о службе Валуева, о взыскании Новгородским приказом общественно-го призрения денежного долга с Резановых».² И всего-то 13 листов. Сущие пустяки по архивным меркам. Действительно, переписка — просто какая-то солянка — чего только в ней нет. А вот и главное: единственное имение Н.П. Резанова в России находилось в Псковском уезде, а с 1944 года, после присоединения к Порховскому району Павской, Славковской, Верхнемостской волостей, оказалось на территории Порховского района. Но все же надо начать по порядку.

28.03.1764 г. Н.П. Резанов родился в Санкт-Петербурге, получил домашнее воспитание, знал несколько иностранных языков. По обычаю того времени в 1778 г. поступил на военную службу сначала в артиллерию, потом перешел в лейб-гвардии Измайловский полк, куда подбирались только рослые светловолосые гвардейцы. В марте 1784 г. был пожалован из сержантов к статским делам капитаном. В это время его отец, коллежский советник Петр Гаврилович, проживал в Ир-

кутске, где против него тянулось многолетнее судебное дело по обвинению в растрате, и, по-видимому, на плечи старшего сына легла обязанность заботиться о всей семье. 8.03.1784 г. он поступил на службу в Псковскую палату гражданского суда коллежским асессором 8 класса с жалованием в 300 рублей. Служил спокойно до февраля 1788 г., после чего стал брать «за вычетом жалования» отпуска в Петербург, которые ему продлевали, выдавая «для проезда паспорт»³.

В 1788 г. его сестра вышла замуж за Порховского помещика Александра Степановича Корсакова, не чуждого литературе (в журнале «Собрание лучших сочинений» печатались его переводы)⁴. В исповедных росписях за 1808 г. Порховского уезда записана вся семья: «Елена Гавриловна, вдова, 69 лет, сын ее Александр Степанович 46 лет, жена его Екатерина Петровна 42 года, дети их: Петр 19 лет, Александр 17 лет, Михаил 14 лет, Николай 8 лет, Екатерина 18 лет, Варвара 9 лет, дворовые люди — 56 мужского пола и 53 женского — прихожане Покровской церкви с. Буриг»⁵. Заметьте: племянники в этом списке не значатся⁶. По-видимому, именно новые родственные очень дружеские отношения позволили Николаю Петровичу 5.12.1788 г. уволиться, «душ не имея», со службы в Пскове и перевестись в Санкт-Петербургскую Казенную палату. Через два года он перешел правителем канцелярии к вице-президенту Адмиралтейств-коллегии графу И.Г. Чернышеву, а затем — экзекутором названной коллегии. В 1791 г. Г.Р. Державин, хорошо знавший А.С. Корсакова, был назначен секретарем для доклада по сенаторским мемориям⁷ и Н.П. Резанов был назначен правителем канцелярии Державина и был употребляем иногда Екатериной II для особых поручений. В этом же году за ним в Пскове числились 18 дворовых людей по Покровской церкви от Торга⁸. Но близость к императорскому двору имела свой результат — в 1793 г. дело против его отца было прекращено, а в 1794 г. он сам посетил Иркутск, где его отец уже служил председателем Совестного суда. Здесь Николай Петрович познакомился с ведущим коммерческие дела в Америке богатым курским купцом и мореплавателем Г.И. Шелеховым, который посвятил его во все свои планы, поскольку Резанов женился на его дочери. С этого момента дальнейший жизненный путь Н.П. Резанова был определен. Он сразу понял выгоду России в торговле с Америкой, с развитием ее северной окраины.

Став преемником своего тестя, он уже пошел по этому пути целеустремленно. По смерти Шелехова в 1795 г. Н.П. Резанов подал на Высочайшее имя прошение об учреждении Общества Российско-Американской компании. Екатерина II отнеслась к этой затее прохладно и с подозрительностью, «поелику никто тамо на месте не освидетельствовал их заведение»⁹. Из-за этого некоторое время Н.П. Резанов прослужил в штате князя Пл. А. Зубова. Это был самый критический момент карьеры Николая Петровича. После смерти императрицы 23.11.1796 г. тайный советник Державин был разжалован из правителей канцелярии Павлом I «за непристойный ответ». Общеизвестно было всем, что новый император не терпел тех, кто служил его покойной матери и ее фаворитам. Казалось, все рухнуло, никогда еще Резанов не был так далек от намеченного плана. Именно в этом году мать его жены Анны Григорьевны, госпожа Шелехова, купила от секунд-майора Петра Гавриловича Окунева имение, «состоящее в Псковском уезде Демянницкой волости, в Сельце по 5 ревизии бывших на лицо 4 души мужских и 5 женских, да после ревизии родившихся 3 мужских и 1 женскую, оцененные со всею принадлежностью в 400 рублей, с коего дохода в год полагалось по 40 рублей». «Да в деревнях: Выставке – 75 душ, Подвишенье – 15, Бочкине – 49, Кузнециков – 8, Горбове – 44, Сопке – 54. Итого: 245 душ»¹⁰. С 1797 г. имение принадлежало детям, как приданое жены Резанова. Это был спасательный круг, брошенный тещей, для спасения семьи дочери, ее внуков в случае опалы зятя. Надо было начинать все сначала – доказывать свои способности, необходимость своих сил и знаний для выгоды России.

В 1797 г. Н.П. Резанов был определен в Сенат секретарем, а через месяц – обер-секретарем. Ему было поручено составить «Устав о цехах», который и был Высочайше одобрен, и учредить раскладку поземельного сбора в Петербурге и Москве, за эту последнюю работу Н.П. Резанов награжден был орденом Св. Анны 2 степени и пенсией в 2000 рублей в год¹¹. Его пожаловали в командоры ордена Мальтийского креста, который в России возглавил сам император. В июне 1798 г. последовал Высочайший указ об учреждении Российско-Американской компании, которая была принята под Высочайшее

покровительство, и ей дарованы особые привилегии. Резановы внесены в «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской Империи, начатый в 1797 году» в IV часть. Высочайше утверждение последовало 7.12.1799 г.¹² Сначала главное правление компании было учреждено в Иркутске, а уполномоченным ее в Петербурге был назначен Резанов. 19.10.1800 г. Высочайшим указом было разрешено перевести главное правление в Петербург. Сказочной феей счастливой фортуны при новом императоре была Анна Петровна Гагарина, урожденная Лопухина, чье родовое имение Красный Бор было в Порховском уезде поблизости от имения Корсаковых. 25.04.1797 г. статский советник Петр Гаврилович Резанов, отец нашего героя, взял в заем 200 рублей сроком на год под поручительство обер-секретаря Правительствующего Сената Николая Резанова и коллежской советницы Анны Резановой, денег не заплативших в срок¹³. И только благодаря расследованию по переписке, тянувшейся до 1839 года, стало понятно, где было единственное имение Резановых.

Император Александр I и многие члены Императорского Дома были акционерами компании, а вслед за ними и многие лица из высшего света и именитого купечества стали приобретать акции компании, так что число акционеров к концу 1802 г. из 17 человек возросло до 400. В этом году Николая Петровича постигло неутешное горе – скончалась при родах его молодая жена, оставив на руках супруга сына Петра и дочь Ольгу. Все силы Резанов обратил на осуществление проекта, выгодного России. Для скорейшего и более дешевого обмена товарами с Америкой решено было отправлять товары не сухим путем через Сибирь, а водным. В Англии были закуплены два торговых судна, переименованных в «Надежду» и «Неву». Капитанами приглашены И.Ф. Крузенштерн и Ю.Ф. Лисянский. 10.06.1803 г. Н.П. Резанов был награжден орденом Св. Анны 1-й степени, пожалован в звание камергера Высочайшего двора и назначен посланником в Японию. При этом от Александра I он получил рескрипт, начинающийся словами: «Избрав вас на подвиг, пользу отечеству обещающий, как со стороны японской торговли, так и рассуждении образования Американского края, в котором вам вверяется участь тамошних жителей, поручил Я канцлеру вручить вам грамоту от меня Япон-

скому императору назначенную, а министру Коммерции по обоим предметам снабдить вас надлежащими инструкциями, которые уже утверждены мною...»¹⁴ С Н.П. Резановым отправлялись и подарки Японскому императору и его сановникам; ему пришлось запастись и товарами для начала торговых отношений.

27.07.1803 г. Резанов выехал из Кронштадта на парусных шлюпах «Надежда» и «Нева» при большом скоплении публики. Отечественные журналы, СМИ того времени, подробно освещали путешествие. Согласно инструкции главным начальником экспедиции являлся Резанов, во время же путешествия И.Ф. Крузенштерн, который в донесениях в Главное Правление Российско-Американской компании неоднократно писал, «что он, Крузенштерн, призван по Высочайшему повелению командовать над экспедицией, и что она вверена Резанову без его ведения; что должность его не состоит только в том, чтобы смотреть за парусами»¹⁵. На суднах вскоре вспыхнул бунт, и Резанову пришлось вытерпеть много неприятностей и оскорблений, так что из своей каюты он не выходил до прихода в Петропавловск. Здесь он сразу обратился к генерал-майору Кошелеву, который начал формальное следствие. Поскольку дело для Крузенштерна стало приобретать неблагоприятный оборот, то он публично извинился перед Резановым и просил Кошелева не давать хода этому делу. 26.09.1804 г. русские прибыли в Японию и были окружены знаками почтения и уважения. Это был почетный плен, потому что дело не продвигалось с мертвой точки. Торговые отношения с Японией завязать Резанову не удалось, так как он заявил о принадлежности России Курил и Сахалина. В ответной грамоте японского властителя говорилось: «Могущественный государь Российский присылает посланника и множество драгоценных подарков. Приняв их, властитель Японский должен бы, по обычаям страны, отправить посольство к Императору России с подарками, столь же ценными. Но существует формальное запрещение жителям и судам оставлять Японию. С другой стороны Япония не столь богата, чтобы ответить равноценными дарами. Таким образом, властитель Японии не имеет возможности принять ни посланника, ни подарков»¹⁶. Этот ответ последовал через 6 месяцев.

6.04.1805 г. Резанов оставил Японию. Под командованием Крузенштерна «Надежда» пошла дальше в Китай, а затем в Кронштадт, а Резанов на бригантине «Святая Мария» направился во владения Русско-Американской компании на Аляску. В то время там царил голод. Николай Петрович купил у американского коммерсанта фрегат «Юнона» со всеми припасами, оказал населению экстренную помощь, но этого было недостаточно. Против коварных японцев был построен восьмипушечный тендер «Авось». В феврале на «Юноне» Н.П. Резанов прибыл в форт Сан-Франциско, принадлежавший испанцам, чтобы договориться о снабжении русской Америки. Красивые мундиры россиян, расшитые золотом, и богатые подарки произвели впечатление на тамошних купцов, и они «заломили цены», что было совсем неприемлемо для поиздержавшейся экспедиции. Так бы окончилась ничем эта инициатива русских, но Резанов стал ухаживать за дочерью коменданта – пятнадцатилетней Марией Консепсией де Аргуэльо. Душа девушки была потрясена. В письмах в Россию Николай Петрович откровенно признается, что «куртизирует» (ухаживает, завлекает) красавицу против своей воли, но так требуют интересы России. Вскоре состоялась обручение, и теперь уже Резанову, как родственнику коменданта, наперебой, задабривая, чуть ли не за бесценок навязывали необходимые ему товары. Нет, вовсе не пытался обмануть девушку сорокадвухлетний опытный мужчина. Перед ним виделась перспектива превратить Калифорнию в территорию, благоприятную для торговли с Россией, и стать со временем комендантом края. Именно поэтому он так рвался зимой в морозную и снежную Россию со своим новым проектом, так торопил события. Фрегатам же лейтенанта Николая Хвостова и мичмана Гавриила Давыдова приказал совершить рейд по берегам Сахалина и Курильских островов, истребить там все японские суда, чтоб «никогда они Сахалина как российского владения посещать иначе не отваживались, как приезжая для торга»¹⁷. Заболев в пути, и уже понимая, что не успевает, в последнем письме написал: «Патриотизм заставил изнурить все мои силы. Я увидел, что одна счастливая жизнь моя ведет уже целые народы к счастью их, что могу на них разливать себя. Испытал, что одна строка, мною подписанная, облегчает судьбы их и доставляет

мне такое удовольствие, какого никогда я себе вообразить не мог. А все это вообще говорит мне, что и я в мире не безделка...»¹⁸ Умер он в Красноярске 1.03.1807 г. Могила его затерялась, на кладбище только памятный крест, готовится к открытию памятник. Усадьбы Резанова Сельцо нет не только на современных картах, но и в «Списках населенных мест Российской империи», составленных по данным 1872–77 гг.¹⁹ Но памятный знак или часовню на этой земле поставить необходимо. И еще одно место, которое помнит Н.П. Резанова на Псковщине, – это церковь Всемилоственного Спаса в с. Александрово Порховского района, построенная в первоначальном селе его родной сестры, в замужестве Корсаковой, в 1791 году, где рос ее родной сын, лицейский друг А.С.Пушкина – Николай Александрович Корсаков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАПО, ф. 110, оп. 1, д. 1372, л. 57-об.
2. ГАПО, ф. 110, оп. 1, д. 1431.
3. См. указанную статью вначале.
4. Русские писатели 1800–1917. Т. 3. М. 1994. С. 88.
5. ГАПО, ф. 39, оп. 1, д. 3350, л. 253.
6. Отплывая в Америку, Н.П. Резанов оставил своих малолетних детей на попечительство Александра I. В опекуны им был определен генерал-майор Кокошкин (инициалов в деле нет).
7. Мемория – памятная записка, краткое изложение сущности какого-либо дела. Энциклопедический словарь. Т. 2. М. Издательство «Советская энциклопедия». 1964. С. 17.
8. Лукомский В.К. и Троицкий С.Н. Перечень родам и лицам, гербы которых утверждены или пожалованы Российскими Монархами... СПб.: Издательство ВИРД. 2004. С. 142.
9. См. указанную статью вначале.
10. См. д. 1431 л. 7-об. и л. 8-об.
11. Русский биографический словарь. Под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А.А. Половцева. СПб., 1910. С. 539.
12. См. д. 1431, л. 7.
13. См. Русский биографический словарь А.А. Половцева. С. 540.
14. Там же.
15. Там же.
16. См. указанную статью вначале.
17. Там же.

18. Там же.

19. При переписке в Псковское губернское правление Псковское губернское депутатское собрание в ноябре 1839 г. сообщает, «что формулярных списков о службе гг. Резановых при делах депутатского собрания с 1794 года не отыскано, ибо как видно из баллотированных списков, никто из них по выборам дворянства не служил, и при том фамилия их в дворянских родословных книгах не записана» (д. 1431, л. 6).

Псковское дворянское депутатское собрание 14.11.1839 г. заслушало отношение из Новгородского приказа общественного призрения о том, что по переписке, начавшейся с мая 1811 г., стало известно, «что заемщик помер, но не приведено в известность, когда и где помер, какое имение осталось после него и кто оно получал после и распорядилось о взыскании тех денег из имения поручителей, назначенного в продажу» (там же, л. 7).

Санкт-Петербургское губернское правление отозвалось в сентябре 1825 г., «что на тех лицах принадлежащего им имения в Санкт-Петербургской губернии не оказалось» (там же, л. 8).

21.05.1823 г. Новгородскому гражданскому губернатору Жеребцову поступило «прошение жены генерал-майора Какошкиной Ольги Николаевны дочери Резановой, что по иску приказа неправильно наложено запрещение на принадлежащее ей имение в Псковском уезде Демянского погоста в 245 душ, потому что оно досталось не по наследству после родителей действительного камергера Резанова жены его матери, которая то имение купила в 1796 году от секунд-майора Окунева, а потому и просила о снятии того запрещения» (там же, л. 8-об).

Больше сведений по имению в деле нет.

В списке населенных мест по сведениям 1872–1877 гг. Т. XXXIV. Псковская губерния. СПб. 1885. Псковский уезд:

515. Демянцы, погост при р. Черехе и рч. Демянке, от Пскова 51 в., от стан. кварт. 31, 6 дворов, 12 муж. и 18 жен., церковь (каменная во имя пророка Ильи с 2 приделами; земли церковной 49 десятин. По штату 1876 г. – причта 2. священников 2, псаломщиков 2. В приходе 69 деревень с 887 дворами, в коих 2881 муж. и 3029 жен. – 5910 обоого пола. Ярмарки: Ильинская 20 июля – овощи и фрукты и 22 октября – разные съестные продукты, жилых строений 10, жит.: 18 муж. и 22 жен. – *Василев И.И.* Опыт статистическо-географического словаря Псковского уезда Псковской губернии. Псков. 1882. Типография губернского правления).

519. Выставка, деревня при р. Черехе, от у.г. 50 в., от стан. кварт. 35 в., 42 двора, 138 муж. и 129 жен.

538. Горбово, деревня при р. Черехе, от у. г. 50 в., от стан. кварт. 35 в. 19 дворов, 80 муж. и 53 жен

511. Бочкино, деревня при колодце, от у.г. 50 в., от стан. кварт. 30 в. 22 двора, 68 муж. и 76 жен.

509. Сопка Ильинская.

441. Подвишенье, деревня при колодце, от у. г. 53 в. От стан. кварт. 33 в., дворов 7, 20 муж. и 20 жен.

393. Кузнеченки, деревня при колодце, от у.г. 40 в., от стан. кварт. 36 в., 8 дворов, 17 муж. и 19 жен.

Имение Сельцо, находилось рядом с д. Выставки вблизи погоста. Журналисты газеты «Псковская правда» сфотографировали фундамент усадьбы, указанный старожилками д. Выставки на краю деревни.

Ни в 198 фонде архива Псковской губернской чертежной, ни в 14 фонде межевых книг и планов губернии, ни в 38 фонде Межевой конторе Псковской губернии по Псковскому уезду ни имения Сельцо, ни названий этих деревень нет. Уцелел план деревни Кузнечкова 17.06.1784 г. Петра Гавриловича Окунева: ГАПО, ф.38, оп.1 (Т.4 Пск.уезд) с количеством земли 110 десятин 1707 сажен.

Л.Т. Васильева, О.Б. Кох, В.М. Ушакова

КОНКУРС «Я И КЛИО», ПОСВЯЩЕННЫЙ 60-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ. ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Конкурс «Я и Клио», посвященный 60-летию победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, был учрежден Порховским музеем истории края, его директором Л. Т. Васильевой, участниками Порховских краеведческих чтений – сотрудниками Государственного музея политической истории России (Санкт-Петербург) О.Б. Кох и В.М. Ушаковой. Он был ориентирован на участие в нём школьников 8–10 классов и ставил своей целью привлечь внимание к величайшему событию в истории нашего государства в XX веке – Победе над фашизмом – в рамках истории края, семьи, своего личного восприятия этого события.

Учредители разработали «Положение о конкурсе “Я и Клио”», «Анкету участника» и рекламную листовку (см. «Приложение»). Все эти документы органами народного образования были разосланы в школы района. На конкурсе было подано 16 работ, приняли участие 13 человек: ряд авторов подали по две и более работ, а некоторые работы были написаны «коллективом» авторов, что порадовало учредителей, т.к. «коллектив» принадлежал к одному роду. 2 участника

(в главной номинации и номинации «Я – художник») принадлежали к более ранним возрастным категориям, что позволило расширить возрастной ценз за счет более юного поколения.

Темой года была объявлена «Порховский край в годы Великой Отечественной войны». Первая премия была присуждена ученице 10 класса Полонской средней школы Ракитиной Ольге Александровне (педагог Л. Н. Ащеулова) за реферат «История одного обелиска». Работа выполнена как на опубликованных материалах, и автор показал уже сложившиеся навыки и приемы обращения с историческими источниками, так и на материалах полевой археологии и краеведения, что делает реферат своеобразным новым историческим источником. Хороший литературный язык, грамотное научное оформление придали работе вид серьезного научного труда. Все это явилось доводами в пользу присуждения автору первой премии.

Вторая премия присвоена ученице 9 класса средней школы № 1 г. Порхова Страшко Ульяне Анатольевне (педагог Л. А. Яковлева) за реферат «Трагедия Поляковой Мызы». Работа заслуживает высокой оценки. Почему она не получила первого места? Учредители склонились в пользу предыдущей работы именно потому, что в ней ярко проступили черты лиризма, сопричастности к событию, личного восприятия. Второй премии удостоена также работа ученицы 9 класса Дубровенской средней школы Михайловой Надежды Игоревны «Жизнь гражданского населения Дубровенской волости Порховского района Псковской области в годы Великой Отечественной войны» (педагог В. А. Жбанова). Автор обработал большой фактографический материал, собранный совместно с группой «Поиск». Хотелось бы, чтобы она продолжила сбор исторических свидетельств в виде записи рассказов, причем с фиксацией мелких подробностей, чтобы собранный материал стал основой для будущих исследований. Данная же работа много бы выиграла, если бы Н. И. Михайлова сделала анализ полевого материала основой своего реферата, настоящий вариант которого имеет конспективно-обобщающий характер.

Третью премию получили ученики средней школы № 1 г. Порхова Павлова Ксения Владимировна (6 класс) и Яковлев Михаил Вик-

торович (8 класс) за работу «Моя семья в Великой Отечественной войне» (педагоги Л. А. Яковлева и Н. Б. Павлова). Данная работа – исследование истории одной семьи с использованием материала домашнего архива, прекрасно оформленная, подсказала нам главную тему следующего года.

Кроме того, в главной номинации учредителями были отмечены рассказы, очерки, сочинения учащихся школы № 3 г. Порхова Николаевой Н.В. (6 кл., педагог Миронова Н. Н) и Иванова В. И. (10 кл., педагог Афанасьева Л. В.), Мелихова А. А. (9 кл. Славковской средней школы, педагог Балабинская О. Н.), Петрова Е. Н. (9 кл. Полонской школы, педагог Зоринова Н. Е.) и др.

В номинации «Я – художник» были присуждены три вторых премии за серию работ, посвященных историческим памятникам г. Порхова ученикам Центра детского творчества г. Порхова Александрову Александру Валерьевичу, Васильеву Семену Анатольевичу, Семеновой Татьяне Анатольевне. Нам хотелось бы видеть в этой номинации работы более живые (не столь классические, что свидетельствует о хорошей рисовальной школе и, несомненно, о высоком уровне преподавания), но работы-размышления, работы-фантазии и т.п.

В номинации «Фоторепортаж» также были присуждены только вторые премии за фотоработы к рефератам учениц 9 класса Порховской средней школы №1 (педагог Яковлева Л. А.) Лошенковой Екатерины Евгеньевны («Церкви Порховского района в годы Великой Отечественной войны») и Страшко Ульяны Анатольевны («Снежный десант»). Анализ фоторабот, присланных на конкурс, показал, что, несмотря на возможности современной техники делать качественные снимки, все-таки изюминка репортажа, расположение, нить рассказа, к сожалению, не прослеживались ни в подписях, ни в видеоряде.

В заключение отметим, что подобного рода конкурс, объявленный Порховским музеем совместно с частными лицами стал новым явлением в практике музейной работы в районе. Он позволил дополнительно привлечь внимание учащихся школ района, в том числе и сельских, к проблемам исторического прошлого в год 60-летия Великой Победы. Обращение не только к литературе и учебникам,

но и поиск новых исторических источников, самостоятельная работа с материалами семейных архивов заставили ребят на какое-то время погрузиться в те страшные и великие сороковые, прикоснуться к прошлому своей улицы, своей деревни, своей семьи, своего рода. Без такой сопричастности немыслимо познание и усвоение истории страны, формирование гражданина и патриота.

Учредителям конкурса «Я и Клио» хотелось бы, чтобы он стал традиционным в школах района, чтобы расширялся состав его спонсоров, рос призовой фонд. Темой года следующего конкурса можно объявить: «Жизнь моей семьи (рода) и ее вклад в историю края». Чрезвычайно важно при этом, чтобы в конкурсе принимали участие как можно больше сельских школ, в том числе и небольших. Приоритетным можно сделать лозунг «Привет “малой школе”!»

Положение о конкурсе «Я и Клио»

Я – это участник конкурса. Я – еще не старик, учусь в 8–11 классе. Люблю свой дом, свою семью. Люблю узнавать новое. Поэтому я буду участвовать в конкурсе по истории Порховского края. Поможет мне в этом Клио.

Клио – это муза. Муза истории. Помогает всем тем, кто готов найти и рассказать интересные и поучительные истории о прошлом. Я и ты, все мы вместе напишем для Клио новые истории.

Конкурс «Я и Клио», посвященный 60-летию победы Советского Союза над фашистской Германией, проводится с 1 декабря 2004 г. по 9 мая 2005г. среди учащихся 8-11 классов школ Порховского района Псковской области. Последний срок подачи работ на конкурс 15 мая 2005 года. Работы принимаются в произвольной форме под девизом. К работе прикладывается запечатанный конверт, на котором пишется только девиз участника. В конверт вкладывается анкета.

- Главная тема года – к шестидесятилетию победы в Великой Отечественной войне – «Памятники воинской славы и гражданской скорби».

В данной номинации на конкурс принимаются работы по теме «Порховский край в годы Великой Отечественной войны».

1. **Рефераты**, написанные на основе краеведческой литературы, материалов Порховского краеведческого музея, рассказов и воспоминаний участников войны.
2. **Рассказы, сказки, очерки**, сочиненные на основе легенд, устных рассказов и воспоминаний, услышанных в своей семье от родителей, бабушек и дедушек, соседей и знакомых и написанных литературным русским языком.
3. **Репортажи** с места событий (об истории создания и состоянии памятников Великой Отечественной войны, местах захоронений и территориях концлагерей в годы Великой Отечественной войны, местах сражений и т.п.). Форма репортажа предполагает наличие ярко выраженной гражданской позиции.

Главный приз – 1000 рублей.

2-я премия 500 рублей.

3-я премия (две) – абонемент на обучение в Доме ремесел.

Номинация «Фоторепортаж»

- Присуждается за серию фотографий (3 – 10 шт.), сделанных на одном из исторических мест или памятников природы, объединенных единым сюжетом; фотографии должны иметь подписи, раскрывающие сюжет и общее вступление об истории и значении этих мест.
- По данной номинации награждаются также работы, участвующие в конкурсе по главной номинации, за оформление работ с включением фотографий.

1 премия – 300 рублей.

2 премия – 200 рублей.

Номинация «Я – поэт».

- Рассказ об истории Порховского края в стихах.
- По данной номинации награждаются также работы, участвующие в конкурсе по главной номинации, за оформление работ с включением стихотворений собственного сочинения.

1 премия – 300 рублей.

2 премия – 200 рублей.

Номинация «Я – художник»

- Рассказ об истории Порховского края в рисунках, выполненных в любой технике. Рассматриваются только серии рисунков (2 и более), объединенных сюжетной темой. Рисунки должны быть выполнены на листах формате А4 или большего.
- По данной номинации награждаются также работы, участвующие в конкурсе по главной номинации, за оформление работ с включением собственных рисунков.

1 премия – 300 рублей.

2 премия – 200 рублей.

Условия для учредителей

Учредителями являются частные лица и общественные организации, государственные структуры.

Вклад учредителей может быть внесен денежными суммами или материальными ценностями (книги, игрушки, канцелярские принадлежности и пр.).

Учредители вносят свой пай либо на одну или несколько объявленных номинаций или могут учредить самостоятельную номинацию. Учреждение самостоятельных номинаций возможно только после фактической передачи призовой суммы или наград учредительному комитету. Вновь учреждаемые номинации не должны по номинальной стоимости призов превосходить главную номинацию года. Избыточные средства автоматически перемещаются в призовой фонд главной номинации года.

Все оставшиеся от призового фонда средства автоматически расходуются на поощрительные премии по главной номинации.

Внимание !!! Конкурс !!!

Я – это участник конкурса.

Я – еще не старик.

Учусь в 8 – 11 классе.

Люблю свой дом, свою семью.

Поэтому **Я**

буду участвовать
в конкурсе
по истории **Порховского края !**

Поможет мне в этом **Клио!**

Клио – это муза. Муза истории.

Помогает всем тем, кто готов найти и рассказать интересные и поучительные

истории о прошлом.

Я,

ты,

все мы вместе –

напишем для Клио новые истории !!!

Анкета участника конкурса «Я и Клио»

Фамилия.....

Имя.....

Отчество.....

Школа и ее адрес.....

Класс.....

Учитель.....

Почтовый адрес с индексом.....

Почему я решил участвовать в конкурсе ?

Дата. Подпись.

ПОРХОВСКИЕ КУПЦЫ АРДАМАЦКИЕ И ИХ РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ

Одними из наиболее известных и богатых купцов в Порхове в XIX – начале XX века были Ардамацкие. На старом городском кладбище недалеко от входа в церковь Иоанна Предтечи, с правой её стороны, сохранился интересный надгробный памятник цилиндрической формы. Под ним – захоронение Ивана Ларионовича Ардамацкого (1800–1838). Рядом покоится его жена – Феодосия Семёновна (1797–1879). Это первые из Ардамацких, которых удалось установить. К ним и привели нити начатого в Острове исследования по одной из купеческих династий.

У Ивана Ларионовича и Феодосии Семёновны было двое сыновей – Павел и Пётр.

Пётр Иванович Ардамацкий был женат на Марии Ивановне Крестовской из Велье. Крестовские – наиболее богатый местный купеческий род. Они занимались торговлей льном. В Велье им принадлежала сохранившаяся до наших дней усадьба с двухэтажным домом в стиле позднего классицизма (в настоящее время школа), а также кухней, скотным двором, хлебным амбаром и льняным складом. Последний является уникальнейшей валунной постройкой на территории Псковской области, поскольку содержит выложенные галечной крошкой надписи («Оптовый склад», инициалы строителей) и различные изображения (весы, карета, рыба, часы и пр.). Сохранилось и здание богадельни для содержания неимущих мужчин и женщин, построенное Крестовскими при церкви.

Из детей Петра Ивановича и Марии Ивановны Ардамацких известны Леонид, Владимир и Евгений. Леонид Петрович, владевший двумя продовольственными магазинами в Порхове, жил в своём имении – с. Вячок. В его семье было 6 детей: Евгений, Николай, Павел, Владимир, Надежда, Александр.

Имение второго сына Ардамацких, купца второй гильдии Владимира Петровича, в 463 десятины находилось в селе Заполье. В 1892–

1893 годах он был блюстителем Порховского духовного училища, сменив на этом посту своего дядю Павла Ивановича. Ведя активную общественную жизнь, Владимир Петрович председательствовал в Попечительном обществе о Доме трудолюбия в Порхове, являлся членом правления Общества помощи учителям и Пособия бедным учащимся в порховских учебных заведениях. После революции остался жить в своём имении на 13 десятинах земли. У Владимира Петровича и его жены были дети: Любовь и Леонид.

Дочь Петра Ивановича и Марии Ивановны Ардамацких Евгения Петровна, выйдя замуж, уехала из Порховского уезда. Её муж Николай Андреевич Бенкевич, по сохранившимся у потомков сведениям, был городским головой в Невеле. Из восьми их детей (Анна, Владимир, Ольга, Модест, Иван, Николай, Зинаида и Александра) больше известно о судьбе Зинаиды.

Зинаида Николаевна Бенкевич вышла замуж за островского купца Михаила Михайловича Антипова. Купеческая фамилия Антиповых в Острове осталась навсегда запечатлённой в названии самого интересного памятника гражданской архитектуры начала прошлого века – дома купца Антипова (Реальное училище). Сами Антиповы, среди которых был и городской голова, сыграли значительную роль в экономической и общественной жизни города.

В XIX веке Остров наряду с Псковом являлся одним из центров торговли льном с заграницей. Занимался этим и Михаил Михайлович. Был он купцом 2-й гильдии.

Зинаида Николаевна Бенкевич и Михаил Михайлович Антипов венчались в 1905 году, когда Михаилу было 34, а Зинаиде – 30 лет. В семье Антиповых родилось трое детей: Наталья, Владимир и Николай. Антиповы жили на центральной улице Острова – Полоцкой, напротив церкви Покрова Богородицы, прихожанами которой они являлись. Семья была очень религиозной, здесь часто принимали духовенство, особенно во время крестных ходов, проходивших через Остров. Останавливался проездом в Варшаву и Его Императорское Величество Николай II. Чашечка с блюдцем, из которых он пил чай, долгие годы хранилась в семье как реликвия.

Мирный уклад жизни этой, как и других купеческих семей, был нарушен революционными событиями начала XX века.

В тридцатые годы все дома Антипова национализированы. Михаил Михайлович перебирается в Латвию. Зинаида Николаевна как заложница была посажена в островскую тюрьму. Дети ходили к ней с передачами, а позже смогли выхлопотать освобождение. В 1925 году семья, кроме оставшейся в Острове старшей дочери Натальи, оказывается в эмиграции в латвийском городе Режица (Резекне). Спустя четыре года Зинаида Николаевна умирает. Тоскуя по родной земле и любимому делу, Михаил Михайлович устроился работать бракером в Коровске. В 1920–1940 годах эта часть Островского уезда находилась под властью буржуазного правительства Латвии. Здесь он сортирует лен на экспорт.

Когда с началом Великой Отечественной войны немцы оккупируют Остров, Михаил Михайлович возвращается домой и заведует заготовкой и отгрузкой льна. В конторе у него работает дочь Наталья. С отступлением фронта они переселяются в Абрене (современное Пыталово).

После победы в Великой Отечественной войне вся семья уже навсегда оказывается оторванной от Псковской земли. Но, живя за пределами России, Антиповы всё время оставались её частицей.

Молчаливым, с суровым взглядом глубоко посаженных глаз запомнился Михаил Михайлович своим внукам. Человеку, потерявшему Родину, дом, привычный образ жизни, любимое дело и оказавшемуся на чужой земле, наверняка трудно быть другим. Но он никогда не ругал советскую власть, не жаловался. Антипов был человеком религиозным и относился ко всему, что произошло с позиции, что всякая власть от Бога. Умер Михаил Михайлович в 1959 году 5 сентября, на 30 лет пережив Зинаиду Николаевну и сохранив ей верность. По воспоминаниям внуков, когда однажды кто-то из детей предложил ему попробовать еще раз устроить свою личную жизнь, он гневно прервал: «Никогда не говорите мне этого больше».

Как же сложилась судьба их детей? Наталья (1907–1978) закончила педагогический институт в г. Пскове и вышла замуж за Евгения Дорофеевича Федорова, также купеческого рода из Вышгородка (в своё время он учился в островском реальном училище, построенном Михаилом Михайловичем Антиповым). Жила в Пыталове, похоро-

на в г. Саласпилсе (Латвия). Их сын Виталий Евгеньевич Федоров настоящий момент проживает в Риге. Младший сын Михаила Михайловича Антипова – Николай, родившийся в 1913 году, работал учителем, затем директором школы в г. Ритупе (Латвия). Умер в 1949 году и похоронен в Риге. Более подробно хочется остановиться на судьбе среднего сына, прожившего очень достойную жизнь. Это Владимир Антипов. Родился он в 1910 году в Острове. Здесь же учился в двухклассной мужской гимназии. Поскольку семья Антиповых отличалась глубоким благочестием и религиозным укладом, частыми посетителями дома были странники. Маленький Владимир с большим интересом слушал их рассказы. Уже в 10-летнем возрасте он принимал участие в крестных ходах – носил хоругви, ходил в Симанский монастырь. Переехав в Латвию, Владимиру пришлось заново пойти в первый класс – здесь не признавалось образование, полученное в России. После окончания гимназии учился в Рижской духовной семинарии. В 1934 году в Псково-Печерском монастыре он был рукоположен сначала в диакона, а спустя неделю – в иерея и назначен в Зилупе (Латвия). Молодой священник, который своим видом, голом, умением служить и проповедовать мог бы украсить любой столичный храм, едет в маленький городок и служит здесь 52 года.

Женат он был на Марии Никаноровне Трубецкой, которая разделила многотрудную судьбу своего мужа. Мария Никаноровна принадлежала к побочной ветви знаменитого рода,

Помимо основных обязанностей отец Владимир преподавал вместе с матушкой Закон Божий сразу в семи школах, добираясь до них пешком или на велосипедах. Их очень любили прихожане. Вместе со своим приходом о. Владимир построил часовню в м. Опули, были собраны деньги на строительство новой церкви в Зилупе, но началась война. Местное население стали увозить на работу в Германию, в концентрационные лагеря. Немцы достаточно лояльно относились к духовенству, и если священник ручался («подписывался») за того или иного человека, его отпускали. Так о. Владимиром было спасено много людей, среди них – семья известных в Латвии учителей и врачей Громм. Сестер Ираиду и Татьяну Хруцких он вытащил уже из

окна движущегося поезда (Антипов И.В. Зилупский батюшка // Виноградная лоза. 2000. № 2).

Связь отца Владимира с Псковщиной не прерывалась. Из Себежского района к нему стали приезжать люди, так как церкви здесь уже были большей частью закрыты. Ему привозили на отпевание большие списки замученных мирных жителей. Молясь за этих людей, о. Владимир глубоко переживал за свою многострадальную Родину. После войны, когда в Латвии установилась советская власть, пришли новые испытания. За любую случайно оброненную фразу, критикующую строй, а то и по одному подозрению в нелояльности сажали, ссылали в лагеря. Начались доносы друг на друга. Семья Антиповых ждала арестов с минуты на минуту, но ни один из прихожан, несмотря на угрозы, не подписал доноса на священника. Умер о. Владимир 21 июня 1986 года.

Двое из его детей – Игорь Владимирович и Татьяна Владимировна – и по сей день живут в Риге. Третьего – Гурия Антипова – уже нет в живых. Это был очень известный в Латвии человек. Он окончил музыкальную консерваторию, в течение 25 лет преподавал, являлся профессором Музыкальной академии Латвии, известным оперным певцом, ведущим солистом Латвийской национальной оперы.

А начинал Гурий Антипов петь в церковном хоре своего отца, и именно это пение, по мнению преподавателей, способствовало росту его музыкального таланта. Однако с детства он чувствовал себя второсортным из-за своего происхождения: с ним никто не хотел играть, его дразнили, обзывали «попенком». В школе ему предложено было отречься от отца, а во время учебы в консерватории, когда стало известно, что он поет в церковном хоре, его едва не выгнали.

Сохранилось воспоминание о посещении Гурия Антипова г. Острова, куда на свою Родину отец взял его еще во время учебы в консерватории. Когда они зашли в Троицкий собор, он попросил произвести сына многолетие, чтобы испробовать акустику. Гурий во всю мощь студенческих легких пропел: «Мно-о-га-я ле-ета!». Акустика оказалась действительно великолепной. А отец слушал и плакал. Разве мог он думать, что здесь, где прошло его детство, будет звучать голос сына?

Вот так сложилась судьба потомков островского купца Антипова и внучки порховских купцов Ардамацких. С болью покинув свою родину и все время страдая о ней, они нашли приют в Латвии и стали почетными людьми этого государства. Как сказала журналистка латвийского радио в передаче, посвященной памяти Гурия Антипова: «Вонетину такими русскими Латвия может гордиться!»

ЛИТЕРАТУРА

1. Антипов И.В. Зилупский батюшка // Виноградная Лоза. 2000. № 2.
2. Васильев М.Е. Филимонов А.В. Велье. Выпуск 1. Псков, 1992.
3. ГАПО. Ф. 20, 39, 74, 178.
4. Давыдчик Е., Баскакова Л. Порховское купечество и его роль в жизни города // Криведческие чтения: Материалы научной конференции Порхов-Холомки, 20-21 декабря 2002. Псков, 2003.
5. Костенецкая М. Русские Латвии. Памяти Гурия Антипова. Радиопередача - архив Латвийского радио. 2000.
6. Памятные книжка Псковской губернии на 1880, 1886, 1888, 1901. 1905-1906, 1907, 1911-1912, 1913-1914 годы.
7. Панов Н.А. Летопись г. Острова и его уезда. Остров, 1913.
8. Статистико-географический словарь Порховского уезда. Порхов, 1896.
9. Чупова Э. Светлой памяти Гурия Антипова // Виноградная Лоза. 2000. № 3.

А.П. Гагарин

СУДЬБА ПОТОМКОВ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ХОЛОМКОВ

Как известно, семья Гагариных начала жить в имении Холомки в мае 1914 года. Этому предшествовал период строительства усадьбы, который Мария Дмитриевна описывает следующим образом:

«Рисунок в стиле русского ампира и планы были заказаны архитектору И.А. Фомину, а постройку А.Г. вел сам с помощью своих старших сыновей и крестьянина подрядчика. Во всякую деталь, начиная с приемки кирпича и кончая вычислением размера колонн, он занимал сам, для чего большую часть года жил на постройке в про-

стой избе. Дом строился, главным образом, из местного материала: кирпич покупался у соседних крестьян, а для грандиозного гранитного фундамента взрывались динамитом и тесались громадные валуны, которыми были усеяны окрестные поля. Это давало значительный заработок местному населению и улучшало поля, освобождая их от лишних камней.

Дом был окончен в июне 1914 года, но спокойно пожить в кругу своей семьи А.Г. пришлось недолго. Через месяц была объявлена война, сыновья наши тотчас же ушли на фронта, а в Холомках А.Г. оборудовал на свой счет лазарет на 15 коек для раненых и больных нижних чинов. Лазарет этот содержался на личные средства А.Г. в течение всей германской войны. Сам А.Г. в 1914–1915 году остался зимовать в деревне и взял на себя обязанности председателя волостного попечительства о семьях ушедших на войну мобилизованных крестьян. И в это дело А.Г. вложил всю свою энергию и справедливое отношение к людям и тем снискал полное доверие и уважение к себе местного населения, особенно беднейших семей, о которых, главным образом, заботился, так что к нему обращались за советом даже из другой волости».

Владельцы Холомков – Андрей Григорьевич и Мария Дмитриевна Гагарины – жили в своем имении более или менее спокойно до 1918 года. Дальнейшие события также описывает Мария Дмитриевна: «Создание научно-экспериментального института при Комиссариате Путей Сообщения в Москве привлекло А.Г. на работу на нем, и в июне 1918 г. он был назначен на должность старшего конструктора, которую и занимал до самой своей кончины. Здесь он по заданию заведующего отделом материалов делал проекты ротационного копра и других машин. Но, несмотря на интересную работу, в это время в Москве началась для А.Г. очень тяжелая жизнь в нравственном и физическом отношениях. Главным образом, удручала его вынужденная разлука с семьей, которая находилась в деревне [т.е. в Холомках – А.Г.]. Там в 1918–1919 годах царствовал красный террор. Местная власть, по большей части пришлый извне элемент, преследовала всех без разбора бывших помещиков. А.Г., приехав навестить нас осенью 1918 года, не избег этой участи, и только бла-

годаря тому, что в Москве на месте его службы об этом во время узнали и потребовали его переезда в Москву, он избег расстрела. В Москве его скоро освободили».

Шестеро их детей в это время были в самых разных местах, и их судьбе и отчасти судьбе их детей и посвящен настоящий доклад.

Старший сын, Андрей, описал свою пред- и послереволюционную судьбу, давая показания на допросе в НКВД. Я получил копию записи его показаний, сделанную т.н. «уполномоченным».

«Родился я в семье Гагарина Андрея Григорьевича, происходящего из дворян, бывших князей, в гор. Москве, 23 мая 1886 года. Отец мой в 1917 г. был в чине полковника и служил в Артиллерийском Комитете, кажется, в должности конструктора. Мать моя – Мария Дмитриевна, урожденная княжна Оболенская. Отец мой умер в 1922 г. [1921–А.Г.] будучи на службе в НКПС, а мать до сих пор проживает в Ленинграде на ул. Розы Люксембург д. № 22 кв. 6, проживающая на пенсии. Помимо меня, у родителей были еще дети, из числа которых старший мой брат (после меня) Сергей – до революции был чиновником Министерства Иностранных Дел, в настоящее время проживает в Америке, в Нью-Йорке, где служит в какой-то фирме. За границу он выехал легально, будучи назначен МИДом в Константинополь в дипломатическое представительство.

Второй мой брат – Лев, до революции служил химиком в военном ведомстве, в чине младшего офицера (подпоручика). В 1919 г. [1921–А.Г.] он умер в Константинополе от тифа, где проживал в эмиграции. Третий мой брат – Григорий, до революции служил в Л.-Гв. Гусарском полку, корнетом. Сейчас проживает в Америке, где-то около Нью-Йорка, занимаясь обучением верховой езде. В Америку он уехал нелегально через Псков в 1919 [1918 – А.Г.], откуда он бежал из-под ареста, так как был лишен свободы как заложник и был приговорен к расстрелу.

Сестра моя – София Андреевна Гагарина, до революции имела звание фрейлины б. государыни Марии Федоровны, в то же время была сестрой милосердия в лазарете Красного Креста, в настоящее время находится в Америке, проживая вместе с братом Григорием, куда выехала легально в 1928 г. из гор. Ленинграда. Через кого

именно она получила разрешение на выезд, мне неизвестно. С братьями и сестрой, проживающими ныне за границей, я никогда переписки не имел. Моя мать изредка с ними обменивается лишь открытками.

После окончания образования я в 1913 г. был призван на военную службу и зачислен канониром 2-й бат. Гвард. Конной Артиллерии. С военной службы был направлен для сдачи экзамена в Михайл. Артилл. Училище, где испытания выдержал и вернулся в батарею. Перед объявлением войны в 1914 г. был произведен в подпоручики. На Северном фронте пробыл я до 1915 г., после чего я был командирован в Америку, в качестве старшего приемщика в комиссию генерала Сапожникова, где пробыл до осени 1916 г., после чего вернулся в батарею, заняв должность младшего офицера.

Вернувшись из Америки, я узнал, что командиром Конной Артиллерии был назначен б. Великий Князь Андрей Владимирович, а адъютантом был граф Ребиндер, с последним был знаком только по полку. С Андреем же Владимировичем я знаком не был, явившись к нему с представлением, им не был принят.

В Конной артиллерии я прослужил до марта месяца 1918 г., после чего я демобилизовался в г. Дарницы под Киевом, до этого занимал должность выборного командира батареи.

После демобилизации я поступил на Шрамковский Сахарный завод в Полтавской губ., на должность заведующего сушилкой жема, где пробыл до декабря 1918 г.

Службу оставил эту, в связи с проведением общей мобилизации, проводимой Гетманом, которым был мобилизован и я.

Приехав в г. Киев, я назначения никакого не получил, т.к. там был у власти Петлюра, при котором остался без дела.

Я имел большое желание проехать в Питер, но лишен был этой возможности из-за гражданской войны. Мне оставалась открытой одна лишь дорога на Одессу, куда я и бежал из Киева.

По приезде в Одессу я был моментально мобилизован в белую добровольческую армию, куда, уступая силе, должен был поступить».

Подпись А. Гагарин 29/IV/30

Допросил уполномоченный подпись

Андрей Андреевич о своей воинской службе пишет очень скупо («На Северном фронте пробыл я до 1915 г.»), однако из документов

военно-исторического архива, любезно предоставленных мне А. А. Шумковым, можно заключить, что в боевых действиях он принимал активное участие:

«Окончил полный курс Михайловского Артиллерийского училища по 1 разряду.

Был награжден за боевые отличия орденами: Св. Анны 4 степени с надписью «За храбрость», Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом, Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2 ст. с мечами. [РГВИА, ф. 4000, оп. 1, д. 244, л. 17, 20].»

Мне было известно, что мой дядя Андрей Андреевич оставался в России, как и мой отец. Однако судьба Андрея Андреевича была неизвестна. Я знал также, что где-то в Ленинграде живет дочь Андрея Андреевича Ирина, моя двоюродная сестра. В 60-е годы я пытался ее разыскать через адресный стол Ленинграда, но мне был дан ответ, что такой в Ленинграде нет. Нам удалось познакомиться только в 1989 г., когда о приезде моего двоюродного брата из Америки сообщили по радио. С тех пор мы с Ириной прилагали значительные усилия, чтобы выяснить судьбу отца Ирины, написали в разные инстанции более десятка писем, получили справку о его реабилитации, датированную 1990 годом, но окончательные данные о его судьбе нам удалось получить с помощью общества «Мемориал» только в 2001 году. Вот какой документ мы получили:

Федеральная служба безопасности Российской Федерации
Управление по Кемеровской области
11 мая 2001 г №1394
г. Кемерово

Директору НИЦ «Мемориал» Иофе В.В.
191026 г. С-Петербург, а/я 4

На Ваш запрос N 236 от 28.04.2001 года сообщаем, что в Управлении ФСБ по Кемеровской области хранится архивное уголовное дело в отношении Гагарина Андрея Андреевича, 23 мая 1886 года

рождения, уроженца города Москвы, арестованного 28 июня 1937 года Сталинским ГО НКВД. До ареста проживал в гор. Сталинске (ныне гор. Новокузнецк Кемеровской области), работал на Кузнецком металлургическом комбинате заведующим проектной группой отдела главного электрика.

Гагарин А. А. был необоснованно обвинен в том, что якобы являлся руководителем штаба диверсионно-повстанческой организации, которая готовилась к вооруженному восстанию против советской власти. Постановлением тройки УНКВД Западно-Сибирского края от 9 июля 1937 года осужден по ст. ст. 58-2, 4, 11 УК РСФСР и приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 18 июля 1937 года.

Постановлением Президиума Кемеровского областного суда от 29 января 1957 года Гагарин Андрей Андреевич реабилитирован за отсутствием состава преступления.

Таким образом, в 1990 году он был реабилитирован вторично – первый раз это было в 1957 году.

Сейчас в Петербурге живут дочь Андрея Андреевича Ирина и его внучка Елена Николаевна Арцутанова, художница.

Судьба второго сына хозяев Холомков – Сергея – не столь драматична. Он родился 18 сентября 1887 года в Петербурге, закончил Анненшуле, и по окончании ее поступил на экономическое отделение Политехнического института. Во время революционных брожений 1905–06 годов, когда большинство высших учебных заведений было закрыто, Сергей поехал в Германию и слушал лекции в Берлинском и Гейдельбергском университетах. Вернувшись в Россию, он закончил Политехнический институт в 1909 году. Его выпускная работа по международному праву «О проливах» (имеются в виду Босфор и Дарданеллы) была напечатана в журнале «Русская мысль». В 1912 г. Сергей с отцом посетил Америку, оттуда из Сан-Франциско отправился в кругосветное путешествие, и в начале 1913 года, возвратясь в Россию, поступил на службу в Министерство иностранных дел. Во время Первой мировой войны он был в Ставке Верховного главнокомандующего в числе представителей Министерства иностранных дел. После этого он был назначен секретарем Российского посольства в Константинополе, где прожил в центре всех политических и военных событий того

времени, связанных с Белым движением и эмиграцией русских из Крыма, Кавказа и Дона в Константинополь.

В 1923 году Сергей переезжает в Америку, сперва один, а потом и с семьей. Эмигрантская печать отмечала его активную общественную и церковную деятельность. Благодаря его содействию, знакомствам и неутомимой деятельности Русская православная церковь получила под свой кафедральный собор огромное здание в Нью-Йорке.

Сергей был одним из создателей т.н. Фонда Помощи Русской Православной церкви в Америке, в который, в частности, вошли и. Сергей Платонович Оболенский, А.Р. Вирен, И.И. Сикорский, С.В. Рахманинов, М.И. Печковский и другие.

Кроме церковной деятельности Сергей принимал горячее участие в создании и популяризации идей Клубов русской молодежи, он постоянно выступал с докладами и речами на их конференциях и собраниях. В издаваемом ими журнале он печатал статьи и очерки государственного и философского содержания. Он был связан с организацией Толстовского фонда, организованного Александрой Толстой, дочерью писателя.

Его жизнь закончилась трагически: войдя в подвал своего дома, где стояли баллоны с бытовым газом, которые оказались бракованными и подтекали, он поворотом выключателя вызвал взрыв газа и скончался в больнице от ожогов через неделю после взрыва в 1941 году.

Три его сына получили в Америке прекрасное образование. Старший – Андрей – во время войны был военным моряком и сопровождал конвой PQ-17, потом стал бизнесменом, с 1988 года ездил в Россию ежегодно, иногда даже по 2 раза в год, до самой смерти в марте 2002 года. Он бывал в Холомках и тоже любил эти места. Средний сын Сергея – Сергей – стал аэродинамиком, работал в фирме Сикорского, приезжал в Россию однажды в 1993 году и тоже побывал в Холомках. Младший сын – Петр – был летчиком, но он по-русски не говорит и Россией не интересуется.

О судьбе третьего сына хозяев Холомков – Льва – известно очень мало. Из текста допроса Андрея следует, что он служил химиком в военном ведомстве. Вместе с тем, из архивных данных известно, что он служил в лейб-гвардии 4-м императорской фамилии батальоне в

чине штабс-капитана. В гражданскую войну был в Белой армии, с ноября 1918 года он в чине капитана служил адъютантом командующего вооруженными силами Северной области генерала В.В. Марушевского. Написал воспоминания «Образование Северного фронта». Уехал в 1920 году из Крыма в Константинополь и умер от тифа на островах недалеко от Константинополя. Из рассказов известно, что он был очень добрым человеком, в частности, житель Холомков Андрей Михайлович Шувалов рассказывал, что еще в детстве Лев потратил сэкономленные деньги, даваемые ему родителями, на постройку дома бедному крестьянину в окрестностях Холомков.

Единственная дочь Софья родилась 25 октября 1892 года, до революции была фрейлиной Высочайшего Двора. После революции, национализации Холомков и открытия там Народного дома имени Ленина 9 января 1919 года было постановлено «организовать совет Народного дома и заведывание им возложить на дочь бывшего владельца имения Холомки Софию Андреевну Гагарину как лицо вполне пригодное по образовательному цензу и изъявившее желание работать по внешкольному образованию». Софья Андреевна много занималась организацией театра при Народном доме, а потом очень помогала Марии Дмитриевне в организации Художественной колонии. Софья жила в Холомках до 1924 года вместе с матерью Марией Дмитриевной и младшим братом, моим отцом Петром. Выселение их из Холомков было осуществлено по решению ВЦИК, которое было принято по ходатайству Псковского губисполкома.

В 1927 году, благодаря помощи наркома Енукидзе, ей удалось уехать в Америку к братьям – Сергею и Григорию. Там в 1940 году она вышла замуж за Николая Николаевича Ростковского, они жили в городе Батон-Руж в штате Луизиана, далеко на юге США. Н.Н. Ростковский умер в 1975 году, а Софья Андреевна – в 1979.

Следующий сын, Григорий, рожд. 21 января 1895 года, своей судьбой очень тесно связан с Холомками. До революции он был корнетом лейб-гвардии Гусарского полка, участвовал в войне, но подробности его военной жизни неизвестны, в 1918 году вернулся в Холомки. Драматические события его краткой жизни в Холомках в 1918 году известны из его опубликованных воспоминаний (Звезда № 2 за

1994 г.) и из материалов архива Псковского музея истории края, любезно предоставленных мне участниками предыдущих конференций. Григорий был арестован 30 августа 1918 года. 2 сентября ЧК при Псковском исполкоме приняла постановление: «Рассмотрев дело бывшего князя Гагарина по заявлению гражданина и наблюдателя провинциального сыска Курицына за распространение провокационных слухов среди населения волости постановила: бывшего князя Гагарина взять под стражу впредь до окончательного разбора дела в Псковскую тюрьму». 4 сентября ЧК выносит приговор: «...рассмотрев дела бывшего князя Гагарина, гражданина поселка Дно Насоновна, обвиняемых за контрреволюционную агитацию, и бывшего офицера Молоданова за подстрекательство против советской власти постановила: всех троих признать виновными в приписываемых им обвинениях и расстрелять. Приговор привести в исполнение в 24 часа. Комиссар ЧК Кондратьев, Секретарь Костров».

Дальнейшее прекрасно описано в воспоминаниях Григория Андреевича:

«Пятого сентября по всей тюрьме мгновенно разнеслась сильно ободрившая нас весть о смерти Ленина [30 августа 1918 года на Ленина было покушение Каплан – А.Г.]. Той ночью я особенно горячо молился Господу и Николаю Чудотворцу, прося, если мне суждено будет погибнуть, вразумить меня и сподобить принять смерть достойно и мужественно. Это была первая ночь в тюрьме, когда я, не ворочаясь, сразу заснул как убитый.»

«Я лежал у стенки, рядом со мной спал прапорщик, а у другой стенки – старый торговец. Среди ночи меня разбудил скрежет ключа в замочной скважине. Все мы тут же тревожно поспрыгивали с нар. В камеру шагнул охранник и приказал одеваться. За его спиной в дверях стояли два вооруженных солдата. Прапорщик спросил: «Кому одеваться?» – «Всем трем одеваться и спускаться вниз в контору». – «Зачем?» – «На расстрел.»

«Я почувствовал, что сердце у меня оборвалось, перед глазами появились радужные круги, лоб покрылся испариной. Еще мгновение – и я бы рухнул без чувств. К счастью, под рукой оказалась бутылка, в которой осталось немного воды. Я выпил ее и почувствовал, что

сознание мое прояснилось. Когда мои товарищи собрались, конвой вывел нас на тюремный двор. Там нас поджидали еще четыре солдата (итого шесть) во главе с командиром и начальником «Чрезвычайки» К[ондратьевым — А.Г.]. Солдаты были вооружены винтовками с примкнутыми штыками. Командир и К. имели по два револьвера каждый.

Мы подходили уже к последнему перекрестку, за которым виднелась кладбище, а мысли мои были все еще в большом беспорядке. Вот и перекресток: раздумывать больше было нельзя, и я решился. Не глядя, я бросился на солдата, шедшего с моей стороны. Удар сбил его с ног, но и меня отбросил назад, в самую середину группы. Тут же я почувствовал, как кто-то крепко схватил меня сзади. На секунду показалось, что все кончено. Все пошло прахом, надежды рухнули, смерть неминуема. По обхватившим меня рукам я узнал К. Его правая рука с револьвером медленно поднималась, направляя ствол к моей голове.

Борьба казалась бессмысленной. Время для меня остановилось, множество обрывочных мыслей промелькнуло в мозгу за какое-то одно мгновение. Наконец — выстрел. Я было решил, что уже мертв, и несказанно удивился тому, что зрение мне не изменило и я продолжал видеть наяву все ту же улицу и окруживших меня людей. До этого я представлял себе смерть совершенно иным образом. Наконец, я сообразил, что остался жив и пуля миновала меня, пройдя поверх головы. Я до сих пор ума не приложу, как мне могло так повезти. (Десять лет спустя я узнал от своей сестры Сони, что К. пытался стрелять еще дважды, и дважды револьвер давал осечку.)

Я резко вывернулся, обхватил К. за пояс и швырнул его оземь, серьезно, как оказалось впоследствии, разбив ему голову, и рванулся вперед изо всех сил. На все это ушли считанные секунды. Я бежал зигзагами, стараясь сбить конвой с прицела.

Позже я узнал, что мои товарищи по несчастью были отведены чуть в сторону и расстреляны прямо на дороге. Их неубранные тела так и остались лежать в придорожной канаве. Я же, пробежав под пулями более ста двадцати метров, заметил, что с правой стороны ряд домов кончился и потянулась какая-то изгородь, ско-

лоченная из тонких жердей, высотой метра два с половиной. Гонимый смертельной опасностью, я перемахнул через изгородь, не задая ее верха даже краем одежды, и очутился на овсяном поле.

[...] И вот наконец настал долгожданный миг избавления. Мы беспрятственно достигли границы оккупационной зоны. Я с облегчением перекрестился и громко сказал: «Слава Тебе, Господи!», а затем повернулся в сторону опоганенной большевиками земли и в сердцах выругался. И молитва, и ругательство вырвались непроизвольно из самой глубины моей души.

На шоссе нам повстречалась рота германских солдат. Лишь тогда я со всей остротой осознал трагизм своего положения — русский офицер, воевавший против немцев и ненавидящий своего врага, стремится попасть на оккупированную ими часть его родной земли, ищет их танкиты, чтобы спасти свою жизнь. Я почувствовал себя таким ущербным, таким жалким, что, будучи не в силах перенести это, разрыдался как ребенок.

В конце концов Григорий попал в США и обосновался там. Там же живет сейчас его сын Григорий, у которого два сына — Григорий и Рассел и дочь Екатерина, а его собственный дом носит название «Холомки».

Наконец, последний сын Андрея Григорьевича и Марии Дмитриевны — Петр, — родившийся 16 июля 1904 года, ко времени революции был подростком. Когда в 1924 году семья была выселена из Холомков и переехала в Ленинград, он с трудом поступил в Политехнический институт на факультет механизации сельского хозяйства: князю и сыну князя (декрет советской власти об отмене сословий был ложью: сословия не отменили, их поменяли местами) стоило гигантских трудов получить разрешение на сдачу приемных экзаменов. После окончания института он работал в институте «Гипрошахт» и, по рассказам моей матери, часто ездил в командировки в Горловку.

В марте 1935 года его арестовали в первый раз и приговорили к ссылке в г. Иргиз Казахской ССР вместе с женой 22 лет и сыном 9 месяцев — мною. Однако благодаря интенсивному ходатайству профессоров Политехнического института и с использованием известной охранной грамоты, выданной Лениным моему деду, ссылку удалось отменить.

Второй раз его арестовали в ночь с 20 на 21 ноября 1937 года. Как я узнал в 1965 году, когда получил документы о его реабилитации, он был расстрелян 18 января 1938 года, через полгода после расстрела своего старшего брата. 31 января 1938 года моя мать была приговорена к ссылке и 10 февраля выслана в административном порядке из Ленинграда без указания срока высылки как жена врага народа. От дальнейшего пребывания в ссылке она была освобождена 14 августа 1939 года.

Что же касается моей судьбы, то о ней я уже много раз здесь рассказывал. Меня репрессии не коснулись – время, в которое я жил, было уже совсем другим. И тем не менее моя мать сказала мне как-то, что считает своей главной заслугой в жизни то, что ей удалось сохранить жизнь мне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Очерк жизни и деятельности Андрея Григорьевича Гагарина. Составлен его вдовой М.Д.Гагариной. Посвящается молодым русским ученым и инженерам, бывшим питомцам 1-го Политехнического института. 1927. Не опубликован.
2. Воспоминания кн. М.Д. Гагариной, ур. кнж. Оболенской, охватывающие период от рождения в 1864 г. до 1899 года. 1928. Не опубликованы.
3. Гагарин А.П., Шумков А.А. Князя Гагарина. Дворянский Календарь, справочная родословная книга Российского дворянства, тетрадь 4. Изд-во ВИРД, СПб, 1997. С. 25 – 40.
4. Архивы Порховского музея истории края. Порхов Псковской области.

А.П. Гагарин

СЕМЬЯ МАРИИ ДМИТРИЕВНЫ ГАГАРИНОЙ

Хозяйка Холомков Мария Дмитриевна Гагарина родилась в Петербурге 26 сентября 1864 года в семье видного государственного чиновника эпохи Александра II князя Дмитрия Александровича Оболенского. Она была последним, шестым, ребенком в семье, ее матери (Да-

не Петровне, урожд. княжне Трубецкой) к тому времени было уже много лет, и потому девочку отправили на воспитание к бездетной сестре матери кн. Елизавете Петровне Урусовой, жившей в Москве.

В воспоминаниях, посвященных собственной молодости (до 1899 года) и пока нигде не опубликованных, она сама пишет об этом так:

«Я родилась в Петербурге в сентябре 1864 года как раз в самый разгар деятельности моего отца по освобождению крестьян от крепостной зависимости. Отец мой, Дмитрий Александрович Оболенский, будучи связан узами родства и теснейшей дружбы с Юрием Самариным и Николаем Милютиным, принимал деятельное участие в их трудах по этому вопросу, способствуя распространению знаменитой записки Самарина о наделении освобожденных крестьян землей и проведению в жизнь постановлений тогдашних либеральных реформационных комиссий». На знаменитых тогда неофициальных (так называемых «морганатических») вечерах у Вел. Кн. Елены Павловны собирались все эти передовые деятели эмансипации и устанавливались, таким образом, связи между официальным миром власти имущих и либеральными общественными деятелями; через всегда присутствовавшую на этих вечерах императрицу Марию Александровну оказывалось, бесспорно, некоторое влияние в этом духе и на императора Александра II-го.

Вот в память этих-то вечеров, оказавших такое благотворное действие на судьбу реформ 60-ых годов, императрица Мария Александровна пожелала быть моей крестной матерью, и я была названа Марией, хотя в семье нашей этого имени до тех пор не было. В то же время у Н. Милютина тоже родилась дочь и была названа Еленой в честь В. К. Елены Павловны.

Я начинаю помнить себя в большом доме на Пречистенке в Москве у моей Тёти, сестры моей матери княгини Елизаветы Петровны Урусовой¹, куда меня привезли шестимесячным ребенком, т.к. мать моя заболела и уехала лечиться на кумыс. Привезли меня к Тёте с целым штатом, т.е. с нянюшкой Анной Ивановной, кормилицей и шарманкой, т.к. я, оказываясь, не могла заснуть без музыки. Говорят, я была некрасивым ребенком, и когда Тётя меня увидела, она воскликнула: «бедная девочка!» к великой обиде нянюшки, которая

ответила: «Помилуйте, какая же она бедная, и няня, и кормилица при ней». Но, несмотря на мою некрасивость, Тётя так ко мне привязалась, что оставила меня у себя до самого моего замужества».

Отец Марии Дмитриевны, князь Дмитрий Александрович Оболенский (1822 – 1881), оставил после себя воспоминания, разные машинописные экземпляры которых хранились в семьях у его внуков и правнуков. Собрав с помощью моих двоюродных братьев, живущих в США, полный комплект текста этих воспоминаний, мы в 2001 году обратились в Санкт-Петербургский институт Истории РАН с предложением об издании этих воспоминаний. Предложение было принято, комментарии к изданию были написаны доктором исторических наук Валентиной Григорьевной Чернуха, и в этом, 2005 году они должны быть опубликованы издательством «Нестор».

Воспоминания очень скупо касаются семейной жизни Дмитрия Александровича, в основном они посвящены его служебной деятельности на различных правительственных постах. Он умер в должности члена Государственного Совета в звании статс-секретаря и сенатора, был кавалером многих орденов. Он предваряет свои воспоминания следующим введением:

«Не знаю, что ожидает меня в будущем и что угодно будет Провидению из меня сделать, но уже в настоящем моем положении я поставлен в возможность многое видеть и слышать такого, что имеет не один только интерес современный, – а зрелый возраст и некоторая опытность, приобретенная мною в деятельной службе, доставляет мне возможность судить о многом здраво и, во всяком случае, мнения мои будут любопытны для потомства как мнения современника. На меня всегда производило большое впечатление суждение летописца о современном ему событии, поэтому я всегда предпочитаю читать историю по ее источникам.

Вот вкратце цель моего дневника, но я даю себе при этом слово не стеснять мою искренность и не рисоваться в записках моих для потомства».

Князь Дмитрий Александрович Оболенский был главой большой семьи: у него были три сына – Александр (1847 – 1917), Алексей (1855 – 1933) и Николай (1860 – 1912) и три дочери – Варвара, Елиза

вета и Мария (1864 – 1946). Александр был женат на Анне Александровне Половцовой, Алексей – на княжне Елизавете Николаевне Салтыковой, а Николай женат не был. Дочери все были замужем: Варвара – за Михаилом Михайловичем Бибиковым, Елизавета – за Николаем Ивановичем Новосильцевым, а Мария – за князем Андреем Григорьевичем Гагариным (1855 – 1920 [1921 н.ст.]).

Отцом Дмитрия Александровича был князь Александр Петрович Оболенский (1780–1855), участник Отечественной войны 1812 года, действительный тайный советник, сенатор. Он был женат на Агратоне Юрьевне Нелединской-Мелецкой (1789 – 1829), дочери сенатора князя Юрия Александровича Нелединского-Мелецкого, который был известен и как литератор. Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий вошел в историю русской литературы как один из представителей сентиментализма, он писал оды, песни, басни, мадригалы, переводил Лафонтена и Шекспира. Особенно ценились современниками, включая Карамзина и Пушкина, его песни. Одна из них – «Выйду я на реченьку» – не забыта и сегодня.

В свою очередь, отцом Александра Петровича, т.е. прадедом Марии Дмитриевны Гагариной, был надворный советник князь Петр Александрович Оболенский (1742– 1822), а матерью – Екатерина Андреевна, урожденная княжна Вяземская (1741–1811), которая была родной сестрой И.А. Вяземского, деда поэта П.А. Вяземского. У Петра Александровича и Екатерины Андреевны было 20 детей, из которых десять умерло, а другие десять пережили своих родителей.

Таким образом, можно сказать, что у многих предков Марии Дмитриевны была склонность к литературному творчеству. Сама Мария Дмитриевна явно эту склонность унаследовала. Она оставила после себя несколько вариантов своих воспоминаний, касающихся разных периодов своей жизни, в основном – периода создания и первых годов существования Петербургского политехнического института, одним из основателей и первым директором которого был ее муж А.Г. Гагарин. Один из таких вариантов – «Очерк жизни и деятельности Андрея Григорьевича Гагарина. Составлен его вдовой М.Д. Гагариной. Посвящается молодым русским ученым и инженерам, бывшим питомцам 1-го Политехнического Института» – был на-

писан в 1922 – 1923 годах (на оставшейся у автора публикации рукописи не стоит даты) и никогда не публиковался. Еще один вариант воспоминаний Марии Дмитриевны – «Строительство и первые годы существования Санкт-Петербургского Политехнического Института», написанный, вероятно, в конце 20-х годов, также никогда не публиковался. Наконец, в заключении ВЧК от 21 января 1919 г. об аресте Марии Дмитриевны сказано: «Из дневника усматривается, что Гагарина – вредный элемент, дневник дышит контрреволюционностью», из чего следует, что Мария Дмитриевна вела дневник и в то время, но его судьба неизвестна.

Что касается братьев и сестер Марии Дмитриевны, то о них известно следующее. Старший сын Александр (1847 – 1917) имел четырех сыновей – Дмитрия, Алексея, Александра и Петра. Внук Александра Дмитрий Дмитриевич Оболенский был профессором в Оксфорде и недавно умер.

У следующего сына – Алексея – были дети Дмитрий, Николай, Анна и Дарья. У Дмитрия детей не было, он погиб в немецком концлагере, а с потомками Николая, Анны и Дарьи я хорошо знаком, хотя они и живут в разных странах. Расскажу вкратце то, что мне известно.

Сын Николая Алексей Николаевич родился в Германии, в Гейдельберге в 1919 году, всю молодость провёл в Италии, потом уехал в США, где работал в Министерстве Иностранных дел, в основном как переводчик. Он много раз приезжал в Россию, очень любит посещать имение, в котором Мария Дмитриевна много бывала в детстве и молодости. – Березичи Калужской области, недалеко от города Козельска, и прекрасно говорит по-русски. У него трое детей – две дочери и сын, но они, к сожалению, по-русски почти не говорят. Все они живут за границей – кто где.

Поскольку отец Дмитрия, Николая, Анны и Дарьи Алексей Дмитриевич был женат на Елизавете Николаевне, урожденной светлейшей княжне Салтыковой, то перед революцией им принадлежал дом Салтыковых на набережной Невы на углу с Марсовым полем, в котором теперь Институт культуры. Перед революцией часть этого дома Оболенские сдавали английскому посольству. Моя троюродная сестра Александра Николаевна фон Герсдорф так рассказывала обстоятельства знакомства ее родителей – Анны Николаевны Оболенской и

Николая Николаевича фон Герсдорф. Николай Николаевич был шведским подданным и сотрудником Красного Креста. В 1918 году, вскоре после погрома, учиненного революционными матросами в английском посольстве, Николай Николаевич проходил по набережной мимо дома Салтыковых и обратил внимание на то, что дверь английского посольства не заперта. Он зашёл в дверь и обнаружил, что дом практически пуст. Он побродил по дому, вошёл в зал, где стоял рояль, сел за рояль и заиграл. На звуки рояля из недр дома выпорхнула прелестная девушка. Это была Анна Алексеевна Оболенская, они познакомились и вскоре поженились. Сейчас их трое детей – сын Николай, дочери Мария и Александра – и многочисленные внуки живут в разных странах и часто приезжают в Россию. Прошлой осенью 2004 года в Доме учёных на Дворцовой набережной они устроили выставку «Три поколения художников из семьи Оболенских» (Анна Алексеевна была художницей, и её младшая дочь Александра пошла по её стопам. Третья – тётка матери Александра Альбединская).

Младшая дочь Алексея Николаевича Оболенского Дарья вышла замуж за герцога Константина Георгиевича Лейхтенбергского, прямого потомка императора Николая I, и их две дочери – Ксения и Ольга – прекрасно владеют русским языком. Ксения приезжала в Россию. И она, и Ольга – одни из немногих прямых потомков русских императоров.

Краткий обзор семьи – и предков, и потомков – Марии Дмитриевны Гагариной хочется закончить словами, взятыми из её же воспоминаний о муже:

«Памятуя изречение, когда-то мною слышанное, что воспитание человека начинается за 50 лет до его рождения, хочу, прежде чем приступить к жизнеописанию моего покойного мужа А.Г. Гагарина, сказать несколько слов об его родителях».

Думаю, что было бы замечательно, если бы этот тезис о том, что воспитание человека начинается за 50 лет до его рождения, вошёл бы в практику наших учебных заведений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Княгиня Елизавета Петровна Урусова, урожденная княжна Трубетцкая (1825–1905), родная сестра княгини Дарьи Петровны Оболенской (1821–1905), урожд. княж-

ны Трубечкой, была замужем за князем Сергеем Николаевичем Урусовым (1816–1883), действительным тайным советником, председателем департамента законов Государственного Совета. С.Н. Урусов удостоен всех высших орденов Российской империи, включая орден Андрея Первозванного, крупнейший сановник царствования Александра II.

О.М. Карамышев

КАРАМЫШЕВЫ В НИКАНДРОВОЙ ПУСТЫНИ

История рода Карамышевых на Руси прослеживается с начала XV века. В конце XVII столетия, точнее где-то в 1686–1688 годах, представители рода подали в Палату родословных дел поколенную роспись, которая сохранилась донине в подлиннике и нескольких копиях¹.

В росписи помимо прочих фигурирует пусторжевский помещик, дворовый сын боярский Иван Большой Никитич Карамышев – личность достаточно примечательная. В 1562–1563 годах он принимал участие в Полоцком походе Ивана IV в составе государева полка как «поддатень к топорам»². 12 апреля 1566 года в Москве вместе с родным братом Иваном Меньшим и двоюродным братом Иваном Михайловичем Карамышевым выступил в числе 116-ти подручников (субпоручителей) «по князе» Михаиле Ивановиче Воротынском. В случае побега князя Воротынского за границу они обязывались заплатить по 150 рублей каждый³. В зимнем походе 1576–1577 годов русских войск на Колывань он и его брат Иван Меньшой были «головами» в передовом полку при втором воеводе князе Дмитрие Ивановиче Хворостинине⁴. В Боярском списке 1577 года братья Иван Большой и Иван Меньшой Никитичи Карамышевы были записаны в числе выборных дворян из Ржевы Пустой. Около их имени помета: «Оба с государем»⁵. В конце 1577 – начале 1578 года братья находились во вновь завоеванном городе Куконосе (Кокнесе), где у них произошла ссора с городовым приказчиком Семеном Головиным, который по-

пал в январе 1578 года, как минимум, три жалобы на них Ивану IV⁶. В 1578 году Иван Большой Никитич Карамышев был наместником и воеводой в городе Невеле⁷. Известны несколько грамот, связанных с его пребыванием на Невельском наместничестве⁸. В разрядах 1579–1581 годов он числился наместником в Рославле⁹.

В отношении него в родословной росписи сказано: «И то ево Ивана Большого Микитина сына поколение пресеключь» – формулировка, сама по себе не исключающая наличия потомства, поскольку в других случаях роспись прямо заявляет: «бездетен».

В конце XVIII века представители псковской ветви рода Карамышевых¹⁰ составляя родословную таблицу и имея на руках копию росписи XVII столетия, указали у Ивана Большого Никитича сына Федосея, приписав, что он был монахом в Никандровой пустыни¹¹. При этом сами они тогда свое происхождение от него не показывали, что, на наш взгляд, снимает с них подозрение в возможности намеренного искажения фактов.

Из других документов явствует, что псковские Карамышевы ведут свое происхождение от пусторжевского помещика Никиты Карамышева, владельца сельца Суслово (Василево тож) с деревнями и пустошами в Ошевском и Оршанском станах. Наиболее раннее упоминание о нем как о «недоросле Никите Томиловом сыне Карамышеве», за которым числится «старое отца его поместье, что было дано ему из Васильевского поместья Кобылина», встречаем в писцовой книге Пусторжевского уезда 1627–1629 годов¹².

В более поздних актах этот же персонаж на тех же землях фигурирует как «Никита Федоров сын Карамышев»¹³.

А в 70-х годах XVII века, когда сын этого Никиты Томиловича (Федоровича) Федор Никитич Карамышев оформлял за собой сенные покосы к сельцу Суслову, то «по сыску и по скаске и по смете молодых крестьян» оказалось, что этими «сенными покосы и угольем наперед того владели истари до писца и после писца *дед ево Федосей* и отец ево Микита Карамышев и он Федор»¹⁴.

Таким образом, выясняется, что у отца, родоначальника псковских Карамышевых, было три имени – Томило-Федор-Федосей. Наличие двух имен – некалендарного (например, Томило) и христианс-

кого (например, Федор) для русского человека XVII столетия явление обычное. А вот третье имя, которое по традиции тех времен должно было начинаться на ту же букву, что и календарное христианское имя (например, Феодосий), давалось лишь в том случае, если человек принимал монашеский постриг.

Исходя из данных соображений и отождествив Томилу-Федора-Федосея с монашествовавшим в Никандровой пустыни Федосеем, сыном Ивана Большого Никитича Карамышева, мы попытались найти тому подтверждение в источниках. И действительно, удалось разыскать два упоминания о Томиле Ивановом сыне Карамышеве, который в августе 1601 года был поверстан как новик по Ржеве Пустой в 3-й статье с поместным окладом в 200 чети.¹⁵ А в 1614/15 году был записан в Пусторжевской десятне как сын боярский, служащий «с отцова прожиточного (поместья) с 400 чети» и получивший денежное жалование на год «по государеву указу 14 руб. – оклад его сполна»¹⁶.

Полученные сведения позволяют приблизительно определить момент, когда Федор (Томило) Иванович Карамышев принял постриг в Никандровой пустыни под именем Феодосия. Не ранее 1614/15 года, когда он еще числился в государственной службе, и не позднее 1627/28 года, когда его несовершеннолетний сын (недоросль) Никита числился уже как владелец земель из состава отцовского поместья.

Нашему предположению не противоречат и документы Никандровой пустыни, синодик которой в своей начальной части содержит неоднократные упоминания об иноках и монахах с именем Феодосий¹⁷.

Итак, происхождение псковской ветви рода Карамышевых связано с Никандровой пустыней и вопреки утверждениям составителей родословной росписи Карамышевых конца XVII века это единственная ветвь рода, которая продолжается и доныне¹⁸.

Однако связь Карамышевых с Никандровой пустыней прослеживается не только в ранний период ее существования, но и в дальнейшем. Очевидно, что они выступали в качестве жертвователей монастыря. До сих пор в музейном фонде Никандровой пустыни хранится старинная рукописная книга с 19 красочными миниатюрами «Палея историческая и Палея с дополнениями», которая содержит запись: «Сия книга Егора Константинович Числовскому дана прочи-

ты от Максима Ивановича господина Карамышева, и при сей книге страля вирши о добром человеке и о плуте, а 1799 года апреля 2 числа вручаеца сия книга от Евдокеи Карамышевой в пустыню Никандра преподобнаго отцу архимандриту Геннадию для чтения монашествующим»¹⁹.

Трудно судить, но возможно это та самая Палея, с рисунками которой как «с образчиками старинного рисования» рекомендовал ознакомиться в монастырской библиотеке псковский краевед Михаил Иванович Миротворцев в 1860 году²⁰.

Владелец книги, Максим Иванович Карамышев,²¹ известный своей благотворительной деятельностью, и его вторая жена Евдокия (урожденная Дубровская), передавшая книгу в монастырь, с их родственниками вписаны в синодик Никандровой пустыни: «Род Карамышевых и Дубровских: Максима, Евдокии (2), Димитрия, Акилины, Иоанна, Марфы, Василия (уб.), Елены...» (всего около 165 имен)²².

Встречаем в синодике и еще одну запись о Карамышевых: «Род Карамышевых: Василия, Параскевы, Александры, Евстафея, Онисии, Семнона, Конона, Агафии, Дарии, Ирины (2), Семнона», которая, к сожалению, не поддается точной атрибуции и четкой привязки к году²³.

Можно предположить и связь с Никандровой пустыней одного из наиболее видных представителей рода Карамышевых в конце XVIII – начале XIX столетий. Речь идет о Николае Степановиче Карамышеве, начальнике псковского ополчения 1812 года и псковском губернском предводителе дворянства в 1814–1823 годах. Участник суворовских походов, в 1799 году за боевые действия в Швейцарии: прорыв через Сен-Готард, сражения при Нечтале и Нефельсе и др. – он был пожалован командорским крестом ордена Святого Иоанна Иерусалимского и, несомненно, должен был поддерживать отношения с Никандровой пустыней как с ближайшим к его имениям монастырем этого ордена.²⁴

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 93. Л.1-3; РГИА. Ф. 1343. Оп. 23. Д. 1277. Л.9-10об., 24-24об.

2. Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 197–199 (Л.237об.); Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. М., 1981. С.118 (Л.384); Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 1. М., 1975. С. 114 (Л.56); Книга Полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст). СПб., 2004. С.47 (Л.47); Записная книга Полоцкого похода 1562–63 года. // Русский Дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С.130 (Л.48). М.Г.Спиридов указывает, что это Иван Большой Никитич Карамышев «в 1563 г. ноября 30 третьим поддатнем показан у рынды государевых топоров в Полотском походе». – См.: Спиридов М. Г. Записки о старинных службах благородных родов 1815 г. // Отд. рукоп. РНБ. Т. 9. Ф. IV. № 61/1–15. С.84.
3. Антонов А.В. Поручные записи 1527–1571 годов // Русский Дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. №16. С.59, 61–62.
4. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. М., 1982. С. 424–425 (Л.561); Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С.273–274 (Л.360); Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 1. М., 1975. С. 246 (Л.128). Спиридов М. Г. Записки о старинных службах благородных родов. 1815 г. // Отд. рукоп. РНБ. Т. 9. Ф. IV. № 61/1–15. С. 84–85.
5. Боярские списки 1577–1607 годов // Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 191–202 (Л.137).
6. Памятники истории Восточной Европы. Т. 3. № 3. С. 58; № 28. С. 99–100. Н.В.Пиотух видит за этим конфликтом местнический спор. – См.: Пиотух Н.В. Служилые люди на Ливонской войне // Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы научных семинаров за 2001–2002 гг. Псков, 2003. С. 177–180.
7. Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 298–299 (Л.396об.); Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3 Ч. 1. М., 1984. С. 66 (Л. 664об.); Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 1. М., 1975. С. 284 (Л. 149).
8. Акты Юшкова № 212. С. 191; № 214. С. 192–193; № 216. С. 194. В тексте грамот фигурирует «Иван Никитич Карамышев», но родословная роспись Карамышевых утверждает, что все три документа адресованы Ивану Большому Никитичу Карамышеву.
9. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3 Ч. 1. М., 1984. С. 140 (Л.710); Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 1. М., 1975. С. 310 (Л. 163об.); Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 311 (Л. 421об.); Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3 Ч. 1. М., 1984. С. 158 (Л. 721об.); Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3 Ч. 1. М., 1984. С. 196–197 (Л. 745об).
10. Псковской ветвью рода или псковскими Карамышевыми мы обозначаем тех представителей рода, кто с конца XVIII в. вносился в Псковскую губернскую дворянскую родословную книгу.
11. РГИА. Ф. 1343. Оп. 23. Д. 1277. Л.33.
12. Там же. Д. 1278. Л.40об.
13. Там же. Л.41.
14. Там же. Д. 1277. Л.28об.
15. РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 120. Л.23об.

16. Там же. Д. 236. Л.16об.
17. Древлехранилище Псковского государственного музея-заповедника. Ф. 505. Оп. 32070 (9). Л.4об.-7об.
18. Вероятно, составители росписи, зная о монашестве Томилы-Федора-Федосея, полагали его бездетным.
19. Каталог славяно-русских рукописей Псковского музея-заповедника (XIV - начало XX вв.). Ч. 1. Псков, 1991. С. 62.
20. Порхов и его уезд: Сборник дореволюционных публикаций. Псков, 2005. С. 277.
21. Подробнее о нем см.: Карамышев О.М. Монастырский вкладчик // Земля Псковская, древняя и современная. Псков, 2004. С. 81–89.
22. Древлехранилище Псковского государственного музея-заповедника. Ф. 505. Оп. 32070 (9). Л.44 - 44об.
23. Там же. Л. 111об.
24. РГИА. Ф. 1343. Оп. 23. Д. 1277. Л. 18–21; Д.1278. Л. 11об.-12, 18об.

Н.В. Коломыцева

КУРОРТ «ХИЛОВО» В 1917–1923 ГОДАХ

Курорт «Хилово», открытый в 1865 году, уже в 1889 году был признан имеющим общегосударственное значение. Особый статус курорт получил после начала Первой мировой войны, лишившей жителей Российской империи возможности ездить на заграничные курорты. В 1916 году определены границы охранной зоны курорта, построено ванное отделение на 52 ванны на каменном фундаменте, в него проведен водопровод и канализация, устроено машинное отделение, установлены бульеры, котел для нагрева воды и пародинамо. Были также построены временные бараки для приёма больных, но, как сказано в докладе директора курорта, «Крестьянские волнения 1917 года остановили начатые работы и разрушили произведенные»¹.

Восстановление курорта началось уже в 1918 году. Этот год отмечен по всей губернии массовыми погромами имений. Чтобы предотвратить разгром Хилова, уисполком принял решение о направлении туда 10 красноармейцев². Новая власть подчинила курорт, как все и бывшие имения, земельному отделу Порховского уисполкома, а заботы о налаживании «медицинской» части были возложены на

уездный медико-санитарный отдел. Исходя из такого положения, 3 апреля 1918 года курорт был приравнен к опытным хозяйствам³, а 10 апреля медико-санитарный отдел создал комиссию по выяснению состояния курорта. В комиссию вошли: доктор М.И. Кособудзский, М.Я. Шишмарев и владелец (в некоторых документах его называют совладельцем) А.Л. Домбровский⁴. После осмотра курорта 16 апреля комиссия пришла к выводу, что «курорт необходимо сохранить и охранять его от разграбления, а все сведения о целебности его вод вместе с научными и практическими соображениями препроводить в Комиссариат народного здравия в целях более широкой организации курорта». Одновременно всю пахотную землю, принадлежавшую курорту «Хилово», было решено распределить между населением Александровской волости, владельцу курорта А.Л. Домбровскому «для снабжения в 1918 году больных продуктами» оставлено некоторое количество десятин, а также сад и огород⁵.

В мае 1918 года для восстановления курорта Порховский уездным исполкомом разрешил закупку необходимых строительных материалов в Дно и Луге, рабочих специалистов нанимали на Порховской бирже труда. Для получения продуктовых пайков больных, а также иногородних решено было ставить на учет в продовольственной управе, уездному санитарному отделу предлагалось представить в Совнарком «мотивированный доклад о лечебном значении и дальнейшей судьбе курорта»⁶.

На заседании уездного крестьянского съезда 10 мая 1918 года отмечалось, что курорт «взят под надзор исполнительного комитета согласно постановлению Центрального Комитета» — такого документа найти пока не удалось, в последующие годы неизменно указывалось на подведомственность курорта земельному отделу. Однако попытка изъятия курорта из ведения земельного отдела вызвала недовольство на съезде, последовала такая реплика: «Партия большевиков-коммунистов никак не желает избавиться от неудач: голову вытянут — хвост увязнет»⁷.

Тем не менее, 4 июня 1918 года на заседании представителей волостей, городов и медицинского персонала принимается резолюция о желательности того, чтобы «в нынешнем году были открыты

минеральные воды в имении Хилово и в городе Сольцы»⁸. Санитарный отдел 17 июня просит исполком утвердить расценки за пользование неимущих ваннами в «Хилово» по 1 рублю за ванну, в Сольцах — по 3 рубля «при их квартире и продовольствии», а особо неимущим и инвалидам разрешить пользоваться ваннами бесплатно и «на полном содержании курорта»⁹. Прошло еще несколько дней, и 19 июня отмечалось, что «курорт “Хилово” подготовлен к открытию, время открытия зависит от Губздравотдела. Курорт в Сольцах функционирует с 1 июня»¹⁰. Можно предположить, что в какой-то степени курорт в этот период стал обслуживать население города Порхова, уезда, возможно, и губернии, поскольку на заседании санитарного отдела 9 июля 1918 года отмечалось, что курорт предоставил десяти инвалидам ванны и квартиры бесплатно. В связи с этим отдел принял решение выделить средства: на содержание кухарки, прислуги и сестры милосердия, а также продовольствие, белье (56 смен нательного белья, 100 простыней, 50 полотенец, 20 нижних и 50 верхних наволочек, 20 одеял, 12 халатов и 12 туфель), кухонные и столовые принадлежности, отопление и медикаменты¹¹. В конце 1918 года, подводя итоги первого года работы, председатель врачебно-санитарного отдела Порховского исполкома не без горечи отмечал: «Ненормальное положение имеет курорт «Хилово». Искусственно привязанный к земельному отделу, курорт «Хилово» ни в 1917, ни в 1918 годах в свои сезоны не исполнил своего назначения, когда при своих [возможностях] он мог бы привлечь всех нуждающихся со всей Советской России. О тяжелом положении курорта отдел писал в Москву, и оттуда должна будет выехать специальная комиссия. В бараках курорта полы и потолки и перегородки разворованы местной несознательной массой, а также похищены печи. На курорт нужно затратить деньги и тогда он даст громадную пользу, а так, не вкладывая в него никаких затрат, а только эксплуатируя, курорт «Хилово» не может принести желаемой пользы»¹².

С 1 января 1919 года заведующим курортом назначен старший врач Порховской больницы М.И. Кособудзский (Кособудзский)¹³. Однако на заседании врачебно-санитарного отдела Порховского совдана от 6 мая 1919 года «после всестороннего обсуждения постано-

вили: врача Фигели назначить врачом-заведующим курорта». Ему и заведующему лечебным подотделом врачебно-санитарного отдела Петрову было предложено немедленно принять все меры к открытию курорта «в нынешнем сезоне»¹⁴. 1919 год для Порховского уезда выдался тяжелым. Начиная с апреля, повсеместно отмечены вспышки сыпного тифа, оспы¹⁵. На территории уезда шли боевые действия. В документах той поры отмечено, что в Хилове и Подоклинье находились белогвардейские войска¹⁶, однако нет сведений, что войска Белой армии нанесли какой-либо урон курорту. Курорт по-прежнему находился в ведении земельного отдела, который рассматривал его, прежде всего, как советское хозяйство (имение), хотя и считалось, что курорт «Хилово» имеет общегосударственное значение¹⁷. В конце 1919 года в советское хозяйство «Хилово» с оговоркой «временно» было решено вселить Александровский волисполком «в дом бывшей владелицы»¹⁸.

На заседании большого президиума Порховского уисполкома от 26 января 1920 года отмечалось, что «все имущество, принадлежащее отделу здравоохранения, расхищено. Нет никакого надзора со стороны заведующего имением Хилово (рядом советское хозяйство). Для возобновления курорта необходим капитальный ремонт. Почти на глазах заведующего хозяйством растаскиваются окна, двери и прочие предметы, принадлежащие как отделу здравоохранения, так и земотделу»¹⁹. В феврале шел прием от земотдела «двух имений Хилово в распоряжение курорта», на организацию курорта в общегосударственном масштабе центральными органами власти планировалось выделение соответствующих средств²⁰. Но желание «попользоваться» имением или курортом у местных властей оставалось. Так Порховский уездный отдел социального обеспечения предложил оборудовать дом инвалидов при имении Хилово, на что отделу было предложено подыскать соответствующее помещение в ближайших имениях, а в Хилове «намечено открытие курорта, и все помещения со всей утварью переходят в ведение здравотдела»²¹. И все же, неуклонное стремление местных властей возродить Хилово в качестве курорта постепенно приносило плоды. На заседании Порховского уисполкома 19 мая 1920 года принято решение о возвращении «живого и

мертвого инвентаря»²². В письме председателя уисполкома в Губисполком и Губздравотдел от 22 июня 1920 года сказано, что «в настоящий летний сезон в Порховском уезде возобновил свои функции курорт «Хилово», являющийся по ценности своей чрезвычайно важным для советской республики», хотя и отмечалось, что курорту не хватает постельного имущества, продовольствия²³. С этого времени курорт уже не прерывал своей деятельности, исключая годы Великой Отечественной войны.

К 1922 году из 4 сернистых источников действовал один, температура воды была 6°. Постройки нуждались в ремонте. В распоряжении курорта был яблоневый сад (до 360 корней), но собственного огорода, молочного и полевого хозяйства, а также парка не было, лесной массив национализирован. На совещании в Наркомате здравоохранения в феврале того же года предлагалось, сдавать часть курорта в наем «часть коек сделать платными», но с оговоркой: «разумеется, не должно быть разницы в смысле оборудования и обстановки между платными и бесплатными койками»²⁴. 10 января 1923 года президиум Псковского губисполкома передал курорт Губсельтресту²⁵, однако уже 16 апреля курорт возвращен Губздравотделу²⁶. Несмотря на трудности в экономике Порховского уезда, обусловленные новой экономической политикой (НЭП), администрация курорта при энергичной поддержке местных властей старалась устранить все преграды, стоявшие на пути возрождения курорта.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАПО, ф. Р-590 Псковский губисполком, оп. 1 д. 968, л. 86.
2. Там же, д. 80, л. 19об.
3. ГАПО, ф. Р-608 Порховский уисполком, оп. 1, д. 19, л. 8.
4. Там же, д. 24 л. 9.
5. Там же, д. 19 л. 29.
6. Там же, д. 24 л. 15.
7. Там же, д. 19 л. 52.
8. Там же, д. 24 л. 31.
9. Там же, л. 54.
10. Там же, л. 137.
11. Там же, л. 39.
12. Там же, д. 20, л. 149.

- 13 Там же, д. 192, л. 65.
 14 Там же, д. 197, л. 115.
 15 Там же, д. 232, л. 172об.
 16 Там же, д. 201, л. 209об.
 17 Там же, ф. Р-203, оп. 1, д. 5а, л. 6.
 18 Там же, ф. Р-608, оп. 1, д. 311, л. 54.
 19 Там же, ф. Р-608, оп. 1, д. 175, л. 33.
 20 Там же, л. 8.
 21 Там же, л. 78а.
 22 Там же, д. 302, л. 82.
 23 Там же, д. 284, л. 155.
 24 Ф. Р-590, оп. 1, д. 968, л. 85.
 25 Там же, д. 977, л. 21.
 26 Там же, л. 74об.

Н.В. Коломыцева

КУРОРТ «ХИЛОВО» В 1920 – 1940-Е ГОДЫ

В 1920 году курорт «Хилово» был вновь открыт, началось его возрождение.

На заседании президиума Псковского губернского исполкома 15 сентября 1925 года по ходатайству губернского отдела здравоохранения курорту присвоено имя советского партийного и государственного деятеля, в те годы наркома здравоохранения РСФСР Николая Александровича Семашко¹.

За этот период сохранились отрывочные сведения о врачах, персонале курорта. С апреля 1925 года директором курорта был Евсей Яковлевич Жислин, врачом – Яков Исаакович Мазель, сестрами милосердия – Елена Михайловна Китова, Евдокия Кузминична Коробовская. Кроме них в штате были 2 массажистки, 1 экономка, 1 эконом-надзиратель, 2 счетовода, 3 завхоза, 2 конторщика, 2 кладовщика, 2 механика, 2 кочегара, 6 ваннщиц, 2 повара, 1 помощник повара, 1 пекарь, 6 раздатчиц, 2 посудомойки, 1 прачка, 7 уборщиц, 3 черно-рабочих, 2 сторожа. Всего 53 человека². Причем Я.И. Жислину пер-

вое время приходилось работать и в Хилове, и в Холомках³. Пациенты санатория с благодарностью отзывались о многих служащих курорта⁴. В этот период отмечены и задержки с выплатой заработной платы, в том же 1925 году зарплату начали выдавать только 4 июня⁵. В штате курорта не было библиотекаря, т.к. «книг, газет, журналов не имеется»⁶, однако ставились спектакли, устраивались «комсомольские игры»⁷.

4 октября 1926 года на заседании президиума Псковского губернского исполкома был рассмотрен и утвержден проект договора с Ленинградской губернской страхкассой о передаче курорта «Хилово» в ее ведение. Губернскому отделу здравоохранения было предложено договор заключить. В течение октября 1926 – января 1927 гг. была осуществлена передача курорта страхкассе⁸. Таким образом, из подчинения местным органам власти курорт был выведен.

Подсобным хозяйством курорта являлся совхоз «Хилово». Для курорта поставлялись продукты полеводства и молочные⁹.

После передачи Ленинградской страхкассе улучшилось финансирование курорта, было закуплено новое медицинское, техническое оборудование, произведен ремонт ванного отделения, началось строительство кухни и новой столовой. В то же время отмечалось небрежное отношение к мертвому инвентарю со стороны работников, необходимость экономии лекарств¹⁰.

В 1927 году в штате уже было 6 врачей, главным врачом был И.Г. Хвиливицкий, лекпомов – 3, медицинских сестер – 5, директором – М.М. Менгель. Одной из медицинских сестер было поручено «библиотечное дело, которое поставлено на должную высоту»¹¹. Поступавшие на курорт больные проходили санитарную обработку, медицинский осмотр и после этого, «получив белье и одежду», направлялись по отделениям (в тексте – «санаториям») в соответствии с историей болезни. Отделение № 1 было «специально для нервных ревматиков», № 2 – для «внутренних осложнений». На курорте не было специалиста по глазным болезням, одно время прием больных вела глазной врач – пациентка курорта. Её работа оплачивалась, но пациенты получали медицинскую помощь безвозмездно. Была «превосходно» поставлена работа ванного отделения, однако паровые ванны

не использовались, а грязевых не было. По итогам пребывания на курорте «значительное улучшение получили 70%, улучшение – 29%, ухудшение – 1%». В числе 29%, получивших «улучшение», 11 человек оставшихся «без перемен». В числе пациентов с «ухудшением» был 1 человек, «страдавший лишаем, на которого воздействовали серные ванны». Врачи старались применить все свои знания, чтобы помочь ему, но все было безрезультатно. На курорте имелась хорошо оборудованная лаборатория и зубокабинет, который начал работать с июля 1927 года. Зубокабинет посещали все пациенты курорта, причем с ними проводились беседы о правильном уходе за зубами. Лаборатория проводила исследования о влиянии ванн на больных людей. Отмечалось, что после принятия нескольких ванн, у больных наступало «нервное обострение», вызванное «приливом крови» к больному месту.

Отмечалось, что «многие больные, которые старались добиться этого лечения, не вполне усвоили свое положение, думая, что, попав на курорт, они приехали не лечиться, а питаться райскими яблоками». Прибавка в весе за период пребывания пациентов на курорте составила в среднем от 2 до 3 фунтов, но были случаи, когда прибавка составляла до 20 фунтов (1 фунт = 409 г). Приходилось иметь дело и с такими пациентами, которые приезжали на курорт с ожирением¹². Сохранились сведения о продуктах, отпускаемых для столовой курорта в течение месяца: хлеб белый и черный, мука белая и картофельная, мясо (так в тексте), телятина, рыба кета, яйца, масло сливочное, молоко, творог, сахарный песок, ванилин, желатин, уксус, перец, соль, крупа перловая, гречневая, манная, рис, макароны, капуста квашеная, огурцы свежие и соленые, картофель, свекла, лук зеленый и репчатый, сельдь, сметана, лавровый лист, колбаса, сыр, простокваша, чай, какао, кофе, ветчина, вермишель, томаты, помидоры, горчица, клюква, изюм, гвоздика, корица, печенье, фасоль, компот, лимоны, булки, грудинка, щавель, эссенция, варенье, сосиски, чернослив, кислота лимонная, солод, абрикосы¹³.

1 августа 1927 года Псковская губерния была упразднена, ее территория включена в состав Ленинградской области. На территории Псковской губернии образован Псковский округ, в состав которого

вошел образованный тогда же Порховский район. К этому времени была завершена передача курорта в ведение Ленинградской, теперь же областной, страхкассы, и после 1927 года постепенно исчезает упоминание о курорте «Хилово» из документов местных органов власти. Известно, что в 1929 году на курорте появился красный уголок с радиоприемником, «но культработы в нем не велось». На курорте работали 60 человек¹⁴. Еще один документ, обнаруженный в архиве, относится к сентябрю 1929 года – копия акта проверки качества строительства павильона и кузницы на курорте представителями Ленинградской областной страхкассы¹⁵. Предположительно, документы конца 20-х – первой половины 40-х годов, до образования Псковской области, хранятся в архивах Санкт-Петербурга. Некоторый свет на историю курорта в этот период проливают публикации последних лет.

Сталинские репрессии 30-х годов затронули и работников курорта. Пока известно только об одном работнике – 24 сентября 1937 года был арестован заместитель директора курорта Алексей Власович Веригин. Он родился в 1904 году в Санкт-Петербурге, был русским, беспартийным. Особой «тройкой» УНКВД Ленинградской области на другой день после ареста, 25 сентября, приговорен по статье 18-10-11 Уголовного кодекса РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян А.В. Веригин 3 декабря 1937 года¹⁶. Без сомнения, со временем будут названы имена других жертв политических репрессий.

Постановлением Совета Народных Комиссаров (СНК) СССР от 10 апреля 1940 года № 500 утверждено представленное Наркоматом здравоохранения СССР «Положение о санитарной охране курортов и местностей лечебного значения». В соответствии с «Положением» в пределах округа санитарной охраны запрещались «всякие работы и действия, загрязняющие почву, воду и воздух и могущие вредно отразиться на состоянии лечебных средств и санитарных условий данного курорта». В охранную зону курорта включались и местности, могущие влиять на климатические и санитарные условия курорта». В непосредственной близости от выхода минеральных вод на поверхность, грязевых озер и т.п. запрещалось постоянное или временное проживание людей, не связанных с работой на данном участке. Рабо-

ту по установлению границ санитарных округов постановление СНК предписывало провести в течение 1940–1941 годов¹⁷. Однако 22 июня 1941 года изменило все планы, и отвод санитарной зоны курорта был осуществлен только в 1950 году.

Немецкие оккупанты вступили на порховскую землю уже в самом начале июля 1941 года. 10 июля 111-я моторизованная дивизия противника прорвалась у станции Подсевы через линию обороны 182-й стрелковой дивизии и устремилась на Порхов. Кровопролитный бой развернулся в Хилове. Наши воины, попавшие в окружение, сражались до последнего патрона. Более 250 человек погибли в бою или были тут же расстреляны немцами¹⁸. В тот же день над городом Порховом на долгие годы спустилась тень оккупации. Освобожден поселок и курорт «Хилово» в феврале 1944 года.

Можно предположить, что в ходе боёв 1941 года и последующей оккупации были разрушены строения курорта, однако сведений об ущербе курорту в документах Чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов и их пособников нет. Нет сведений о том, какой след оставила война в Хилове, и в Краткой экономической характеристике района, составленной 2 июня 1944 года, в томе Книги Памяти, посвященном Порховскому району. Повторю, что, возможно, эти сведения есть в архивах Санкт-Петербурга.

К данной публикации прилагается фрагмент карты Порховского района 1939 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Государственный архив Псковской области. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 1506. Л. 25.
2. Там же. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 29. Л. 42.
3. Там же. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 29. Л. 40.
4. Там же. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 29. Л. 40об.
5. Там же. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 29. Л. 1.
6. Там же.
7. Там же. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 29. Л. 41.
8. Там же. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 1628. Л. 396, 485, 506.
9. Там же. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 62. Л. 2.
10. Там же. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 84. Л. 7, 8.
11. Там же. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 84. Л. 2.

12. Там же. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 84. Л. 1-6.
13. Там же. Ф. Р-462. Оп. 1. Д. 74. Л. 13.
14. Там же. Ф. Р-576. Оп. 1. Д. 112. Л. 6.
15. Там же. Ф. 324. Оп. 1. Д. 127. Л. 15-17.
16. Ленинградский мартиролог. 1937-1938. СПб. 1999. Том 4. С. 83.
17. ГАПО. Ф. Р-903. Оп. 1. Д. 663. Л. 248, 249.
18. Книга Памяти. Историко-документальная хроника. Псковская область. Порховский район. Псков, 1994. Том. 12. С. 10.

О.Б. Кох

ИНСПЕКЦИЯ НАРОДНЫХ ШКОЛ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ М.И. СЕМЕВСКИМ В 1862 – 1863 ГГ.

Вторая половина XIX в. – время великих преобразований в России. Одной из важнейших проблем требующей решения, не менее важной, чем отмена крепостного права в те годы, была проблема народной школы – школы, которой не было, но которую необходимо было создать.

В 1861 г. на пост министра народного просвещения был назначен А.В. Головнин, что стало началом реальных перемен в министерстве. Его политическая позиция и деятельность получили в историографии последних лет однозначную оценку: «Только с его приходом в учебное ведомство оно приобрело реформатора, готового сотрудничать с обществом, выслушивать контраргументы и рассматривать их, имевшего и программу, и либеральные убеждения»¹.

Важнейшей реформой, по мнению министра, была реформа начальной школы, как залог успеха начатых правительством глобальных преобразований в начале 1860-х гг. «Для того, чтобы реформы эти не послужили вреду государству и народу, – рассуждал он, – а приносили им всю ожидаемую пользу, необходимо было неотлагательно принять надлежащие меры к обеспечению за народом более надежных и более доступных средств развития образования»². Значение реформы образования А.В. Головнин видел не только в созда-

нии условий для более полной реализации социально-экономических последствий реформ, но и в предотвращении возможных социально-политических эксцессов. Еще во время своего путешествия по России в 1859 г. он обратил внимание на существенное расхождение в умонастроениях различных поколений крестьян. «Вслед за помянутыми двумя поколениями ... (старшим и средним – О.К.) – писал он в мемуарах, – является еще третье – юнейшее, которое вырастает теперь без малейшего понятия об обязанностях своих к Богу и правительству. Это поколение будет под полным влиянием своих старших братьев и вместе с ним составит буйную вольницу (populace), какой Россия давно уже не имела и которая доставит правительству много затруднений. Необходимо предупредить вредное направление умов этой части сельского населения, и для сего неотлагательно учредить школы, которые дали бы ему, по возможности, нравственное направление и понятие своих обязанностей»³.

Народное образование России находилось в плачевном состоянии. Владея всем статистическим материалом, в своих мемуарах, более похожих на развернутый отчет министерства, чем на частные записки, А.В. Головнин привел данные о количестве школ в России. Эти цифры фигурируют во всех исследованиях по истории народной школы. Всего в стране насчитывалось 1 846 начальных учебных заведений к 1865 г. с числом учащихся 80 тысяч. «Как ни занимательны на первый взгляд эти цифры, но если сравнить их с количеством народонаселения, то они покажутся ничтожными, – констатировал он, – 1 школа на 1500 жителей и 1 учащийся на 70 жителей»⁴. Но, приступая к реформе, важно было также знать, какие это были школы? Реальные или столь свойственные России педагогические «потемкинские деревни»? Почему учреждаемые казенные школы, несмотря на их малочисленность, во многих местностях пустуют, а обучение ведется в т. н. вспомогательных (частных) школах. Какая школа устроила бы низшие слои населения: крестьян, мещан, купцов? Для выявления истинного состояния дел «Министерство старалось собрать как можно более достоверных данных, – вспоминал он, – которые большею частью собраны были не путем официальным, а через командированных на место лиц, на показания которых Мини-

стерство могло вполне положиться»⁵. Выбор пал на литераторов, находящихся не у дел педагогов и отставных чиновников, сочувствовавших делу народного просвещения.

А.В. Головнину нужны были инспекторы, которые не только могли проехать по всем школам, но и сумели бы правильно оценить ситуацию, знали школьное дело. Кандидатура М.И. Семевского отвечала этим требованиям.

Михаил Иванович происходил из дворян Псковской губернии Великолукского уезда. Образование получил в Полоцком кадетском корпусе и Дворянском полку в Петербурге. Служил в лейб-гвардии Павловском полку в 1855–1861 гг. Участвовал в Крымской компании по охране побережья Балтийского моря в уезде Странди Выборгской губернии. Был ранен и награжден светло-бронзовой медалью в память войны 1853–1856 гг. Считая полученные в корпусе знания недостаточными, слушал лекции в 1855–1856 гг. в Московском и Петербургском университетах и усиленно занимался самообразованием. Неудовлетворенный военной службой, он сделал попытку перейти на военно-педагогическую деятельность: с 1857 г. стал репетитором Кадетского корпуса, но, не выдержав экзамен на преподавателя словесности, подал в отставку. На офицера с явным педагогическим талантом обратил внимание К.Д. Ушинский в воскресной Таврической школе и пригласил в 1861 г. преподавать историю в старших классах Александровской половины Смольного института. Учителемствовал М.И. Семевский недолго, в 1862 г. покинул Смольный вслед за К.Д. Ушинским. К моменту приглашения в инспектора он был уже достаточно известным историком-публицистом, автором ряда статей по новейшей истории и монографии «Царица Прасковья», написанной на архивных материалах, и нескольких публицистических статей⁶. В связи с поездкой его друг Д.Д. Семенов сообщал, что «Рехневский] дал Головнину прочесть Ваши заметки от Твери до Астрахани. Голов[нин] вполне разд[еляет] Ваши взгляды и думает, что Вы делаете много пользы для народного образования»⁷. Очерки, опубликованные в «Отечественных записках»,⁸ содержали описания визитов в учебные заведения, встречавшиеся М.И. Семевскому по пути его вояжа в поволжских городах: гимназии – мужские и женские, се-

минарии, женские духовные училища, народные школы. Инспектируя по собственной инициативе, он интересовался всем: и экономической и педагогической стороной дела; посещал уроки, просматривал конспекты, присутствовал на экзаменах; высказывал замечания о программах, методике, составе и подготовке учителей. Взгляды, изложенные М.И. Семевским, импонировали министру.

М.И. Семевский, как видно из письма к О.И. Малевичу от 22 сентября 1862 г., понимал свою роль именно так, как видел ее А.В. Головнин, привлекая сторонних экспертов: «Я не ревизор, я литератор, слабый талант которого вызвал пока внимание умного министра. Сумею ли я оправдать это внимание, сумею ли оказать пользу – не знаю. Знаю только, что постараюсь изо всех сил»⁹.

Получить назначение М.И. Семевскому, было сложно, поскольку в августе 1862 г. он был арестован и доставлен в III отделение. Выдвинутые против него обвинения, наличие сочинений А.И. Герцена и возмутительных воззваний не были доказаны, и он был отпущен¹⁰. Это обстоятельство и стало существенным препятствием в получении места, хотя предварительное назначение состоялось уже в июле, и о нем было известно многим. Так, даже К.Д. Ушинский находясь за границей, куда новости доходили с запозданием, в письме к А.И. Стребницкому от 23 сентября 1862 г. писал: «Семевского, исторического писателя тоже взяли по возвращении в Петербург, обыскали, ничего не нашли и отпустили, но тем не менее места не дали на которое он был уже назначен»¹².

О приглашении М. И. Семевского в июле 1862 г. в Министерство известно из письма Д.Д. Семенова. «Головнин просит Рехневского, – писал он, – указать ему человека, которого бы можно было послать путешествовать по России – с целью – определить отношение народных школ к народу. Рехневский никак не мог выбрать лучшего, как Вас. Если вы согласитесь, то вам дадут приличное жалование рублей 1600 ... и прикомандируют к МНП¹³ чиновником неотложных поручений или как-нибудь иначе. Я со своей стороны советую Вам согласиться, выполнив поручение, вы сможете пойти по ученой или учебной части. Отвечайте поскорее мне или Рехневскому Юлию Семеновичу, адресуя в редакцию ЖМНП,¹⁴ а лучше, если (смогли бы) сами

приехать. Куйте железо пока горячо». К письму были сделаны две приписки. Рукою брата Петра: «Д.Д. Семенов приезжал с предложением путешествовать по России с 1600 р. с. и прогоны особо; я нахожу, что это тебе будет выгодно, и что ты разъешишься, поправишься здоровьем, и все-таки будешь служить при народном просвещении. Приезжай поскорее, лучше бы если ты сам приехал переговорить с Рехневским – Сашенька тоже советует и уже дала почти слово об согласии». И рукою жены Петра Александры Васильевны: «Пожалуйста, Миша, не сглупи второй раз, не отказывайся от этого выгодного предложения, уж как хочешь, а я за тебя дала слово, и потому ждем тебя если не сегодня, то завтра, наверное. Выгоды не перечисленные, почет, деньги, а главное слава, которая поедет за тобой во все концы Европы, ты знаменитый путешественник, просветитель и проч., проч., всех выгод не перечислить»¹⁵. Кандидатура М.И. Семевского была, как следует из письма, предложена Ю. С. Рехневским, знавшим его через К.Д. Ушинского по Смольному институту и по издательским делам, поскольку именно он сменил К.Д. Ушинского на посту редактора Журнала Министерства Народного Просвещения. Многие годы они поддерживали дружеские отношения. Так, в середине 1860-х гг. Д.Д. Семенов приглашал М.И. Семевского «на маленькую пирушку» по поводу приезда Л.Н. Модзалевского, среди прочих бывших «ушинцев» назван и Ю.С. Рехневский¹⁶. Письмо Д.Д. Семенова было получено 28 июля, как пометил сам М.И. Семевский. Он незамедлительно выехал в Петербург, но по прибытии на Николаевском вокзале был арестован. Однако М.И. Семевский не отступился, стал искать защиты у А.А. Краевского¹⁷. М.И. Семевский просят замолвить за него слово, уверяя в своей полной благонадежности при выполнении задания. Назначение после всех мытарств состоялось.

В сентябре 1862 г. М.И. Семевский приступает к выполнению задания – инспекции народных школ в Псковской губернии. Сохранились его записные книжки за 1862–1863 гг., которые он вел во время поездки. В разъездах провел без малого год: с 27 сентября 1862 г. по 20 сентября 1863 г., в конце 1862 г. вернулся на короткое время в Петербург. В письме к О.И. Малевичу от 11 ноября 1862 г. писал: «Ездил дней на 9 в Петербург, сдал в Министерство первую часть

моего отчета о нуждах школ города Пскова, читал этот отчет разным властям: все были довольны (не прими, голубчик, за хвастовство)...»¹⁸ Исходя из указанных сроков поездки, возможно опровергнуть слухи, зафиксированные III отделением в конце 1862 г., о том, что М. И. Семевский принят на службу при Министерстве народного просвещения с окладом в 1600 р.¹⁹. Эти были лишь отголоском его уже давно состоявшегося назначения. Опираясь на указанный факт о слухах, В.И. Порох сделал вывод, что М.И. Семевский не был назначен на предполагавшееся для него место из-за установленного над ним полицейского надзора и, возможно, отсутствия необходимого вакантного места, что А.В. Головнин не захотел иметь опального чиновника²⁰. К вопросу о политической неблагонадежности М.И. Семевского в эти годы следует еще добавить историю с его статьей «Петр Великий, как юморист»,²¹ которая вызвала гнев митрополита Филарета, считавшего, что в ней выражены «мысли и учения противохристианские, противуправительственные», что «такая литература вдру оскорбляет и религию, и нравственность, и царский род»²². Скандал разразился в начале 1863 г., когда М.И. Семевский уже составил о себе мнение первыми отчетами. Для А.В. Головнина вопрос об отношении к религии был первостепенным. Будучи министром, весной 1862 г. подал записку о «вредном учении» – просветительстве, враждебном религии и государственному устройству. При этом он полагал, что более или менее критическое отношение к существующим порядкам свойственно подавляющему большинству литераторов. Для противостояния этому злу предлагал разработать систему мер по линии Министерства внутренних дел, духовного ведомства и Министерства народного просвещения. Одной из составных частей предполагаемых мер была реформа образования²³.

Событий, которые развернулись вокруг исторических сочинений М.И. Семевского, было бы вполне достаточно, чтобы А.В. Головнин не желал видеть среди своих подчиненных человека, убеждения которого противоречили его политической позиции.

Однако причина была в другом. Вопрос о штатных местах для участников инспекции не стоял изначально. Судя по мемуарам А. В. Головнина, ради объективности, все эксперты должны были

быть людьми не из министерства, и никаких гарантий по трудоустройству им не давали, и никто из них мест в дальнейшем не получил. Кроме того, они были командированы из средств разных министерств. Еще в 1859 г. от Министерства государственных имуществ поступило предложение, чтобы школы в учебном отношении подчинялись Министерству народного просвещения, но в хозяйственном – своим министерствам. В ведении таких министерств, как Государственного имущества, Уделов, Внутренних дел, Синода, школ было значительно больше, чем в Министерстве народного просвещения²⁴. Расходы по назначенной инспекции также несли все министерства за своих корреспондентов самостоятельно.

И все же поездка по Псковской губернии не пройдет для М.И. Семевского бесполезно. Он получит место в 1864 г. в Государственной канцелярии при посредничестве А.П. Заблоцкого-Десятовского и А.Ф. Гильфердинга, и его новая служба вновь будет связана с устройством учебных заведений в Царстве Польском. А.П. Заблоцкий-Десятовский обратил внимание на отчет М.И. Семевского. А.Ф. Гильфердинг знал его и как библиофила, и по делам Комитета грамотности, высоко ценил его организаторские и педагогические способности. Еще в 1862 г. советовался с ним по уставам Петропавловской школы и женской гимназии²⁵. В доме А.Ф. Гильфердинга он лично познакомился с А.В. Головниным и Н.А. Милютиним. При формировании комиссии А.Н. Милютин лично подбирал себе сотрудников. А.В. Головнин если и не содействовал своему лучшему корреспонденту, то и не препятствовал в получении места. М.И. Семевский был включен в комиссию по подготовке реформы школы. Важно, что он не только знал к этому времени школьное дело, но и владел польским языком. Он готовил материалы под непосредственным началом А.Ф. Гильфердинга²⁶. Как всегда глубоко вник в проблему, результатом явилась серия публицистических статей по вопросам образования в Польше²⁷. Все подготовительные материалы, тексты с редакторской правкой впоследствии М.И. Семевский объединил в отдельный том, на форзаце которого сделал надпись: «Приложение к [полному] С[обранию] сочинений М.И. Семевского к VII тому. Редакцией сего сборника, составленного А.Ф. Гильфердингом и напе-

чатанного Н.А. Милютиним, и занимался при его издании настоящей книги в мае 1864 г. М. Семевский»²⁸.

М.И. Семевский последовательно объехал губернию. Первым пунктом пребывания осенью 1862 г. был Псков, затем территория северо-запада губернии. Рождество он встречал в родных Великих Луках, к весне 1863 г. обследовал юго-западную территорию, к осени проехал по восточным районам. Записи в дневнике, который он вел в пути, только деловые, он не отвлекался на личные впечатления: перечень школ, имена учителей, статистика численности и посещаемости учебных заведений, записи о присутствии на уроках, народные песни, пословицы, загадки, меткие народные выражения, пробы пера учениками – довольно забавные детские каракули. Частные записи появляются только на страницах, посвященных описанию Великих Лук, села Полибино, имения Корвин-Круковских, где домашним учителем служил О.И. Малевич, сельца Мишнево, владелец которого А.И. Креницин удостоен краткой записи его биографии и стихов²⁹. Помимо ведения дневника, где отражал свои наблюдения, пытался проводить анкеты. С этой целью, как вспоминал он, «в 1863 г. я просил учителей, волостных писарей, равно учащихся собирать мне по этому предмету свои заметки. Многие отзывались на мою просьбу, многие присылали интересные заметки...»³⁰. Он стремился с помощью подобного опроса выяснить, что думали крестьяне об обучении их детей. Собрал он и воспоминания сельских учителей о работе в предыдущие годы, лучшими из них считал заметки Н.Н. Ясинского. Впоследствии он сбродировал все бумаги во внушительный том, который подарил в библиотеку Великолукского реального училища³¹.

М.И. Семевский изучал вопрос основательно, посещал десятки учебных заведений, будь то образцовое Мариинское училище в Пскове или захудалые школы, содержащиеся волостными писарями и церковными сторожами в глухих захолустьях отдаленных уездов. Обращал внимание на всё: помещение, отопление, бюджет школы, учебники, методика, уровень обучаемости детей, их поведение, круг чтения учеников, ставки учителей, условия их быта, и пр. и пр. Впоследствии оказалось, что он был одним из немногих экспертов, столь серьезно подошедших к поставленной задаче. Его отчет содержал как

аналитическую часть, более походившую на очерки или путевые заметки, так и сводные статистические таблицы, дающие полное представление о состоянии школьного дела³². Неудивительно, что отчет получил одобрение Министерства и был не только напечатан в Журнале министерства народного просвещения и газете «Голос», но и отдельным оттиском. Без ведома А.В. Головкина и без его одобрения отчет не был столь широко по тем временам обнародован. Высоко оценил труд М.И. Семевского и К.Д. Ушинский. В письме от 5 февраля 1864 г. из Гейдельберга он писал: «Прочел я вашу книгу с двойным интересом: один был возбужден во мне самим трудом, другой – личностью автора. Что касается до труда, то без всяких лживых для вас похвал скажу, оканчивая чтение с одного присеста, я подумал, как мало мы знаем нашу исполинскую Русь, как полезно было бы появление подобных описаний, как мало у нас людей, способных для того [...] Словом, ваша брошюра разбудила мой педагогический инстинкт на несколько дней, а это много говорит в ее пользу»³³.

И в настоящее время этот отчет является чуть ли не единственным печатным источником, на который ссылаются, иллюстрируя состояние грамотности в России ко времени отмены крепостного права.

Кроме отчета М.И. Семевский опубликовал ряд статей о состоянии народного образования в Псковской губернии в газете «Голос» и журнале «Учитель»³⁴. Вслед за успехом разразился скандал. В журнале «Учитель» № 11–12 за 1864 г. появилась заметка некоего В. Стрельцова из деревни Пеники Псковской губернии по поводу статей М.И. Семевского о псковских школах, в которых ему было предъявлено обвинение в некомпетентности и незнании тех мест и школ, о которых помещены материалы. Сами публикации не названы, но это были заметки из газеты «Голос»³⁵. «Перед нами теперь статьи г. Семевского ... свидетельствующие о том, с какой осторожностью нужно верить рассказам странствующих педагогов и собирателей статистических данных», – писал корреспондент³⁶. Предметом обвинения стали учитель Матвей Гаврилович Суворов, который получил благодаря хлопотам М.И. Семевского при поддержке барона М.О. Косинского возможность выучиться на фельдшера, и В.А. Золо-

тов, командированный для обозрения народных училищ на юге России и широко пропагандировавший среди местной «интеллигенции» идею народных школ, а также А.М. Дондукова-Корсакова, открывшая учительскую школу в своем поместье селе Буриги в Порховском уезде. «Нет! Мы крепко подозреваем, что г. Семевский писал все вышеприведенные строки с чужих слов», – писал далее корреспондент³⁷. Был задет не только М. И. Семевский, но и люди, которых он уважал.

А.М. Дондукова-Корсакова, помещица Порховского уезда Псковской губернии, превратила свое поместье Буриги в центр благотворительности. М.И. Семевский в заметке «Община сестер милосердия святой Марии Магдалины в селе Буриги» с умилением описал школу для крестьянских детей и для сельских учительниц, последняя, правда, просуществовала недолго. Но сама идея не погибла, и А.М. Дондукова-Корсакова содействовала появлению такой же школы в Петербурге под эгидой Комитета грамотности. Она была учреждена при Пятой гимназии при содействии В.А. Половцева. Но и этой школе не суждено было долго просуществовать. В статье К. Диксона и Б. Кетрица, посвященной деятельности Комитета грамотности, указана дата создания – 1865 г.,³⁸ но, видимо, школа была открыта в 1864 г. Так, в дневниках В. А. Половцева за 1864 г. отмечено: «...написал я сегодня сведения о школе для Семевского – живо!»³⁹ М.И. Семевский писал о школе в Петербурге, с делами которой был хорошо знаком, упрек был напрасным и обидным. Он ответил на статью Е. Стрельцова резкой отповедью, закончив фразой: «Будьте уверены, всякие намеки, вроде сделанных вами, не вызовут опровержения; на них один ответ – презрение»⁴⁰. В том же номере, где были помещены ответы М.И. Семевского, появилась еще одна статья – редакционная, автором ее, несомненно, был Иосиф Иванович Паульсон (1828 – 1899). Редактор журнала «Учитель» с 1862 по 1871 гг., автор «Книги для чтения», учебника достаточно распространенного в школах России, он имел частную элементарную школу в Петербурге и управлял Санкт-Петербургской учительской семинарией; был признанным авторитетом в педагогическом мире⁴¹. И.И. Паульсон, человек несдержанный по отношению к своим оппонентам,⁴² обвинил М.И. Семевского во лжи: «На многие, приведенные в статье г. Семевского факты мы, с

самого начала смотрели с некоторым недоверием. Недоверие это внушали нам прежние исторические статейки г. Семевского, в которых он со многими фактами обращался весьма – как бы это сказать поучтивее ... ну скажем хоть по-французски – cavalierement»⁴³. На самом деле причина была иной. В педагогических кругах, начиная с конца 1850-х гг., шла острая дискуссия о том, какой должна быть школа разных уровней, и, прежде всего, народная школа. М.И. Семевский принадлежал к оппонентам И.И. Паульсона. Оценив ситуацию в Псковской губернии по собственным впечатлениям, считал, что учитель из отставных солдат, писарей и приказчиков на практике больше сделает для того, чтобы вывести народ из оков «мрака и невежества»,⁴⁴ потому что в настоящее время он реально действующее лицо, чем дискуссии о том, как готовить учителей. Обследование Псковской губернии показало также, что грамотность среди женского населения существовала почти исключительно в южной и юго-западной частях Опочецкого уезда, и только благодаря подвижнической деятельности А.М. Дондуковой-Корсаковой⁴⁵. Точка зрения М.И. Семевского не была оригинальной, ее разделяли многие прогрессивные педагоги того времени.

Известность как знаток народной школы М.И. Семевский приобрел благодаря инспекционной поездке по Псковской губернии в 1862 – 1863 гг., он составил собственные представления о народной школе в России, о задачах и назначении образования, которые не претерпели существенных изменений на протяжении всей его жизни. М.И. Семевский никогда не порывал с педагогической деятельностью: хотя отказался от попыток сделать карьеру на педагогическом поприще⁴⁶. Много сил он отдал делу народного образования в Санкт-Петербурге: входил в училищную комиссию Городской Думы, курировал 9 народных училищ столицы. Никогда не забывал и родного края: был попечителем Великолукского реального училища и многих других учебных заведений Великих Лук и Торопца.

Как показала жизнь, министр А.В. Головнин прав был, выбрав молодого литератора в инспектора. М.И. Семевский (4.01.1837 – 9.03.1892) состоялся и как человек и гражданин – тайный советник, гласный и товарищ городского головы городской думы Санкт-Петербурга, пи-

сатель-историк, педагог, археограф, библиофил – известен потомкам главным образом как редактор-издатель исторического журнала «Русская старина».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 330.
2. Головнин А.В. Записки для немногих // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 89.
3. Головнин А.В. Записки для немногих // Вопросы истории. 1996. № 10. С. 97.
4. Головнин А.В. Записки для немногих // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 89.
5. Головнин А.В. Записки для немногих // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 90.
6. Перечень трудов М.И. Семевского // Тимощук В.В. Михаил Иванович Семевский – основатель исторического журнала «Русская старина»: Его жизнь и деятельность. Приложение. СПб., 1895. С. 73 – 82.
7. Отдел рукописей Института русской литературы Академии Наук РФ (Пушкинский дом) (далее – ИРЛИ), ф. 274, оп. 1, д. 317, л. 1.
8. Семевский М.И. От Твери до Астрахани, волжские заметки, 1861 г. // Отечественные записки. 1861. № 12; 1862. №№ 4, 6, 12.
9. ИРЛИ, ф. 274, оп. 1, д. 239, л. 26 об.
10. Порох В.И. Офицер, историк, издатель: Все о М.И. Семевском. Саратов, 1999. С. 65.
11. Ушинский К.Д. Собрание сочинений. Т. 11. М.-Л., 1952. С. 198.
12. В указателе к тому перепутаны братья Семевские: Михаил и Василий. В 1862 г. Василий еще учился и известным писателем быть не мог. – Ушинский К.Д. Собрание сочинений. Т. 11. М.-Л., 1952. С. 711.
13. Министерство народного просвещения.
14. Журнал Министерства Народного Просвещения.
15. ИРЛИ, ф. 274, оп. 1, д. 317, л. 1 – 2 об.
16. ИРЛИ, ф. 274, оп. 1, д. 317, л. 3.
17. Порох В.И. Офицер, историк, издатель... С. 66. Письмо ошибочно датировано В.И. Порохом 1860 г., но события относятся к августу 1862 г.
18. ИРЛИ, ф. 274, оп. 1, д. 239, л. 28.
19. Порох В.И. Офицер, историк, издатель... С. 67.
20. Порох В.И. Офицер, историк, издатель... С. 67.
21. Ках О.Б. «Мои любезные книги и книжечки...» (Заметки о библиотеке М.И. Семевского) // Псков: Научно-практический, историко-краеведческий журнал. Псков. 2000. № 13. С. 57.
22. Душеполезное чтение. 1863. № 1 С. 6.
23. Эймонтова Р.Г. Идеи просвещения в обновляющейся России (50 – 60-е гг. XIX в.). М., 1998. С. 107, 324.
24. Смирнов В. З. Реформа начальной и средней школы в 60-х гг. XIX в. М., 1954. С. 57.

25. «Потолкуем еще на счет этих проектов» – писал А.Ф. Гильфердинг к М.И. Семевскому. – ИРЛИ, ф. 274, оп. 1, д. 117, л. 26.
26. Материалы по учебной части в Царстве Польском: 1808 – 1864 гг. / Издание и перевод с польского под редакцией М.И. Семевского; напечатано по распоряжению А.Н. Милотина. СПб., 1865.
27. Семевский М.И. Общественное образование в Царстве Польском: 1815 – 1864 гг. СПб., 1864; Он же. Средние учебные заведения в Царстве Польском // Русский инвалид. 1866. № 301, 303, 304;
28. ИРЛИ, ф. 274, оп. 1, д. 30. – См. Ках О.Б. «Мои любезные книги и книжечки...» (Заметки о библиотеке М.И. Семевского) // Псков: Научно-практический, историко-краеведческий журнал. Псков. 2000. № 13. С. 52.
29. ИРЛИ, ф. 274, п. 1, д. 3. л. 186 об. – 187.
30. Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (далее – РНБ), ф. 683, д. 2, л. 318.
31. В настоящее время хранится в РНБ, ф. 683, д. 2.
32. Грамотность в деревнях временнообязанных крестьян Псковской губернии в 1863 г. СПб., 1864 (со статистическими таблицами); Грамотность в деревнях государственных крестьян Псковской губернии в 1863 г. СПб., 1864. (со статистическими таблицами и картою Псковской учебной дирекции).
33. Ушинский К.Д. Педагогические сочинения. Т. 2. С. 464.
34. Семевский М.И. Маринское женское училище в Пскове // Голос. 1863. №№ 83, 85, 86; Он же. Посад Сольцы // Голос. 1863. № 187; Он же. Община сестер милосердия св. Марии Магдалины в селе Буриги // Голос. 1863. № 160, 161.
35. Семевский М.И. Маринское женское училище в Пскове // Голос. 1863. № 83, 85, 86.
36. Учитель. 1864. № 11-12. С. 460.
37. Учитель. 1864. № 11-12. С. 461.
38. Диксон К., Кетриц Б. Санкт-Петербургский Комитет грамотности: Исторический очерк: 1861 – 1911. СПб., 1911. С. 19.
39. РНБ, ф. 601, д. 134, л. 150.
40. Учитель. 1864. № 13-14. С. 618.
41. Белявский А. Исторический очерк элементарной школы в биографиях замечательных педагогов и по уставам правительства. СПб., 1905. С. 95.
42. Д.Д. Семенов отметил, что в «обращении И.И. Паульсона с другими людьми замечались какая-то холодность, некоторая жесткость и педантизм». – Семенов Д. Д. Очерк педагогической деятельности Иосифа Ивановича Паульсона // Вестник воспитания. 1898. № 6. С. 115. «Ушинский очень недолюбливал Паульсона за его чересчур авторитетный и самоуверенный тон и в компании знакомых нередко острил над этой чертой его характера», – писала Е.И. Водовозова-Семевская. – Водовозова-Семевская Е.И. Житейские невзгоды // Голос минувшего. 1923. № 1. С. 60.
43. Учитель. 1864. № 13-14. С. 618.
44. Русская старина. 1883. № 1. С. 178.

45. Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России: 1856 – 1880. СПб., 1901. С. 405.

46. Причина такого решения была вызвана планами создания семьи. Во время путешествия М.И. Семевский влюбился в Анну Васильевну Корвин-Круковскую, дочь отставного генерала из села Палибино Невельского уезда, и сделал предложение. Родители невесты отказали жениху как человеку без положения в обществе и без определенных доходов, перебивающемуся литературным трудом. М.И. Семевский не смирился с отказом; чувства его были сильными и искренними, он не отказался от мысли добиться невесты. Педагогика не могла принести ни надлежащего дохода, ни достойного, в глазах генерала, положения в обществе, и он решил стать государственным служащим. В январе 1864 г. поступил на службу в Государственную канцелярию, и в 1866 г., достигнув чина титулярного советника, возобновил сватовство. На сей раз, отказ последовал от Анны Васильевны. – Кох О. Б. «Он был титулярный советник...» // Псков: Научно-практический и историко-краеведческий журнал. Псков. 1999. № 10. С. 17 – 22.

С.О. Кузнецов

«ПОРЯДОЧНЫХ СОБАК ОЧЕНЬ МАЛО». ОХОТНИЧЬИ ИНТЕРЕСЫ СЕРГЕЯ И ОЛЬГИ СТРОГОНОВЫХ В ТЕЧЕНИЕ 1880-1890-Х ГГ.*

Конный завод на Кавказе. Псовая охота в Вольшове и Общество охотников в Петербурге. Садочный двор и «Вольшовский кубок». Новая «Заря». Поездка в Англию в 1891 г.

История чаще всего интересна теми кругами, которые они выплывает как в судьбах великих империй, так и в биографии отдельно человека. В 1888 г. князь Александр Григорьевич Щербатов вместе с женой Ольгой и Сергеем Александровичем отправился на Аравийский полуостров. Из Каира путешественники проехали через Бейрут в Дамаск, а далее караваном прошел через Ливанские горы и внутреннюю Сирию до среднего течения Ефрата. Этот маршрут был повторением пути 1879 г. Уилфрида и Анны Блант (Wilfred and Anne Blunt), англичан, которые затем еще раз в 1881 г. ездили на восток в

поисках арабских лошадей. Анна написала две книги «The Bedouins of the Euphrates» (1879) и «Pilgrimage to Nejd» (1881)¹. Эти издания, судя по всему, были настольными у Ольги Александровны и Сергея Александровича во время похода на яхте «Инва», которая и доставила их к Аравийскому полуострову, а также назад. Щербатов устроил арабо-донской завод. Строгонов, купивший четырех жеребцов (Эмир-Араб, Таир, Сотан-эль-Крейш и Шеррак) и девять кобыл, в 1889 г. основал новое имение под названием Змеевка («Графский хутор»). Оно располагалось на территории Теркского казачьего округа в тридцати километрах от Пятигорска и семи от Железноводска на южном склоне Змеиной горы. Устройство такого завода являлось в некотором смысле делом династии Строгоновых.

В 1820-х гг. Григорий Александрович, прадед Сергея Александровича, занимался доставкой арабских лошадей из Сирии в Россию². Позже, в 1829 г., директор Тракенского конного завода в Пруссии Пофикал Бургсдорф представил императору Николаю I проект учреждения в южной России конного завода для улучшения породы посредством арабских жеребцов³. Он был препровожден князю Иллариону Васильевичу Васильчикову (1776–1847), вскоре назначенному генерал-инспектором кавалерии владельцу имения Выбити в Новгородской губернии. Илларион Васильевич приходился дядей матери Сергея Александровича Татьяне Дмитриевне. Эта идея не могла не затронуть Строгонова, который унаследовал конные заводы в Вольшове, по соседству с Выбити и, кроме того, еще в 1881 г., хотя и без особого успеха, участвовал в Царскосельских скачках⁴.

Площадь земли на «Графском хуторе» была невелика – 1000 десятин земли (27 000 акров), большинство которой, за исключением от 15 до 30 десятин леса, состояло из степи. Строгонов не удовлетворился Вольшовым и решил выбрать место на Кавказе в связи с распространением мнения о том, что нельзя выращивать породу в местности, отличной от северной Аравии. Завод Строгонова был основан для разведения арабских лошадей несомненного происхождения, для улучшения арабской кровью лошадей кабардинской породы и, наконец, для создания недорогих лошадей подходящего типа для псовой охоты. Ранее богатые мусульмане из паломничества в Мекку всегда

привозили одного-двух арабских жеребцов, и этим поддерживалась порода. Основанием завода послужили жеребцы и кобылы, приобретенные Сергеем Александровичем во время путешествия. Сам «хутор» состоял из многочисленных зданий. Здесь был кирпичный господский дом с 15 комнатами, несколько домов для служащих, а также кузница и экипажный сарай. Нельзя сказать, что коневодство полностью увлекало графа. Его настоящей страстью, унаследованной не только от отца, но и от прадеда, была охота. 25 мая 1817 г. одесский градоначальник генерал-майор Фома Кобле докладывал министру двора П.М. Волконскому, что «Российский чрезвычайный посланник при порте Оттоманской барон Григорий Александрович Строгонов в следствии Высочайшей Его Императорского Величества препорученности приискав в столице турецкой трех борзых собак (называемых *tasu*) одну суку и двух кобелей лучшей породы, переслал сюда морем на коммерческом корабле [на судне шкипера Томазо Кривелия – С. К.], поруча мне распорядится о доставлении их отсель в С-Петербург к Вашему Сиятельству. Исполняя сие поручение, я распоряжаясь таким образом с отправлением сих животных, что оные ведены будут на своре при троеконной ямщицкой подводе, здесь нанятой ...»⁵.

29 мая греческий дворянин Емануил Султанович, служивший в Одессе квартальным надзирателем в чине коллежского регистратора, получил свидетельство, в котором порученные ему собаки описывались следующим образом: «кобель шерстью беловатой росту выше среднего с правого боку возле передней ноги шерсть вытерта, кобель рябой, шерсть рыжая с белою росту среднего и на лбу продолговатая лысенка; сука шерстью беловатая росту среднего». При животных находились также две белых и одна серая суконные попоны, а также «нашейники» на железных кольцах⁶. 10 июня Султанович в особом письме просил у Волконского награды. Он получил 1270 рублей за издержки и бриллиантовый перстень.

Именно ради успешного проведения охоты около 1889 г. окончательно сложился особый ритм жизни Строгонова. Зимой этого года в Петербурге было основано «Общество поощрения полевых достоинств охотничьих собак и всех видов охоты». Устав утвержден 22 февраля⁷. Он в известной степени конкурировал с созданным тремя

годами ранее Обществом любителей породистых собак, а также с московским Императорским обществом размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты, основанном по инициативе В.А. Шереметева в 1873 г. Сергей Александрович был членом всех упомянутых организаций, но наиболее активно участвовал в деятельности ОППДОС, президентом которого стал великий князь Николай Николаевич (Младший). Он, как и Строгонов, с детства увлекался охотой⁸, но смог уделить ей достаточно внимания только с 1887 г., когда купил имение Першино в тридцати километрах от Тулы. Именно там со временем была создана сама лучшая «комплектная охота»⁹, в составе которой находилось две стаи гончих по 45 собак в каждой и примерно 130 борзых, причем каждая из свор была подобрана по цвету¹⁰.

Среди двадцати семи почетных членов Общества числились: великие князья Петр Николаевич, Николай Михайлович, Михаил Михайлович, Георгий Михайлович и Сергей Михайлович, принцы Александр Петрович, Константин Петрович, Петр Александрович Ольденбургские, а, кроме того, граф Николай Александрович Адлеберг, князь Б.А. Васильчиков, светлейший князь Д.Б. Голицын, князь П.П. Голицын, П.Ф. Дурасов, М.А. Строгонова, О.А. Щербатова, П.П. Ферзен. Общество также имело 126 действительных членов, среди которых следует запомнить Р.П. Балавенского, псковского помещика, Д.П. Вальцова, секретаря великого князя Николая Николаевича, С.И. Васильчикова, князя А.Г. Щербатова, мужа княгини Ольги Александровны, урожденной графини Строгоновой. Наконец, комитет состоял из Д.Б. Голицына, С.А. Строганова, Б.А. Васильчикова, П.Ф. Дурасова, Н.А. Адлеберга, П.П. Голицына.

Деятельность общества в то время была невозможна без Садочного двора, который был устроен на средства Строгонова в Коломягах, то есть там, где рано умерший брат его бабушки Александр обучался военному делу (помимо того, принадлежавшая Сергею Александровичу мыза Мандурова, или Строгоновский сад, располагалась в близости). Было арендовано на двенадцать лет 107 десятин земли в 2 ¼ одной версте от Шувалова, на левом берегу реки Каменки. Работа по устройству двора проходила в июне–октябре 1889 г. Вся тер-

ритория была огорожена забором протяженностью четыре версты и высотой три аршина. Садочный круг, где происходило основное действие, представлял собой совершенно ровное пространство длиной 400 сажень и шириною 110 сажень. Специальное устройство позволяло выпускать *на садку* одновременно двух соревнующихся собак и зайца, для побега которого в конце дистанции находилось небольшое отверстие. Для того чтобы сократить потери среди зверей, незадолго до самих садок их несколько раз прогоняли через садочный круг, и в дальнейшем они прекрасно знали о местонахождении спасительного лаза. Задачей собаки было первой догнать и схватить зайца. Если этого сделать не удавалось, победитель определялся по количеству баллов согласно разработанным правилам, за точностью исполнения которых наблюдал судья. Так, угонка оценивалась одним баллом, а пових половиной¹¹. При круге имелось три рода мест для публики: «Ложки устроены вдоль стены главного здания, в котором помещается буфет и комнаты для гг. членов Общества. Тут же, для нужд буфета, есть большая кухня. С одной стороны, к ложам примыкают крытые трибуны, а с другой членская беседка. Эта последняя, очень красивой архитектуры, выстроена исключительно для членов Общества; она имеет форму многогранника и часть ее, выходящая на садочный круг, снабжена большими подъемными окнами, позволяющими видеть все, что происходит на кругу».

Зайцев доставляли из Валдайского уезда Новгородской губернии. С мая по ноябрь они питались сами, свободно разгуливая по территории Садочного двора. С ноября их подкармливали овсом и осиновою корой смотритель Михаил Барсуков и три сторожа, которые имели особую форму из серого сукна с зеленым кантом и бляху с буквами «ОПДОС»¹². Не ограничившись устройством садочного двора, граф Строгонов предоставил для целей Общества свой дом.

Об этом можно узнать из сохранившегося в архиве объявления. В нем Комитет Общества доводил «до сведения гг. охотников, что между 20 и 28 октября текущего года на садочном дворе Общества, близ сельца Коломяги, под Петербургом, состоятся призовые садки для испытания резвости и злобности борзых собак». Обещались са-

док для зайцев и приз в 1000 рублей для борзых кобелей и сук всех пород и осеней¹³, приз в 450 рублей для псовых кобелей и сук всех осеней, приз в 450 рублей для английских и хортых кобелей¹⁴ и сук всех осеней. Кроме того, организовывали садки на волков, где был приз в 400 рублей для борзых сук всех пород и осеней в одиночку на прибитого волка, «который должен быть принят из-под собаки живым и сострунен». Наконец, ожидал победителя приз «в 400 рублей для борзых кобелей всех пород и осеней в одиночку на переярка» и «приз в 300 рублей для своры из двух кобелей и суки на *матерого* волка». Подписка принималась «ежедневно, от 11 часов утра до 4 часов по полудни, в конторе графа С.А. Строгонова, Невский пр. 17»¹⁵. Таким образом, в старинном доме расположилась канцелярия Садочного двора.

Осенью Строгонов всегда приезжал в свое поместье. Примерно 1 сентября начиналась травля зайцев и лисиц, которая достигала своего апогея к именинам Сергея Александровича, отмечавшимся 25 сентября. Кроме того, сформировалась так называемая «товарищеская охота»¹⁶ трех закадычных друзей, куда, помимо Строгонова, входил князь Б.А. Васильчиков, брат жены и владелец расположенного в относительной близости от Вольшова имения Выбити, а также П.П. Голицын, владелец имения Марьино под Петербургом, которое стало охотничьими угодьями в 1840-е гг., то есть как раз тогда, когда масштабы российской охоты достигли своего апогея. В своих «Воспоминаниях отжившего охотника» В. А. Полторацкий писал: «Еще на моей памяти, при бывших в те времена (в 40-х годах) больших сборищах в Тверской, Новгородской и Псковской губерниях громадных охот в отъездные поля с четырьмя переменными стаями гончих, до 50 смычков в каждой, а общей численностью всех собак далеко превышающей тысячу... Эти колоссальные оравы людей, лошадей, собак, обозов и кухонь нигде, за исключением Выдропуска и Медного, не могли разместиться в одном селении, а требовали отвода квартир на ночлеги и дневки в двух и трех соседних деревнях»¹⁷.

У князей Васильчиковых для целей охоты использовалось в Новгородской губернии имение Выбити, а в Псковской – Вольшово, которое в 1859 г. перешло к Строгоновым (Александр Сергеевич с 1846 г.

был женат на княжне Татьяне Дмитриевне Васильчиковой). Между двумя усадьбами шла интенсивная переписка, в которой участвовал и Александр Сергеевич Строгонов (1818–1864). Так, сохранилось адресованное ему в Волышово из Выбити письмо Виктора Павловича Васильчикова:

«В сей торжественный семейства день мы целые сутки сидели без выхода дома потому, что на дворе моросил дождик и что до того холодно, что я согласен бы одеться в шубу, но воздержался из приличия. Известия присланные [неразб.] столь же мало утешительных, как все прочие мною собранные – везде дичи мало. К тому же я, кажется, на тех днях буду хоронить Ренжера, у которого сделалась чухотка. Вновь прибывшая из Англии сука, хотя и хороша собою, но с нею сделалось периодическое кровошество, которое всегда случается с суками в самое то время, когда все готово для поля. О поездке в Валдай не могу еще дать положительного согласия?

Взамен чего другого у меня на этих днях будет большущее предпрятие на волков. Вабельщики выли третьего дня и вчера и старые отозвались, молодых счесть не могли по причине ветра. Сегодня поедут опять.

Матушку и Ольгу завтра провожу до Бору, а потом заруюсь опять в лесах и болотах»¹⁸.

Послание не датировано, но, судя по всему, оно было типичным.

20 апреля 1846 г. Павел Васильевич Голицын, 24-летний новый марьинский барин¹⁹, написал в лесничество следующую записку:

«Во время пребывания моего в Марьине 20го числа сего апреля, заметил я, будучи на охоте, что на болоте Кирковском ходил с ружьем неизвестно кто из крестьян ли марьинских, или из служащих или же кто из посторонних людей; и как лесничеству Марьинскому приказано от меня строгое наблюдение по запрещению всякой хоты в дачах Марьинских, то по сему предписываю непременно разведать, кто именно в означенное время охотился, и мне о том донести; с виновным же предписываю поступить по всей строгости лесных постановлений по предмету охоты существующим»²⁰.

27 июня того же года:

«Сим предписываю правлению к неременному исполнению,

чтобы оно объявило всем крестьянам Марьинской вотчины и лесникам, что воспрещается им иметь охотничьих собак. А потому дать им срок три недели с тем, чтобы они сбыли собак по их усмотрению, по истечению сих трех недель у кого окажется собака охотничья такую брать и продавать в посторонние места. Копию сего приказываю вообщить Марьинскому лесничеству»²¹.

18 октября управляющий С. Бондюгин указывал таксатору А. Россомагину: «По приказанию Его Сиятельства Князя Павла Васильевича повторяется вам ... повелению Его, что бы не крестьяне ни лесники не имели при себе собак, которых они должны при настоящей бытности Его Сиятельства представить непременно должны охотнику Вендикту»²².

16 декабря таксатору Россомагину приказ уже самого Павла Васильевича:

«Приказом от 27 июня за № 107 от меня было предписано Марьинскому вотчинному правлению, что никто из крестьян и лесников не смел бы держать охотничьих собак. По дошедшим до меня сведениям в теперешний мой приезд, что приказание мое не исполнено, повторяю строжайшее мое приказание, чтобы к 12 часам завтрашнего числа все крестьяне собак своих сбыли. Каждый крестьянин за не исполнение такового моего приказания, которое также было сообщено и лесному начальству, будет штрафован 5 руб. каждый день до тех пор покуда не сбудут собак. О таковой моей воли донести мне, когда последует исполнение»²³.

Таким образом, князю удалось установить свое право на охоту, которая к 1880-м гг. не только по причине удара, нанесенного ей реформой 1861 г., но в связи с приближением города была уже в тех местах невозможна. Потому Павел Павлович Голицын был вынужден довольно долго добираться до псковской земли. Его караван следовал до Гатчины, затем на поезде до станции Новоселье и оттуда оставалось 77 верст до имения Сергея Александровича, охота которого была самой большой среди трех ее участников. Так, в ней находилось 30–40 борзых. Доезжащий или старший выжлятник Иван с четырьмя помощниками вываживал, или дрессировал, гончих собак. Распорядителем охоты, или ловчим, был уже упомянутый Григорий

Пеший. В его подчинении находилось четыре стремянных, то есть людей, водивших барские своры²⁴. Но в 1889 г., когда охотились с 5 сентября по 12 октября, роль стремянных исполняли доктор Густав Генрих Рюккер (1853 – после 1916) и доктор Артур Андреевич Вагнер (1842–?), а также князь Б.Б. Голицын (1862–1916). Последний из упомянутых людей приходился внуком тети Сергея Александровича Екатерины Дмитриевны, урожденной Васильчиковой (1811–1874), а в замужестве Кушелевой²⁵. После ее смерти воспитывался Строгоновыми. Как и Сергей Александрович, был отдан в Морское училище. Здесь, «избалованный своей бабушкой... быстро переменялся и... проявил огромное усердие к наукам»²⁶. В 1880–1882 гг. совершил плавание по Средиземноморью на фрегате «Герцог Эдинбургский». Вернувшись, поступил в Морскую Академию. Вышел в отставку сразу после ее окончания и поступил в Страсбургский университет. В 1891 г. начал преподавательскую деятельность, что было необыкновенным явлением в среде высшей аристократии. Позже прославился как изобретатель сейсмографа. Любил музицировать и даже считал себя гением в этой области. Борис Васильчиков много позже вспоминал: «... и от этой его иллюзии я в своей жизни много пострадал, когда, будучи его соседом по комнате в Вольшове, должен был выслушивать его игру на скрипке»²⁷.

Борис Голицын обладал «огромной охотничью страстью и представляло оригинальное зрелище, когда ученый профессор и академик с юношеским азартом травил зайцев»²⁸.

Итог 1889 г. был таков: Строгонову удалось захватить 131 зайца и 3 лисиц. Общий счет составил 279 зайцев и 9 лисиц.

В 1890 г. Строгоновым для розыгрыша в Коломьягах был учрежден «Вольшовский кубок», который разыгрывался в мае и был российским аналогом самого престижного английского Ватерлооского кубка. Он устраивался ежегодно в феврале, а его цена равнялась 5000 рублям. В розыгрыше участвовало шестьдесят четыре номинатора, выбираемых ежегодно «National coursing club». Каждый из них выставлял только по одной собаке. Собаки, проигравшие первую садку, разыгрывали «Waterloo purse». Для борзых, выбитых на первой пересадке, предназначался «Waterloo plate». Следует пояснить, что розыгрыш приза происходил по олимпийской системе. Собаки, вы-

игравшие первый забег, затем во втором круге встречались друг с другом, и это состязание называлось пересадкой. Обычно бывало четыре-пять пересадок. В России, «Вольшовскому кубку» для борзых всех пород и осеней стоимостью 1500 рублей сопутствовали «Выбитский кубок» (500 рублей), учрежденный князем Б. А. Васильчиковым, и пожертвованный великим князем Николаем Николаевичем «Коломяжский кубок» (350 рублей). Княгиня Ольга Александровна учредила приз для борзых собак всех пород, рожденных в прошлом году. Помимо перечисленных выше весенних призов, в октябре (а позже в августе) разыгрывался Большой приз для псовых борзых собак. Победитель награждался «Великокняжеским кубком» (в честь великого князя), обладатель которого получал почетный ошейник, а также 800 рублей или серебряную вещь. Неудачники боролись за «Мачевариановский кубок» (в память П.М. Мачеварианова, автора классической книги «Записки псового охотника Симбирской губернии», стоимость награды составляла 400 рублей) и «Белкинский кубок» (в память смоленского охотника Ф.М. Белкина – 350 рублей). Графиня Мария Александровна учредила приз для состязания в резвости псовых кобелей, рожденных в прошлом году. Тогда же, в 1890 г., Голицын издал «Журнал охоты», из которого мы можем узнать новые подробности об «осенях Вольшове», где все было устроено для настоящей травли, включая особые охотничьи сундуки на 12 и 24 персоны²⁹.

Так, 7 сентября охота Голицына выступила, а 10 сентября прибыла в строгоновское имение. 11 сентября начались походы «в поля». В них, помимо неперемнной троицы, состоявшей, как уже указывалось, из Голицына, Васильчикова и Сергея Александровича, участвовали: сестра последнего графиня Мария Александровна, владелица имения Князьи Горки, доктора Рюккер и Вагнер, а также командующий собственным его императорского величества конвоем барон Александр Егорович Мейендорф (1848–1907), жена которого Вера Илларионовна, урожденная княжна Васильчикова (1850-е–1924), приходилась двоюродной сестрой Борису Александровичу Васильчикову. Охотились в тот год до 9 октября, а тем временем в сентябре в этот раз по заказу самого Строгонова было заложено довольно большое судно, водоизмещением 1160 тонн, которое, как одна из прежних яхт,

должно было носить название «Заря». На этот раз оно представляло собой паровое трехмачтовое вооруженное марсельной шхунной судно с высоким рангоутом. К тому времени Императорский яхт-клуб имел в своем составе девять судов: яхту «Царевна» государя императора, «Тамару» великого князя Александра Михайловича, «Зину» его императорского высочества князя Евгения Лейхтенбергского, шхуну «Мене» его королевского высочества графа д'Аквила, паровую шхуну «Росс-Вайнанс» господина Уильяма Вайнанса, паровую шхуну «Вел. кн. Мария Павловна» графа Г.Э. Стакельберга, паровой тендер «Ко-и-нор» графа Г.И. Ностица и яхту (плимутский бот) «Креchet» графа Строгонова, который в 1889 г. заменил «Инву», а до того в течение пяти лет выиграл 104 приза общей стоимостью 150 000 франков³⁰. В июле 1890 г. яхта под командованием Линдквиста³¹ прибыла в Петербург из Гельсингфорса. Восьмого числа катались по заливу³². В клуб входили 158 действительных членов, среди постоянных членов был адмирал Н.М. Чихачев, сослуживец Сергея Александровича по русско-турецкой войне и управляющий морским министерством, а командором являлся И.И. Воронцов-Дашков. Как и императорские яхты, в отделке которых в 1869–1873 гг. принимал участие Монигетти, строгиновское судно было роскошно оформлено внутри. В частности, для него в Англии, на фарфоровом заводе Минтона, граф заказал туалетный и умывальный набор, а также обеденный сервиз, включавший в себя, кроме фарфоровой, еще и стеклянную часть, также изготовленную в Англии. На каждом предмете находилась эмблема судна, графская корона, флаг Императорского яхт-клуба (белый с синим прямым крестом и гюйсом в кряже) и ленточка с надписью «Заря»³³. Роскошное судно, которое Строгонов навестил весной 1891 г., манило в новое путешествие. Однако яхте оставлено всего пару строчек в письме, составленном 17 апреля и адресованном его сиятельству князю Павлу Павловичу Голицыну.

Сергей Александрович писал:

«Любезный друг Павлик. Я только третьего дня вернулся из Англии, где пробыл дольше, чем предполагал из-за лошадей, которых долго искал в разных местах. Твои собаки пришли вчера в порядке, но только Хильда страшно жирна. На вопрос мой о числах, на кото-

рые назначены выставка и садки, я получил ответную телеграмму от Вальцова, что выставка начнется 27 апреля (значит в субботу на святой), а садки 14 мая [имеется в виду розыгрыш «Вольшовского кубка» в Коломягах – С.К.]. Я очень рад, что садки не начнутся раньше, так как иначе оставалось бы чересчур мало времени для тренировки.

John [имеется в виду Пейдж, о котором шла речь выше, – С. К.] выехал с лошадьми и собаками вчера вечером и по моим расчетам должен приехать сюда в субботу на этой неделе. Лошади следующие: гнедой ч. кровный жеребец «Cotillon» (by Hagioscope), которого я нашел in Legnton Buzzard, 6 лет; очень хорош собою, скакал недурно, известен как хороший stayer, и, между прочим, выиграл Manchester Cup in a field of sixteen, beating among others such horses as Flayles and Nera d'Or³⁴. Потом я купил 4 кобыл и 2 меренов темно-гнедых для four in hand'a и, наконец, рыжую двухлетнюю кобылку, которую мы видели в Claydon у Hale».

Следует добавить, что в том же году Строгоновым были получены в подарок от одного из шейхов еще два арабских жеребца. Далее в письме граф подробно остановился на поиске достойных собак: «Из Эдинбурга, где я провел два с половиною дня, я поехал в Liverpool, и оттуда в Haydock Park на saplings meeting³⁵. Всех saplings скакало 84, между ними были очень хорошие собаки, и я там купил у г. Graham'a одного черного кобеля (by Mullingar Clipping Machine) и двух черных же сук (by Lance Ferson – Miss Harkness). Они скакали очень хорошо; кобель и одна сука ладные часу looking. Другая же, как я рассмотрел потом, жидковата. Заплатил я за них по J 40, а в Barbican они, вероятно, пошли бы дешевле. 18 февраля был последний sale [продажа – С.К.] в Barbican'e. Собак продавалось очень много, но по большей части дрянь. Из saplings совсем хорош был только один черный кобель by Greentick-Buxton Lass (by M Ferson), которого я и купил за J 50. Была еще маленькая половая сука совсем ладная by Herscher, которая пошла бы за J 12. Я думал было купить ее для тебя, но она чересчур уж мала, не больше Зарницы. За сим продавались еще три second season dogs (т. е. родившиеся в 88 г.): Dr. Dizzy, Dr. Dykes и Duke Drumsoo; все три скакали очень порядочно. Dr. Dizzy выиграл больше других; хороший, ладный кобель, но с распущенны-

ми лапами; он пошел за J 23. Duke Drumsoo пошел всего за J 5, что страшно дешево; однако собака с недостатками, хотя и недурная. Третьего же, т. е. Dr. Dykes я купил за J 50, имея в виду тебя. Он мне понравился, вообще ладами, а, кроме того, своею репутацией that he can stay all day long [своей выносливостью – С. К.]. Посылаю тебе его pedigree, на котором я прописал карандашом разные замечания³⁶. Дело в том, что я вторично ездил в Claydon. Мне не очень понравилось the stay of galloping [скачка - С. К.] тех saplings, которые были куплены на первом аукционе. К сожалению и чубарая сука by Ternes-Wenowek, которая тебе так понравилась, скакала неважно. То же самое нужно сказать про Bogie Man. Конечно, этим ничего не доказывается, тем не менее, можно опасаться, что покупка окажется дорогою, – поэтому я предлагаю тебе следующую комбинацию. Если после тренировки окажется, что Dr. Dykes имеет хорошие шансы выиграть один из кубков, а Bogie man по тщательном осмотре тебе не понравится, то возьми первого вместо второго; если же Bogie man справиться махом, а Dr. Dykes окажется недостаточно резвым, то останется по прежнему. В третьих, наконец, ты, может быть, оставишь за собою обоих. – Во всяком случае, Dr. Dykes хороший кобель как для охоты так и для породы. Всего John везет 6 собак: Short Splice³⁷, Skysail, Screw Steamer, Dr. Dykes, Bogie man и, наконец, **полово [неразб.]** кобеля 5 осеней «Warden» by Mr. Ferson-Mazurka (by Usterton-Dekoration by Farrier), которого я купил за J 2. «Bovril» я уже привез с собою. От Бори [имеется в виду, князь Васильчиков – С.К.], конечно, ни ответа, ни привета, а жаль, потому что я мог бы достать ему хороших собак».

Владельцем Богимена вскоре стал Борис Васильчиков, а Доктор Дайкс достался Павлу Голицыну. Боврил – собака самого Строгонова, упомянутая последней, была самой дорогой, как следует из обзора, подготовленного его сестрой Ольгой для журнала «Охота» (чуть ниже о нем будет рассказано):

«В этом году Его Императорским Высочеством великим князем Николаем Николаевичем выписано из Англии несколько борзых собак, в числе которых есть значительные по крови и по себе. Таков «Трауфенд», подведенный Его Высочеству знаменитым английским охотником полковником Норта, владельцем «Фуллерта», три года

подряд взявшим Ватерлооский кубок. «Трауфенд» тоже взял этот кубок в 1887 году, разделив его с другой собакой. Таков и купленный великим князем у того же Норта «Нидервитен», родной брат по отцу и по матери знаменитому «Фуллертону», только из позднейшего помета. «Нидервитен» заплачен в Англии 300 фунтов, т. е. около 2700 рублей. Он скакал весною на Вольшовский кубок на Коломяжских садках и получил второй приз, оставшись в последней паре тоже с вывезенной из Англии «Шорт-Сплейс», гр. Строгонова, и проиграл ей последнюю садку, хотя по всем данным его можно считать резвейшим из всех английских собак, находящихся в настоящее время в России. Граф Строгонов также привез несколько борзых собак из Англии в свою охоту и между ними превосходного кобеля «Боврилла», бывшего четвертым на Ватерлооском кубке. «Боврил» заплачен в Англии 3000 р. и скакал также весною на Вольшовский кубок, но был, после одной садки, выбит «Нидервитеном». Приобретение этих собак, первоклассных по кровям и блистательно резвых, явление для любителей хороших собак очень приятное. Теперь, по крайней мере, и в России пойдет порода английских собак, по крови и резвости равная лучшим и резвейшим собакам в Англии»³⁸.

Итак, Шорт-Сплейс вскоре после прибытия в Россию выиграла «Вольшовский кубок». Как уже было сказано, всего несколько слов можно найти в письме Строгонова о «Заре»:

«Насколько можно было судить, яхта мне очень понравилась. Я решил сделать столовую так, как ее нарисовал Biddle; ты этот рисунок у него видел».

Очень скоро, в июле, судно было спущено на воду в Leith и заменило в Санкт-Петербургском императорском яхт-клубе «Кречет», который был продан³⁹.

В заключение письма к Голицыну Сергей Александрович писал:

«Увидимся во время выставки, после которой, надеюсь, что ты приедешь в Вольшово посмотреть скачку твоих собак и решить какую куда записать».

К посланию графом была сделана еще приписка:

«Саша и Ольга должны быть в Brindise в Воскресение на Пасху и оттуда, вероятно, приедут дня на два в Вольшово»⁴⁰.

Здесь, разумеется, граф имеет в виду сестру и ее мужа князя

Щербатова. Письмо было отправлено 19 апреля из Вольшово по адресу: «Москва. Большая Никитская. Дом княгини Мещерской».

Путешествие Сергея Александровича на Восток вместе с сестрой и ее мужем, по всей видимости, открыло новую страницу в его жизни. После 1888 г. им был основан конный завод на Кавказе, который был призван поднять национальное коневодство на более высокий уровень. Кроме того, Строгонов регулярно приезжал в Вольшово, где основательно реформировал доставшуюся ему от предков псовую охоту, соперничавшую по своим масштабам с императорской охотой в Гатчине и охотой великого князя Николая Николаевича в селе Першине под Тулой. Следует заметить, что под воздействием отца охотой заразились не только граф, но и его сестры. Наконец, осенью 1890 г. для него была заложена исключительная по своим ходовым достоинствам и художественной отделке яхта «Заря», самое совершенное судно во владении Строгонова, который до того имел их четыре – «Чайку» (1874–1875), «Зарю» (1876–1881), «Инву» (1882–1888) и «Кречет» (1889–1891)⁴¹. Все три увлечения графа, которые, на первый взгляд, кажутся случайными, на самом деле были взаимосвязаны. В центре его интересов находилась борзая собака, ради успешной охоты с которой он стал заниматься улучшением кабардинской породы лошадей. Яхты позволяли ему совершать круизы на Аравийский полуостров для доставки на Кавказ арабских скакунов-производителей. Вся эта «система» достигла совершенства в 1891 г., когда уже работал Садочный двор в Коломягах – том самом месте, где семьдесят лет назад А.П. Строгонов готовил себя к ратному делу.

«Порядочных собак очень мало»

Журнал «Охота». Путешествие в Вест-Индию. Аукционы борзых. Первые успехи Змеевки и Садочный календарь Ольги Александровны.

Обладание большими средствами позволяет не только составить коллекцию старинных картин, но и иметь порядочных собак. 19 мая 1891 г. комитет ОППДС, на заседании которого, без сомнения, присутствовал граф Строгонов, принял решение: издавать журнал под

названием «Охота» («Всеобщее охотничье обозрение», как было сказано в подзаголовке). Этот журнал конкурировал с журналом «Природа и охота», органом Императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты. Согласно опубликованной во втором номере программе, в нем предполагалось печатать постановления Правительства и Общества, общее обозрение по охоте, а также иметь следующие разделы: «псовая охота», «ружейная охота», «охотничья лошадь», «коневодство», «скачки и бега», «гребля и парус», «рыболовство и рыбные промыслы», «разведение дичи», «хроника и смесь», «вопросы и ответы». Кроме того, планировалось печатать популярные сведения по ветеринарии и медицине, а также частные объявления (с четырнадцатого номера появился раздел о велосипедном спорте). В качестве приложения было намечено издать родословную книгу охотничьих собак.

Первый номер журнала, обозначая начало охотничьего сезона, вышел 1 сентября 1891 г. Он был напечатан на шестнадцати страницах газетной бумаги большого формата и далее выходил два раза в месяц. Открывалось издание большой программной статьей, в которой говорилось:

«Все охотники согласны в своем воззрении на охоту, как на благородное удовольствие, развивающее и упражняющее и физические способности человека, и прекрасные духовные качества: смелость и энергию. Но самое отношение к охоте у русских охотников различное. Благодаря природным богатствам нашей обширной родины, есть очень много охотников, которые называют охотой только преследование зверя и птицы в их природных, диких убежищах и которым кажется странным охотиться в местах, где дичь оберегается. Они как будто предпочитают быть только хищниками, врывающимися в нетронутые уголки природы, предпочитают производить только опустошения, предоставляя самой природе пополнить то, что ими уничтожено. Конечно, есть своеобразная прелесть в охоте в диких местностях, где, для успеха, охотнику надо проявить много физической энергии, надо хорошее знание – где и когда разыскать какую дичь и как ее добыть в ее труднодостижимых тайниках. Но жизнь на земле движется безостановочно вперед, население земного шара увеличи-

вается, а с этим вместе исчезают и дикие привольные места, всюду заходит нога охотника, все менее и менее остается таких мест, где дичь могла бы выводиться без помехи и пополнять ту убыль, которую наносит ей человек и другие хищники, являющиеся зачастую спутниками человека и опасными для него соперниками по истреблению дичи. Если бы держаться взгляда этих охотников, то пришлось бы признать, что с успехами культуры охота должна все более и более падать и, наконец, уничтожиться. Но нелегко переделать природу человеческую и, среди культурного населения, человек, рожденный от природы с охотничьей страстью в душе, конечно, будет отыскивать все способы удовлетворить свою страсть. Как бы ни была высока культура страны, все таки найдутся такие местности, где разнообразная дичь может жить и плодиться только под условием правильной на нее охоты и оберегания ее от хищнического истребления. К счастью для охоты и для всех истинных охотников сознание, что надо беречь естественные богатства страны, что надо охотиться правильно, что интересно не хищниками ворваться в природу, а долгим и упорным трудом готовить себе поле, где взять дичь блистательно и столько, сколько можно не нанося ущерба охотничьему хозяйству, сознание всего этого явилось у многих охотников и нашло себе поддержку и в Правительстве. Новый ожидаемый закон об охоте построен на принципе оберегания дичи от хищнического истребления.⁴² Устройство многочисленных охотничьих обществ в больших населенных центрах, обилие дичи и прекрасные результаты охоты, именно около этих центров, зависящие от правильного отношения к охоте, указывают, что все большее и большее число охотников вступают на совершенно правильный путь и притом единственно возможный для всех, кто смотрит на охоту не как на минутную прихоть, а как на серьезное дело, украшающее жизнь счастливых избранников природы, потому что искусственным охотником сделаться нельзя, надо им родиться. Богатая западная охотничья литература и умение наших западных соседей, не смотря на высшую культуру их стран, сохранить громадное количество дичи в их охотничьих угодьях и поддержать породы охотничьих собак, которым и наши охотники, растеряв почти все русские породы, отдают должную дань уважения,

доказывают, что залог успеха – всестороннее изучение охотничьего дела и постоянный труд и заботы о сохранении дичи.

Выступая в свет с изданием охотничьего органа, Общество поощрения полевых достоинств охотничьих собак и желает принести свою посильную помощь всем охотникам, разделяющим его взгляд на правильную охотничью деятельность и ставит себе целью, по мере возможности, ознакомить охотников с современным положением охотничьего дела в России и с теми мерами и способами, благодаря которым и охота и превосходные породы охотничьих собак могут быть сохранены для нас и для наших потомков. Хорошо ли исполнит наш охотничий орган взятую задачу покажет близкое будущее. Объяснив наши стремления и нашу цель, положим для достижения ее все наши силы и будем терпеливо ждать беспристрастной оценки истинных охотников».

Непосредственно за этим манифестом в разделе псовая охота была помещена статья С.А. Строгонова «Об английских борзых собаках». В ней граф поведал, что в Англии не охотятся с борзыми, а держат их исключительно для призовых садок. Они устраивались еще во времена короля Карла I, то есть в XVII столетии. Ныне существующие правила их проведения окончательно утверждены в начале XIX века. Кроме того, в статье говорилось о том, что вследствие различия мест охоты собаки, которых в России того времени было принято называть английскими или английскими борзыми, а в настоящее время грейхаундами или просто греями, отличались. Самыми резвыми и породистыми были ньюмаркетские борзые (newmarket variety of greyhounds). Кроме них, различали вилтширских, ланкаширских, йоркширских и шотландских (the smooth scotch greyhound) собак.

Вторая, и последняя, статья Сергея Александровича для «Охоты», подписанная на этот раз «гр. С.», называлась «Родословные лучших производителей английских собак» и по своей сути была предисловием к публикации в нескольких номерах родословных. Они были переведены из английской «Great Stood-book», где помещались, помимо описания выдающихся собак и призовых садок. Целью работы графа было убедить читателей в том, что «превосходная резвость английских собак объясняется главным образом тою тщательностью, с которою англичане вели породы своих собак, скрещивани-

ем наиболее резвых кровей и заботливым выращиванием щенков»⁴³.

Осенью, по уже сложившейся традиции, Строгонов отправился в Воышово. Охота Голицына совершила свой марш туда с 10 по 13 сентября. В путь отправились 31 собака, 8 лошадей, 4 охотника и 3 конюха. Васильчиков на этот раз не прибыл. Зато в поля ходили М.В. Бардинцев, секретарь графа, помещики: П.А. Корсаков, А.П. и Р.П. Балавенские.

Один из братьев, Ростислав Петрович Балавенский, «в Порховском уезде ... была личность очень известная и влиятельная; он слыл богачом, скрягой и даже кулаком, но надо признаться, что в наши времена для дворянина почиталось нормальным жить выше своих средств и иметь долги, и если у кого имение не было заложено, не было долгов, да еще, пожалуй, имелся в Государственном банке кой-какой капитал, то такой дворянин почитался исключением и об нем отзывались со смешанным чувством удивления и некоторой укоризны»⁴⁴.

Следует отметить, что охота, бесспорно, была одним из средств разорения и важнейшим элементом барства, склонность к которому аристократии и дворянства все более и более угрожала самому существованию Российской империи.

Холода в 1891 г. наступили необыкновенно рано и, начав сезон 15-го, завершили его охотники в Воышове уже 24-го. Тем не менее, журнал «Охота» сообщал:

«Охотой гр. С.А. Строгонова в сентябре месяце взято 120 русаков. На волков не охотились, лисиц не было, погода во все время была теплая, сухая»⁴⁵.

Независимо от этого, собаки графа участвовали в состязаниях в Англии⁴⁶.

На розыгрыше «Великокняжеского кубка» в октябре Крылатка III Строгонова заняла второе место.

На заседании Комитета ОППДС 26 ноября было решено, что «на будущее время на приз, который дается от Общества для английских борзых собак по первой осени, могут быть записаны только собаки, рожденные и воспитанные в России».

В конце года граф решил испытать новую яхту, отправившись на ней в экзотическое путешествие. Увлечение культурой древних ци-

визаций было модным во второй половине XIX века. Граф Сергей Григорьевич успел откликнуться на новые идеи. Историк и философ Б.Н. Чичерин вспоминал: «Уже восьмидесятилетним стариком он вдруг с любовью занялся собиранием мексиканских древностей. Показывая мне свое собрание, он спросил меня, не знаю ли я какого-нибудь сочинения о Мексике»⁴⁷.

Великий князь Николай Александрович, будущий император, осенью 1890 – весной 1891 гг. на предоставленном отцом крейсере «Память Азова» совершил познавательное путешествие по маршруту Греция – Египет – Индия – Цейлон – Сингапур – Ява – Китай – Япония. Трюмы и каюты корабля были заполнены целым зверинцем. В нем были слоны, обезьяны и птицы.

Экипаж яхты Строгонова состоял из тридцати одного матроса, шести машинистов, тринадцати кочегаров, пяти человек прислуги. Старшим офицером был М.К. Линдквист, шкипер дальнего плавания, старшим механиком – Р.Ф. Ньюман. На борту также находился врач Г.Г. Рюккер, М.В. Бардинцев, неизвестный фотограф, который сделал почти сорок снимков⁴⁸, а также в качестве пассажиров князь П. П. Голицын и его жена, которая в одном письме в виде дневника изложила все впечатления о путешествии. По ее мнению, «"Заря" – идеально красивая яхта по своим очертаниям и всегда выделяется как лебедь среди гусей рядом с другими судами». 5 января 1892 г. Анна Николаевна Голицына записала:

«Мы здесь на несколько дней перед отплытием для того, чтобы окончательно устроиться на яхте. ... Теперь яхта гораздо благоустроеннее и все каюты приняли приличный вид. Гостиная очень украсилась картинками, которые состоят почти исключительно из морских видов, из них 3 Айвазовского, и затем два акварельных вида Воышово – Вилье»⁴⁹.

30 января к Мадере, 3 марта Барбадос. По дороге бросали в море бутылки с шестью пенсами и запиской, призывающей переслать их в Петербург. При этом граф Строгонов обещал «I promise a reward of 15 to the sender». 7 марта прибыли к Тринидаду.

«Знаете, у меня просто руки опускаются при одной мысли, что надо описать то, что мы видим! До того великолепно здешняя приро-

да, что она не поддается никаким описаниям. Я даже во сне не видела чего-нибудь более чудесного. Правда, говорят, что Тринидад перл всей Вест-Индии. Нам очень понравился Барбадос своей свежей зеленью и своей живописностью. Французское слово «*glauc*» вполне характеризует этот островок, а здесь это целое откровение. . . . Здесь все решительно соединяется в одном гармоничном целом. Здесь и горы (не очень высокие), укутанные в зелень, и холмы, и что-то напоминающее самые красивые места России. Это наша природа, преобразованная как она могла быть на том свете. Ничего нет выгоревшего солнечным зноем, нет этой сухой огненности, которая вообще вас поражает в жарких климатах. Ничего нет шаблонного и чопорного, а перед вами природа, как она есть, как Бог ее создал, потому что силой своей она оказалась могучее человека, и он еще не успел ее изуродовать»⁵⁰.

Далее направились к Панаме, «куда пришли нарочно, чтобы осмотреть начатый канал, который очень интересовал Сережу».

Пасху, которая прилась уже на апрель, праздновали на Ямайке. Там в ботаническом саду «Сережа» купил большую коллекцию «молодых кротон»». 19 апреля подошли к Гаване, где «Сережу» увлекли петушиные бои. Отправились домой, а Новый Орлеан, который не был достигнут и в 1876 г., «окончательно похерили».

Тем временем прошли английский и российский Waterloo cup. На острове победил Фуллертон полковника Нортон. Его же Симониан, родившийся в 1889 г., родной брат и по отцу и по матери Фуллертона, забрал Waterloo plate. Стэди-Смокер Сергея Александровича проиграла на первой садке. Предвкушая коломьяжские бега, 1 апреля «Охота» сообщила, что для собак князя Васильчиков и княгини Щербатовой прибыли английские тренеры, великий князь приобрел Симониана. Таким образом, в борьбе за «Вольшовский кубок» 1892 г. сошлись собаки лучших кровей из Англии с собаками, рожденными в России от выводных и приготовленных английскими тренерами. 1 мая тот же журнал писал: «На Коломьяжском садочном поле начались уже пробы собак по зайцам. Этою зимою были привезены очень хорошие зайцы и в настоящее время бегут отлично. Надо надеяться, что и на садках они побегут хорошо, так как самое трудное время для

зайцев садочного двора – ростепель – прошло, почва обсохла, и корму вволю»⁵¹.

Кубок, разыгрывавшийся 15–17 мая, выиграл Симониан. Вскоре оказалось, что прославленный чемпион Фуллертон не годен для продолжения рода, и таким образом самый ценный производитель оказался в России. Посыпавшиеся из Англии просьбы на его приобретение были великим князем отклонены.

Строгонов 5 мая был еще на Бермудах. 24 мая «Заря» подошла к Портсмуту. 6 июня путешественники прибыли в Петербург. «Охота» проинформировала об этом своих читателей, которым было обещан рассказ о плавании. Однако дело ограничилось следующей заметкой:

«Зоологическим садом сделано очень хорошее приобретение. Князь Павел Павлович Голицын, путешествовавший вместе с графом Строгановым по Южной Америке и Вест-Индии, на днях возвратился на яхте «Заря» в Петербург и привез в дар Зоологическому саду весьма редкий экземпляр грызуна Пака (*coelogenys* раса) с острова Тринидад Вест-Индского архипелага. После водяной свиньи, Пака один из крупнейших грызунов, водится в Южной Америке и на некоторых островах Вест-Индского архипелага. Пака живут парами и одиночками, отличаясь этим от водяной свиньи, живущей стадами. Туземцы охотятся на Пака ради его очень вкусного мяса; спасаясь от преследователей, Пака иногда переплывает самые широкие реки. В европейских зоологических садах Пака является редкостью. К сожалению, Пака, как ночное животное, большую часть дня проводит во сне»⁵².

Как и следовало ожидать, осенью Строгонов вернулся к охоте. В тот год начали с Выбити, куда путь из Марьино был короче, а, кроме того, в поместье Васильчикова можно было пойти на волков. Уже 31 августа Голицын со своими собаками оказался на месте. Вскоре приехали Сергей Александрович и Мария Александровна. 11 сентября вместе с охотой Васильчикова все отбыли в Вольшово, где пробыли до 9 октября. Журнал «Охота» сообщал: «Охотами гр. Строгонова, кн. Васильчикова и кн. П.П. Голицына, ездившими вместе, затравлено 149 зайцев и 12 лисиц. По волкам не ездили, приберегая выводки для зимней травли»⁵³.

После окончания сезона 23 октября состоялся аукцион борзых собак. Он состоялся в манеже Николаевского дворца. Участвовали собаки его императорского высочества великого князя Николая Николаевича, князя Б.А. Васильчикова, светлейшего князя Д.Б. Голицына, П.Ф. Дурасова, А.М. Сорохтина. Каждый из них выставил по 2–3 собаки. Семь были представлены от графа С.А. Строганова, который в отличие от других владельцев, весьма подробно описал их в особой программе: «1. Ройаль (Royal Blood), англ. красная с лазуриной сука. Род. в Англии в 1886 г. Отец ее Royal Stag (Ptarmigan-Raby Lass) выиграл много призов; между прочим приз Kempton Park, где побил знаменитых Alec Holliday и Waterford. Мать ее известная Naomi от Misterton и Coomassie (оба выиграла Waterloo cup). Ройаль в Англии выигрывала». *Купил Васильчиков за 125 рублей.*

«2. Суксес (Speedy Success), англ. чернопегий коб. Род. в Англии в 1890 г., от известного Huic Halloa сына Jester'a. Мать его Saturday Morning (Domino-Crown Jeroel)». *Купил принц Ольденбургский за 151 рубль.*

«3. Фензи, англ. красная с мазуриной сука. Род. в Вольшово в 1891 г. от Райфла II (Сердечный-Минни 2-й) и Ронал». *Осталась не продана.*

«4. Джесси, чуб [арая] англ. ск. Род. в 89 г., от Greentick и Hark, однопометница Дарки». *Г. Кристи купил за 200 рублей.*

«5. Лясси (Skilful-Lass), англ. чубарая сука. Род. в Англии в 1890 г. Отец ее Terms, брат известного Towned от Greentick и Tonic. Мать ее Wenonah III однопометница знаменитой Happy Rondelle от Macpherson и Rota». *П. П. Голицын купил за 300 рублей.*

«6. Дарки (Storm Staysail), английск. черный коб. Род. в Англии в 1889 г. от Greentick и Hark. Он однопометник известной Шорт-Сплайс, выигравшей Вольшовский кубок в 1891 г. Выиграл в этом году приз для всех пород». *Васильчиков приобрел за 400 рублей.*

«7. Удар. Хортый половый кобель. Род. в 1892 г. от псового кобеля Славного (однопометник Грозы V) и англ. суки Ройаль». *За 25 рублей купил некто Спассович⁵⁴.*

Это был самый успешный аукцион из тех, что имели место в столице. Первое такое предприятие имело место в Петербурге весной 1891 г. там же в манеже Николаевского дворца. Самый первый опыт в России был «сделан несколько лет тому назад в Москве во время охотничьей выставки. И первый и второй опыты были неудачны: и в Москве и в Петербурге охотников покупать собак не явилось, и шли собаки до комизма дешево. Так, например, хорошие молодые хортые собаки из охоты гр. Строгонова были куплены одна за семь, другая за восемь рублей»⁵⁵.

В 1894 г. аналогичный аукцион состоялся 19 августа, в доме 19 по Невскому проспекту⁵⁶. «Вольшовская охота графа Строгонова» выставила восемь английских собак, две псовых и пять хортовых. Участвовали также собаки княгини Ольги Александровны Щербатовой, А.К. Болдырева, владельца имения «Воронцовка» в Тамбовской губернии, П.Ф. Дурасова, светлейшего князя Д. Б. Голицына и великого князя Николая Николаевича⁵⁷.

Вольшовский кубок 1893 г. выиграл Богимен, привезенный двумя годами ранее Строгоновым из Англии. После этого граф решил изменить правила разыгрывания этого приза. Отныне он предназначался только для собак, родившихся в России⁵⁸.

12 февраля 1893 г. Строгонов писал из своего имения:

«Любезный Павлик, по возвращении в третьего дни вечером в Вольшово я был удивлен и рассержен, узнав, что не могли повязать Злорада с Касаткою и что, таким образом, она осталась невязанною.

Гриша мне телеграфировал, что Злорад не вяжется. На что я ему отвечал, что «Злорад должен повязаться». Вина, таким образом, отчасти моя, отчасти его, ибо ему следовало бы спросить тебя, что в таком случае с сукою делать. – Что я был прав, тому доказательство, что вчера при мне Злорад хорошо повязался с Победкою, что от Наина и Лебедки, которую подарил мне Боря.

ребра, обещающая отличное дыхание. Если и далее арабо-кабардинцы будут развиваться в том же направлении, то графа Строгонова остается лишь поздравить с успехом его предприятия, так как он более чем кто-либо может дешево продавать продукты своего завода. Что дело ведется серьезно, на это указывает решение не продавать лошадей ранее получения второго поколения арабо кабардинцев в видах выработки постоянного типа ... Содержание лошадей не оставляет желать ничего лучшего. Все кровные арабы и их приплод, а также избранный приплод арабо-кабардинцев помещаются в просторных денниках 5 аршин длины, 4 ½ ширины в светлых теплых лимпочевых конюшнях, крытых черепицей. Чистота везде образцовая, против каждых двух денников дверь, так что в случае пожара лошади при обилии прислуги могут быть выведены почти моментально. Кабардинские матки и их приплод находятся в обширном каменном загоне, под черепичной крышей, разделенном на несколько частей.

Заводу, очевидно, предстоит успех, так как уже теперь от кабардинских конно-заводчиков постоянно поступают запросы, нет ли лошадей для продажи»⁶¹.

В это время Ольга Александровна решила подвести некоторые итоги работы своей собственной и брата. О ее деятельности в 1893 г. свидетельствуют два письма князю Павлу Голицыну. 1 декабря она писала: «Милый Павлик, благодарю за обещанные pedigree. У меня работа идет успешно, кончаю 1891 год сполна и надеюсь к январю совсем кончить. Твои сведения будут очень интересны, только не забудь при алфавитном списке скакавших собак, кроме имен владельцев поставить также и клички отцов и матерей собак, как это делалось в прежних томах «Coursing calendar»;⁶² для нас оно тем более необходимо, что имена борзых повторяются по несколько раз. Если тебе понадобится, могу прислать выписки из садовых книг за 1889, 90, 91 года записанных собак, так как за эти года в программах не означены породы собак. Напиши прислать или нет. Затем я думала приложить к календарю сведения об аукционах и частных продажах, и покупках собак, как это сделано в «Coursing calendar». Если ты и это возьмешь на себя, то много облегчишь мне работу. Ты найдешь все сведения об этом в «Охоте» (нашего общ.⁶³), начиная с сентября

1891 г. Можешь ли ты прислать мне тоже родосл. Hark, матери Short Splice и собак выигравших 1-ый и 2-ые призы на Кубки 1893 года.

Охотились мы в нынешнюю осень очень плохо, благодаря полному отсутствию зверя, поэтому судить о молодых собаках было очень трудно, впрочем, к сожалению, мне кажется, что ничего особенно хорошего нет у нас. Одной собакой я осталась очень довольна, а именно Hobart Town. Несмотря на его осенистость, он скакал очень хорошо, и в особенности он ловок на угонках до нельзя, к тому же помист. Судя по его скачке, я убедилась, что он действительно перво-классной резвости (в сравнении даже с собаками в Англии), что подтверждает мнение Сережи о нем. Я намерена взять породу от него и лучших своих сук⁶⁴.

В Англии дела идут неуспешно, Мюзик скакала плохо, что объясняется тем, что она пришла вскоре после в отсаду; от нее будет взята порода от Herschel. Я купила суку Total, которую я впрочем, тебе продаю, так как на днях я приобрела ее сестру известную Threat, от которой взята порода с Restorer. Мне предлагали купить тоже Fescure (сестру Threat), но теперь с меня будет сук. Я продаю здесь суку от Greentick & Modeleni, от которой мною взято два помета, очень удачных (ей 5ая осень); сука очень хороша, но мне нужна свежая кровь без примесей Misterton, потому приходится ее сбыть. Не найдешь ли мне покупателя, цена 200 руб., она сестра Lectierer, Coca Waler, Mespillees и др. Нынешнее щенки от Mulleigar & Gipsy и Burnaky & Gedely очень хороши и, надеюсь, будут резвы»⁶⁵.

Спустя всего три недели, 27 декабря, княгиня вновь тревожила своего сотрудника новым посланием: «Милый Павлик, еще поручение для садового календаря, достань от Мерценфельдта, пожалуйста [так в тексте – С. К.], список всех членов нашего общества к янв. 1894 г. Затем, пришли номинаторов Вольшовского кубка на 1894 г. Для удобства владельцев борзых, я думаю, было бы хорошо поместить как в «Coursing Calendar», в виде объявлений, список публичных производителей, поэтому потрудись узнать от Бори, не поместит ли он объявление (конечно бесплатно) о Happy Augury и может быть о псовых кобелях, также у Вальцова Srouyhend. Если они пожелают, то пускай пришлют короткую заметку о кобелях, как всегда водится,

с мастью, годом рождения, родословной, адресом, кому обратиться и платно или бесплатно. Я напишу о том же Сереже, да ты, кстати, напиши также Димке Голицыну. Ты просил работы, потому не пеняй на меня, если я тебя заваливаю поручениями. А затем очень прошу тебя поспешить присылкою всех твоих работ по садовому календарю, так как у меня вскоре все будет готово, и я хочу начать печатать в первых числах января»⁶⁶.

Свое обещание княгиня исполнила, и в 1894 г. в Москве была издана книга с длинным названием «Садочный календарь за 1884–1893 года с отчетами всех публичных садов борзых в России, а также со списком собак, выигравших Вольтшувский кубок, великокняжеский приз и др.; садочные правила и продажи борзых. Издание О.А. Щербатовой и П.П. Голицына». За десять лет собаки Сергея Александровича завоевали в России 33 приза на 4859 рублей 25 копеек, превзойдя по количеству наград даже охоту великого князя, которая получила только 30 призов, правда они были более ценными (их стоимость составила 6196 рублей). Третье место принадлежало князю Борису Васильчикову – 25 призов на 4477 рублей и 88 копеек. Четвертое – досталось самой княгине Щербатовой (соответственно – 19 и 2726 рублей 87 копеек). Только после нее, на пятом и шестом, находились Голицыны. Светлейший князь Дмитрий Борисович получил пятнадцать наград (2549 рублей), а князь Павел Павлович – четырнадцать (1926). Таким образом, Ольга Александровна, которая ранее деятельно участвовала в подготовке «Охоты»⁶⁷, и после прекращения выхода журнала продолжала заниматься делами Общества, в жизни которого наступал новый этап.

Осенью 1894 г. на охоту в Вольтшово вместе с Голицыным прибыл Н.А. Болдырев с двумя сворами. В выездах участвовали также Васильчиков, Мария Александровна, Б.Б. Голицын, доктор Рюкер. 15 сентября князю П.П. Голицыну было выдано на особом бланке «Свидетельство из Вольтшувской псовой охоты Графа С.А. Строгонова». В него было вписано семь щенков псовой борзой, родившихся 10 марта того же года от Утешая III и Отрады. Позже состоялась и зимняя охота. Упомянутый выше Болдырев в письме, адресованном П.П. Голицыну 6 марта 1895 г. писал:

«Частенько, и всегда с особенным удовольствием вспоминаю в нашем очаровательном житье-бытье в Вольтшове, в идеально-милом [неразб.] дорогих там сожителей»⁶⁸.

В конце он добавил: «По письмам Пешого, радуюсь, что зимняя охота в Вольтшове и окрестностях, на волков и лисиц, была чрезвычайно успешна и добычлива. Результаты великолепные. На чужой и далекой стороне, милейшему гр. Сергею Александровичу отрадно будет узнать о них из донесений Гриши, что мне очень приятно»⁶⁹.

В это время Строгонов вновь посещал Восток и приобрел в Дамаске и в его окрестностях трех арабских кобыл. Однако осенью на травлю зайцев «троица» собралась вновь в Выбити. Начиная с 6 сентября, вместе с ней в поля ездили Мария Александровна, доктора Рюккер и Вагнер, а также Н.А. Мосолов и А.С. Хренов. 1 октября перебрались в Вольтшово, где оставались до 17 числа. Вероятно, это была предпоследняя охота графа Строгонова, который весной того же года получил предпоследний кубок⁷⁰.

Дом, решенный в духе господствовавшей в середине XIX века эклектики, действительно великолепен. Фасад, обращенный к реке, имеет неоклассические портики. Другой, смотрящий на двор, решен в стиле французского барокко с высокой мансардой. В этом же духе построены еще три здания парадного двора: кухня, дом управляющего и так называемый домик графини, принадлежавшей Марии Александровне.

В 1896 г. Павел Голицын прибыл в Выбити, где его уже не встретил Сергей Александрович. В 1897 г. охота не удалась совсем⁷¹. Тихое правление императора Александра III уже закончилось...

Таким образом, на рубеже 1890–1890-х гг. граф Строгонов, а также его сестра Ольга Александровна, в полной мере реализовали свою родившуюся в Вольтшове охотничью страсть, добившись, благодаря владению значительным капиталом, выдающихся результатов. В тот период Сергей Александрович прочно занимал второе место в России по размаху и организации своей охоты, уступая только великому князю Николаю Николаевичу. Впрочем, находиться в тени представителя правящей династии не было большим грехом. Граф хотел, ос-

воив достижения англичан, добиться подъема барской охоты в России, которая едва не исчезла вовсе после отмены крепостного права. Рассматривая биографию Строгонова в целом, следует отметить следующее: нет никаких оснований полагать, что трагическая смерть жены каким-то образом изменила его жизнь. И до нее он основательно увлекался псовой охотой. Пик увлечения выпал на 1889–1895 гг., которые Сергей Александрович определенно провел на родине, хотя и отъезжал на некоторое время за границу, чаще всего в Англию, где пересекались его интересы, связанные с яхтами, лошадьми и собаками.

ПРИМЕЧАНИЯ

*Данный текст следует рассматривать, с одной стороны, как продолжение рассказа о жизни указанных представителей аристократической семьи (начало можно найти в Краеведческих чтениях «Порхов-Холомки», изданных в 2002–2003 гг., а также в этом сборнике), с другой стороны, читатель найдет здесь более углубленное исследование биографий Строгоновых, а потому некоторые известные ранее факты повторены и иногда переосмыслены.

1. A Pilgrimage to Nejd by Lady Anne Blunt. 2 vols. Published by John Murray.
2. РИГА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 1436.
3. РГИА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 182.
4. Судя по сохранившимся программам скачек, 19 июля в скачках участвовал принадлежавший Строгонову рыжий жеребец «Редровер», а 22 и 26 июля – его кобыла Картечь. РГИА. Ф. 927. Оп. 1. Д. 2528. Л. 1–2.
5. РГИА. Ф. 519. Д. 275. Л. 1–1об.
6. Там же. Л. 4–5.
7. Устав Общества поощрения полевых достоинств охотничьих собак. СПб., 1889. Также опубликован в пятом номере журнала «Охота», издаваемого Обществом. Об издании будет рассказано в следующей главе.
8. По своим психофизическим данным великий князь был похож на псовую борзую. В Сергее Александровиче можно найти сходство с хортой борзой. На фотопортрете, сделанном знаменитым С. Левицким (в собрании Н.Н. Масленниковой), граф стоит перед вольшовским домом в окружении собак именно этой породы.
9. То есть охота, в составе которой находились как борзые, так и гончие собаки.
10. Вальцов Д. П. Псовая охота Его Императорского Высочества вел. кн. Николая Николаевича в с. Першине, Тульской губернии. 1887–1912. СПб., 1913.
11. Угонка отличается от повиха тем, что при угонке собака заставляет зайца свернуть в сторону под углом не менее прямого или отсесть, при повихе же на угол менее прямого. Правила соревнований опубликованы во втором номере журнала «Охота» за 1891 г.

12. Мерценфельдт А. Садочный двор в Коломьягах // Охота. 1891. № 3. С. 3–7. Нужно также иметь ввиду статью С.В. Озерова «Значение садок для собаководства» // Охота. 1891. № 1. С. 4–6 и № 10. С. 4.

13. Отсчет жизни собак велся по осени, поскольку именно на нее выпадал охотничий сезон, причем за точку отсчета бралась вторая осень собаки.

14. Хортые или гладкошерстные борзые собаки были выведены в России путем скрещивания грейхаундов с псовой борзой.

15. РГИА. Ф. 927. Оп. 1. Д. 2532. Л. 23.

16. Так называлось предприятие, в котором принимали участие несколько владельцев собак.

17. Полторацкий В. А. Воспоминания отжившего охотника // Приложение к первому номеру журнала «Охота» за 1893 г. С. 12. Князь Борис Александрович Васильчиков вспоминал, что его прадед Василий Алексеевич «съезжался для охоты с [Алексеем Марковичем] Полторацким, имение которого отстояло от Выбиты на несколько сот верст». – Васильчиков В. Воспоминания. Сост., пред., прим. Г. И. Васильчикова. М., – Псков, 2003. С. 58.

18. РГИА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 346.

19. «Марьино» было устроено графиней С.В. Строгоновой (1775–1845). Ею был учрежден «Марьинский майорат», который состоял из земель имения, а также строгиновских имений в Лужском уезде Петербургской губернии и Волоколамской уезде Московской губернии. Первым во владение вступил ее внук Павел Васильевич (1822–1871), сын второй дочери Аглаиды Павловны. После 1871 г. майоратом до совершеннолетия детей управляли опекуны – Екатерина Никитична, урожденная Трубецкая, и ее брат Эммануил. С наступлением совершеннолетия управлять стал Павел Павлович (1856–1914), о котором и идет речь. Он служил в Кавалергардском полку и участвовал в войне 1877–1878 гг. Был членом Государственного совета (с 1906 г.) и егермейстером двора (1912). В Петербурге Голицыны жили по адресу: Моховая улица, дом 6. С 1887 г. Павел Павлович был женат на княжне Александре Николаевне Мещерской (1864–1941), которая после 1914 г., вместе с братом мужа Петром Павловичем (1868–1930) считалась владелицей Марьинского майората.

20. РГИА. Ф. 927. Оп. 1. Д. 1433. Л. 20.

21. Там же. Л. 31.

22. Там же. Л. 44.

23. Там же. Л. 51.

24. Для сравнения: псовая часть Императорской охоты, обладавшая 62 борзыми, в это время состояла из Государева стремянного и тринадцати стремянных, старшего доезжачего и трех доезжачих, а также восьми выжлятников.

25. Григорий Григорьевич Кушелев (1802–1855), внук А.А. Кушелева-Безбородко, и Екатерина Дмитриевна воспитали подкинутую им девочку Марию (Богданову, 1841–1880), которая была выдана за князя Голицына, во втором браке – маркиза Инконтри.

26. Васильчиков Б. Указ. соч. С. 70.
27. Там же. Сын Ольги Александровны князь Г.А. Щербатов, фрагмент воспоминаний которого приведен в приложении, писал, что Б.Б. Голицын был хорошим пианистом.
28. Васильчиков Б. Указ. соч. С. 71.
29. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Ч. II. Д. 2683.
30. По сообщению журнала «Охота». 1892. №18. 15 мая. С. 14.
31. Экипаж состоял из боцмана, девяти матросов и двух механиков.
32. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3152.
33. Носович Т.Н. Некоторые сведения о Санкт-Петербургских яхт-клубах начала XX века и атрибуция предметов одной из частных яхт // Русские императорские яхты. Конец XVIII – начало XX века. СПб., 1997. С.49-52. Некоторые предметы яхты находятся в Государственном музее-заповеднике «Петергоф», куда поступили в 1990 и 1993 гг. Воспроизведены в указанной выше книге под № 342–346.
34. Победивший среди прочих таких лошадей как Трейлес и Нера д'Ор. В 1891–1892 гг. в «Охоте» публиковались следующие объявления о «чистокровном английском выводном заводском жеребце Котильоне (Cotillon), принадлежавшем графу Строгонову». Оба года допускалась случка ограниченного числа посторонних кобыл с платою 100 р. за чистокровную и 50 р. за полнокровную кобылу. В объявлении рассказывалось: «Котильон, гнедой масти, род. в Англии в 1885 г. Отец его Hagioscope выиграл Manchester cup (скакало 16 лошадей). Среди скакавших Millstream, Frayles, Rfve d'Or». Далее говорилось, что стоимость пребывания кобылы в заводских конюшнях составляла 1 рубль в день, и обращаться следовало в Вольшово, расстояние до которого по большой почтовой дороге от станции Новоселье составляет 77 верст, к Ивану Яковлевичу Пейджу.
35. В Англии до 1 сентября того года, когда они родились, борзых собак было принято называть вельп. Затем до следующего 1 сентября к ним применялось слово сэплинг (sapling). Наконец, с 1 сентября второго года жизни до ближайшей весны их называли пуппи, что соответствовало первой осени наших собак. Таким образом, собака первого сезона в Англии считалась в России собакой второй осени. Sapling meeting – садки для молодых собак. Осенью того же года, по сообщению журнала «Охота» (1891. № 3. С. 15), несколько собак Строгонова приняли участие в садках в Haydock Park.
36. Эта родословная с пометками графа Строгонова сохранилась и находится среди документов князя Голицына. РГИА. Ф. 927. Оп. 1. Д. 2599. Л. 51.
37. Строгонов купил Шорт-Сплайс за 400 фунтов вместе с ее семью однопометниками от Гринтик-Харк после того как в сентябре 1890 г. она разделила Haydock champion prodius. Однако на Waterloo в феврале следующего года собака скакала плохо.
38. Кн. III. «Продажи борзых в Англии в зимний сезон 1890-91 год» // Охота. 1891. № 2. С. 14–15.

39. Об этом 1 марта 1892 г. сообщила «Охота».
40. РГИА. Ф. 927. Оп. 1. Д. 2591.
41. Даты владения яхтами приведены приблизительные, поскольку полностью документы неизвестны. Кроме упомянутых, в архиве есть также сведения о Строгоновской яхте «Арго».
42. Закон об охоте был принят в феврале 1892 г. О проблемах, которые он поставил перед любителями псовой охоты, будет сказано ниже.
43. № 2. С.8.
44. Васильчиков Б. Указ. соч. С. 73.
45. Охота. 1891. № 5. С. 16.
46. Четвертый номер «Охоты» за 1891 г. сообщал: «На садках в «Cliffe» три молодые суки графа С.А. Строгонова скакали очень хорошо и все попали в число победителей» (С. 14). Девятый номер за тот же год информировал читателей об успехах графской собаки «Свит-Сонг», разделивший приз на «South of England meeting» с греем господина Хэля, который тренировал собак Строгонова.
47. Чичерин Б.Н. Воспоминания // Русские мемуары: 1826-1856. М., 1990.
48. РГИА. Ф. 927. Оп. 1. Д. 2539.
49. РГИА. Ф. 927. Оп. 1. Д. 2538. Л. 1.
50. Там же. Л. 5–5об.
51. С. 16.
52. Охота. 1892. № 1. С. 14.
53. Охота. 1892. № 5. С. 15.
54. РГИА. Ф. 927. Оп. 1. Д. 2537. Л. 5. Сведения печатной программы сопоставлены с заметкой Д. В. (Дмитрия Вальцова) «Аукцион борзых» // Охота. 1892. №6. С. 3–4. Здесь также упомянуты продажи еще трех собак Строгонова: «Игрушки IV» принцу Ольденбургскому за 30 рублей, «Черкиза» генералу Грюнвальду за 51 рубль и «Победки» графу Шереметеву за 37 рублей.
55. 27 октября 1891г. // Охота. 1891. № 1. С. 15.
56. С 1893 г. розыгрыш «Великокняжеского кубка» был перенесен с октября на август.
57. Там же. Л. 15.
58. Об этом сказано в передовой статье журнала «Охота» в четвертом номере за 1893 г.
59. Ф. 927. Оп. 1. Д. 2599. Л. 16.
60. 6 декабря 1893 г. – РГИА. Ф. 927. Оп. 1. Д. 2537. Л. 4-4об.
61. Корф А.А. Попытка создать русскую охотничью лошадь // Конская охота. 1893. № 7. С. 4-5.
62. Садочный календарь издавался в Англии и подробно описывал все митинги, которых там бывало с сентября по апрель более ста.
63. Как уже указывалось, Императорское общество размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты издавало в Москве журнал «Природа и охота».

64. В № 8 «Охоты» за 1893 г. (С.15) помещена особая заметка о покупке этой собаки. Кроме того, княгиня публиковала объявления с предложением о случке кобеля.

65. РГИА. Ф. 927. Оп. 1. Д. 2599. ЛЛ. 9-12.

66. Там же. ЛЛ. 13-14.

67. Щербатова, занимаясь обзором событий в Англии, опубликовала следующие обзоры: «Продажи борзых в Англии в зимний сезон 1890-91 год» (1891. № 6. С. 6-8), «Публичные садки борзых в Англии» (1891. № 9. С. 4-6, № 11. С.5-6); «Садки в Англии» (1891. № 14. С. 3-4); «Аукцион борзых в Англии» (1892. № 7. С. 4-5); «Садки в Англии» (1892. № 8. С. 3-4, № 9. С. 3-4. № 10. С. 1-2). Все статьи подписаны «Кн. Щ.».

68. РГИА. Ф. 927. Оп. 1. Д. 2599. Л. 47об.

69. Там же. Л. 48об.

70. РГАДА. Оп. 2. Ч. II. Д. 2683. «Инвентарь вещам Воышовского господского дома Его Сиятельства графа С.А. Строгонова. Составлен в 1889». Позже в документ вносились добавления. В нем, в частности, перечислены кубки, полученные собаками владельца.

Именно в 1895 г. архитектор Н.А. Попов перевел из дерева в камень главное здание имения, построенное в 1860-е гг. – *Васильева Л.В.* К истории имения графов Строгановых «Воышово» Псковской области // Павловские чтения. Сборник материалов научных конференций 1996-1997 гг. Науч. ред. Н.С. Третьяков, Л.В. Коваль. СПб., Павловск. 1998. С. 60.

71. РГИА. Ф. 927. Оп. 1. Д. 2536.

Н.Ф. Левин

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПОРХОВСКИЕ КРАЕВЕДЫ

Как выяснилось, в советское время история местного краеведения в Порхове не изучалась и попыток воссоздать биографии дореволюционных порховских краеведов не было. Необходимость в этом возникла сейчас, в связи с подготовкой к изданию очередного тома «Псковской исторической библиотеки», посвященного городу Порхову и его уезду. В отличие от первых книг этой серии (об Острове и Опочке) таких капитальных трудов по Порхову и уезду до революции не было, хотя отдельных краеведческих работ оказалось немало.

Пришлось собрать их и издать вместе под одной обложкой, проследив тем самым развитие порховского краеведения.

За каждой из двадцати работ, включённых в сборник, стоял их автор, чаще всего неизвестный читателям, особенно нынешним. Большинство из них не были профессиональными историками. Чаще всего они остались скромными, не очень прославленными людьми. При работе над сборником дореволюционных публикаций о Порхове одновременно по мере сил и возможностей собирались материалы об их авторах. Результаты этих поисков изложены в двух статьях, которыми начинается новая книга о Порхове и его уезде.

Поскольку в последние дни 2004 года она уже вышла, нет смысла повторять то, что опубликовано. Однако следует признаться, что многое выяснить не удалось. Поэтому у современных порховских краеведов осталась задача заполнить белые пятна в биографиях их дореволюционных предшественников. Для облегчения этой работы хочется подсказать пути этих поисков.

Со времени выхода первой журнальной статьи о Порхове прошло 175 лет. О журнале «Бабочка. Дневник новостей», в котором она появилась, вряд ли кто знает. Не встретились и сведения об авторе статьи А. Медведеве. Был ли он порховичом, жителем губернии или столичным учёным – тоже неизвестно. Тогда, в 1829 году, «Памятные книжки Псковской губернии» ещё не издавались. Судя по архивному делу¹, Медведевы стали порховскими дворянами позднее, к середине XIX века, благодаря женитьбе на порховичке, а также покупке имения. И подходящий «А. Медведев» в деле не значится. Так что поиски сведений о нём следует продолжить в петербургских архивах и справочниках.

Упоминания о Петре Михайловиче Силине, напечатавшем 29 апреля 1872 года заметку о Порхове в «Псковских губернских ведомостях», имеются в «Памятных книжках Псковской губернии» за 1872-1875 годы. Он работал нотариусом сначала в Порхове, а с 1874 года – в Валдае Новгородской губернии. Благодаря знакомству на Порховских краеведческих чтениях 2004 года с заместителем директора по научной работе Государственного исторического архива Новгородской области Сергеем Валентиновичем Моисеевым стало известно, что там Силин

опубликовал множество краеведческих статей. Хочется надеяться, что на следующих чтениях С. В. Моисеев выступит с докладом о Силине, а также опубликует подробную статью о нём.

В ответ на заметку Силина большую статью о Порхове поместил там же в 1873 году Александр Петрович Анисимов. Он родился в Великих Луках 18 ноября 1829 года в семье выходца из крестьян, отставного подпоручика, с 15 лет служил в канцеляриях Великих Лук, Пскова, а с апреля 1860 года по сентябрь 1883 года – в Порхове. О частых служебных переводах Александра Анисимовича можно узнать из дворянского дела Анисимовых, хранящегося в Государственном архиве Псковской области². Год его смерти (1891-й) указан в предисловии к брошюре Е.Е. Лебедева «Порхов и его окрестности» (см. с. 129 сборника). Там же помещены портреты Силина, Анисимова и самого автора.

Его отец Евгений Александрович Лебедев более 50 лет прослужил в порховском Троицком соборе: с 1865 года священником, а с 1868 года настоятелем. Сыновья настоятеля Евгений и Михаил опубликовали немало статей и брошюр по истории Порхова и Псковской губернии. Заслугам этой семьи посвящен отдельный биографический очерк, включённый в сборник. И хотя он занял 36 страниц, но некоторые факты из их жизни остались невыясненными. В частности, патриарх семьи Евгений Александрович был настоятелем и после революции, а в 1921 году (83-летним!) участвовал в создании Порховского общества изучения местного края. Однако время и место его кончины узнать не удалось. Вероятнее всего, это случилось в Порхове, и, по разговорам, на местном кладбище неподалёку от храма Рождества Иоанна Предтечи были надгробные памятники на могилах Лебедевых. К сожалению, надписи с них оказались сбитыми.

Надо постараться найти потомков этой семьи. Без этого вряд ли удастся обнаружить портрет Евгения Александровича, другие их семейные снимки. Как сообщалось в «Псковских епархиальных ведомостях», на праздновании 50-летия священства протоиерея Е. А. Лебедева в октябре 1908 года дети преподнесли ему альбом с видами тех мест, где он служил, с портретами псковских владык,

при которых он работал в епархии, и членов его семьи. Вряд ли такую домашнюю реликвию потомки не пытались сохранить. К тому же не раз упоминалось, что Лебедевы долго берегли документы архиепископа Псковского и Порховского Феоноста (Андрея Григорьевича Лебедева), позаботившегося в 1863 году о переводе племянника (Евгения Александровича) в свою епархию. Рукописи Евгения Евгеньевича в 1922 году опубликовал его брат Михаил.

Ещё могут быть живы внуки, а тем более правнуки Евгения Евгеньевича (1860–1917 гг.). Он женился в солидном возрасте, так как в его послужном списке 1899 года отмечено, что тогда он был ещё холостым. А в информации о его кончине сообщалось, что Е. Е. умер в Новгороде 30 января 1917 года, а погребён на порховском кладбище в присутствии вдовы и пятерых несовершеннолетних детей. К сожалению, их имена пока неизвестны, но могут быть выяснены по документам Новгородской духовной семинарии, где он преподавал с ноября 1902 года.

Из дела, заведённого ОГПУ в 1928 года против Михаила Евгеньевича, видно, что тогда у него были два сына: 18-летний Владимир и двухгодовалый Николай³. Хочется надеяться, что если не их самих, то детей или внуков найти удастся. Но, хотя жена и дети во время высылки Михаила Лебедева жили в Порхове, искать потомков надо, вероятно, в Петербурге, где чаще всего растворялись гонимые священники и их семьи из Псковской губернии.

Могут найтись и потомки Александра Евгеньевича Лебедева (1862–1886). Его сына Евгения, 1885 года рождения, псаломщика Пожеревицкой церкви Рождества Христова в конце 1930 года арестовали за поддержку крестьян, возражавших против раскулачивания, и через пять месяцев выслали на три года. Его жена – учительница Мария Константиновна и шестеро их детей (Ольга 18-ти лет, Владимир 17-ти лет, уже работавший учителем, Вера 16-ти лет, Константин 15-ти лет и 9-летние близнецы Виктор и Валентин) остались в Пожеревицах⁴.

Ещё один сын настоятеля Троицкого собора Владимир (1874–1904) служил сверхштатным священником того же собора и женился в 1897 году на дочери второго священника собора Василия До-

манского Марии. Если в Порхове знают потомков Доманских, то они, очевидно, подскажут, как найти Лебедевых.

Таким образом, простор для их поисков довольно широкий...

Автор двух статей на религиозные темы в «Псковских епархиальных ведомостях» за 1894 и 1897 годы (о церквях уезда и о крестном ходе из Никандровой пустыни) известен только по его подписи: П. Любимов. Кем он был, установить пока не удалось. Скорее всего, одним из церковнослужителей Порховского уезда. Однако по «Памятным книжкам Псковской губернии» и архивным клировым ведомостям встретился лишь Пётр Михайлович Любимов, но по дате его рождения (12 мая 1880 г.) он вряд ли в 14 лет начинал печататься в епархиальном издании.

С другим обладателем той же фамилии – В. Любимовым, составившим к 1896 году «Статистическо-географический словарь Порховского уезда», – повезло больше. Хотя сначала, в деле дворян Любимовых⁵, подходящего лица не нашлось. Зато в «Памятных книжках Псковской губернии» оказался Виктор Павлович Любимов, который в 1894–1899 годах был секретарём Порховского уездного полицейского управления, а с 1901 года служил в губернских учреждениях Пскова. Впрочем о нём собраны лишь отрывочные сведения, приведённые в заметке «От составителя» сборника и недостаточные даже для краткой биографии. В частности, не обнаружен даже формулярный список о его службе.

Таким образом, работа по изучению истории порховского краеведения ещё только начата. И местным исследователям предстоит сделать немало для расширения знаний о своих предшественниках. К тому же следует подумать об издании второго сборника публикаций о Порховской земле, на сей раз – послереволюционных. И привлечь для этого местные силы и средства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАПО, ф. 110, оп. 1, д. 566.

2. Там же, д. 22.

3. Архив ФСБ по Псковской области, д. А-20977.

4. Там же, д. АА-6484.

5. ГАПО, ф. 110, оп. 1, д. 534; ф. 20, оп. 1, д. 2696.

М.Т. Маркова

ШКОЛЫ ПОРХОВСКОГО РАЙОНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В ГАПО хранятся документы, по которым можно восстановить деятельность школ Порховского района в годы Великой Отечественной войны. По документам восстанавливаются фамилии школьных советников при немецкой администрации. Это до мая 1943 г. – К. Сенаре, а затем – В.С. Скоропостижный¹. Их деятельность высоко оценивалась немецкими оккупационными властями, о чём свидетельствуют лестные отзывы в газете «За Родину»².

В декабре 1941 г. все учителя заполняли анкету, в которой указывали: год рождения, образование, и главное – отношение к Советской власти. Из 157 анкет в 53 отмечалось наличие в их семьях репрессированных. Так, Скоропостижная Е.И. отмечает, что отец – священник был арестован и умер в тюрьме, а брат сослан в Нарьян-Мар за хранение учебника с портретом М. Тухачевского. Васильева Н.В. сообщает, что арестованы были отец, брат, дядя и тётя. Дмитриев А.М. сам сидел в тюрьме. У Колиберской А.Н. отец арестован в Ленинграде, а они с матерью высланы в Порховский район. Бугринов В.Е. – прапорщик у Деникина, комвзвода в Красной Армии, был арестован и отправлен в Архангельскую область, но в 1941 г. находился в Бельском Устье и просил разрешения работать в школе³.

Определённая категория учителей получила образование в дореволюционных учебных заведениях. Так, В. Зеленова и А. Фуфаева окончили Бестужевские курсы, Я. Фёдоров – учительскую семинарию, Н. Успенский – епархиальное училище⁴. Но большинство, кто обратился с просьбой о предоставлении места в школе, – это молодые люди 1916–1920 годов рождения. По мнению школьного советника К. Сенаре, их поведение не соответствует той роли, которая им отводилась новой властью. Поэтому было отдано распоряжение, запрещающее молодым учителям появляться на деревенских вечерин-

ках и гулянках. За невыполнение этого распоряжения им грозило увольнение с работы ⁵.

Вся работа в школе строго регламентировалась. Распоряжениями школьного советника рекомендовалось соблюдать все религиозные праздники, участвовать в антисоветских акциях. Например, 22 июня 1943 г. городской голова А. Уваров направил школьному советнику В. Скоропостижному предписание: «По случаю исполнения второй годовщины войны с большевизмом и освобождения Порхова от большевиков 22 июня в 10 часов утра на площади возле базара будет парад. По распоряжению военного коменданта прошу Вас обеспечить явку школьников в организованном порядке» ⁶.

Учителям рекомендовалось подписываться на газету «За Родину», которая издавалась в Пскове и Дно. Для подготовки пропагандистов нового режима в Дно были организованы двухнедельные курсы, куда направлялись учителя-мужчины ⁷. Летом 1943 г. в Порхове были организованы курсы для всех учителей с целью «...распространения передового немецкого опыта организации школьного дела» ⁸.

Оплата труда производилась в марках. 23 апреля 1943 г. к Пасхальным праздникам все учителя получили так называемые «наградные», т. е. 50% оклада. В ведомости 155 фамилий учителей района и 30 городских школ. Суммы, получаемые учителями, варьируются от 25 до 45, значит, оклад составлял от 50 до 90 марок. Из других документов узнаём, что оклад мирового судьи равнялся 95 маркам, волостного головы – 60 маркам, начальник района получал 180 марок, главные врачи Дубровской и Александровской больниц – по 95 марок. Следовательно, оплата труда учителей в среднем соответствовала зарплате интеллектуального труда в районе ⁹. Учителям, как и всем желающим, разрешалось иметь земельные угодья. В ведомостях отмечаются размеры учительских участков земли: от 3 соток до 2 га. В зависимости от размера участка учителя получали семенное зерно и картофель ¹⁰.

По отчётам школьных советников можно проследить динамику изменений количества начальных школ, количество работающих в них учителей и занимающихся учеников ¹¹.

	Количество школ		Количество учителей		Количество учеников	
	Порхов	район	Порхов	район	Порхов	район
январь 1943 г.	3	71	30	155	490	2 1 90
июнь 1943 г.	3	66	30	96	476	2010
1 сентября 1943 г. (план)	3	86	34	221	641	4745
декабрь 1943 г.	3	33	22	71	322 1	1499
январь 1944 г.	3	26	18	58	181	1100

Проанализируем данные таблицы. Некоторое сокращение всех показателей к лету 1943 г. объясняется как занятостью учеников на полевых работах, так и перемещением учителей из одной школы в другую. Резкое увеличение плана на 1 сентября 1943 г. объясняется тем, что начальник Порховского района А. Беляев направляет во все волости распоряжение о том, что «все дети от 8 до 12 лет обязаны ходить в школу. Родители тех детей, которые не посещают школу, будут подвергнуты штрафу в 500 рублей» (так в тексте, хотя, как правило, цены даются в марках) ¹².

Некоторое увеличение количества учителей и учеников в Порхове объясняется тем, что 19 октября при школе № 2 были открыты два пятых класса, где работали четыре учителя: два по совместительству и два на условиях почасовой оплаты (две марки за урок) ¹³.

Резкое сокращение всех показателей связано с приближением фронта. Из документов узнаём, что многие школы были заняты под воинские части. После 25 декабря поступило разрешение «переселиться в глубокий тыл», т. е. началась эвакуация населения. Отмечены случаи ареста учителей за связь с партизанами. Так, в Бельском Устье арестованы В.Е. Вучринова и В. Валентинова, в Порхове – С.В. Громов, Г.М. Семёнов и А.А. Алексеев ¹⁴.

Материальная база школ была плохой. В отчётах постоянно отмечается необходимость ремонта, который не проводился с 1941 г. Нет мебели, классных досок, письменных принадлежностей, которые заменяли специальными грифельными досками. Происходит вымарывание в текстах советских учебников того, что содержит аги-

тацию. Полученные из библиотечного техникума книги были тщательно отсортированы: часть передана в городскую библиотеку, часть отправлена в школы, но большая – уничтожена¹⁵.

Местная администрация стремилась учителей и учеников привлечь к культурно-просветительской деятельности. Так, по инициативе К. Сенаре создаётся самодеятельный театр, где ставят пьесы А. Островского и немецких авторов. Эти спектакли были показаны не только в Порхове, но и в Дно и других населённых пунктах. Периодически организуются благотворительные концерты, средства от которых передаются беженцам, которых в Порхове было очень много¹⁶.

В феврале 1944 г. Порховский район был освобождён. Акты ущерба по разделу «Народное образование» дают следующие сведения: разграблено 7 средних и 66 начальных школ, при этом многие деревянные постройки были сожжены. Так, Замосовская начальная школа, построенная в 1915 г., 5 января 1944 г. была сожжена вместе с людьми. Боровичская средняя школа, построенная в 1936 г., сожжена во время отступления немецких частей 20 февраля 1944 г. Волышовская школа, построенная в 1907 г., разграблена, особенно пострадала её библиотека, где до войны находилось более 1000 томов¹⁷.

Необходимо отметить, каким было положение учителей после освобождения. Уже в сентябре 1944 г. Псковский обком партии принимает постановление «О состоянии школ и учительских кадров в районах области», в котором отмечается, что из 2050 учителей – 1556 находились на оккупированной территории и «подвергались лживой фашистской пропаганде». В 1945 г. 1215 учителей не были допущены к работе в школе¹⁸. Однако огромное количество детей, которые пришли в школы (в одном только Порховском районе – 8130 человек), заставило пересмотреть отношение к учителям и вновь принять их на работу. Но и в последующие годы оценка деятельности учителя во многом зависела от того, оказывал ли он содействие партизанам или нет. Так, в период массового награждения учителей в 1948 г. были отмечены только те, кто находился в эвакуации и вернулся после освобождения или активно помогал партизанам и подпольщикам¹⁹.

В целом необходимо отметить, что учителя на оккупированной территории оказались заложниками: с одной стороны, они понима-

ли, что детей необходимо учить, да и как-то нужно было выжить, но с другой, – в глазах вернувшихся из эвакуации и местного советского начальства они были соучастниками немецкого оккупационного режима. Не будем называть фамилии пострадавших, тем более что большинство из них уже реабилитированы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАПО, ф. Р-906, оп. 1, д. 249, л. 59.
2. За Родину. 1943. 7 июля.
3. ГАПО, ф. Р-906, оп. 1, д. 28, л. 20, 35.
4. Там же, д. 249, л. 41, 43, 62.
5. Там же, д. 252, л. 47.
6. Там же, д. 249, л. 3.
7. Там же, д. 252, л. 56.
8. Там же, д. 232, л. 351.
9. Там же, д. 232, л. 298, 297, 336, 196.
10. Там же, д. 233, л. 35, 337; д. 27, л. 63-64.
11. Таблица составлена автором: ГАПО, ф. Р-906, оп. 1, д. 249, л. 2, 5, 17-18, 21-22, 27, 30, 49-50, 63.
12. Там же, л. 11.
13. Там же, д. 233, л. 41.
14. Там же, д. 249, л. 30, л. 72.
15. Там же, л. 25.
16. Там же, л. 5.
17. ГАПО, ф. Р-1782, оп. 1, д. 22, л. 257-259.
18. ГАНИПО, ф. 1219, оп. 1, д. 90, л. 4.
19. Там же, оп. 1, д. 752, л. 14.

М.Т. Маркова

УСАДЬБЫ ПОРХОВСКОГО УЕЗДА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

По данным «Памятной книжки Псковской губернии» в 1913 г. в Порховском уезде было 108 имений, которыми владели как дворяне, так и купцы. Фамилии 46 дворян находим в «Списке дворянских родов Псковской губернии», составленном В. Картацевым. Это Анич-

ковы, Анненковы, Александровы, Антоновы, Андреевы, Балавенские, Барановы, Богословские, Бухаровы, Бороздины, Векшинские, Волковы, Володимировы, Вальцевы, Зарины, Зубчаниновы, Зиновьевы, Захаровы, Карамышевы, Корсаковы, Крекшины, Костырно-Стоцкие, Лопухины, Лишевичи, Лебедевы, Могилатовы, кн. Мышецкие, Мордвиновы, Наинские, Нагины, Новосильцевы, Окуневы, Оболенские, Протопоповы, Рудневы, Саковичи, Смирновы, Саранчёвы, графы Строгановы, Тиран, Тутолмины, Усовы, Филипповы, Хорошевины, Чуйкины, Ягмен. Но владельцами имений могли быть дворяне, не внесённые в Псковскую родословную книгу, например, кн. Гагарин А.Г. или Спиридонов Н.В. Кроме того, представители одной семьи владели несколькими имениями. Например, братья Бернер (Матвей, Александр, Николай, Иван) владели 4 имениями в Дегожской волости по 933 десятины каждое. Новосильцевы имели не только Бельское Устье, но также с. Воробьёво и с. Жадиновичи.

Отец и сын Тутолмины владели не только с. Подоклинье, но и с. Дубровки. Таким образом, дворянские владения составляли основную массу имений. Купеческие имения, скорее, составляли исключение. Среди купцов с полной определённой можно назвать Ардамацких: Леонид Петрович имел с. Вечек, а Владимир Петрович – с. Заполье. Псковский купец Илья Сафьянников владел имением в с. Ручьи, а Елизавета Васильевна Батова – с. Харижи.

Сведения, полученные из «Памятной книжки», дают возможность определить количество имений по волостям. В Порховском уезде в начале XX в. было 22 волости. Самое большое количество имений было в Заполянской волости – 10, в Александровской и Сухловской – по 8, в Михайловской, Дегожской, Горской и Вышегорской – по 7, в Нижне-Шелонской и Тишинской – по 6, в Бешковской, Ясенской и Богородицкой – по 5, в Шелонской – 4, в Бельской, Пажеривицкой, Шевницкой и Дновской – по 3, в Сорокинской и Дорогостицкой – по 2 имения.

По количеству десятин земли имения можно поделить на 3 категории: свыше 1000 дес. в уезде имели 32 имения, свыше 500 дес. – 30 имений, свыше 100 дес. – 45 имений. Таким образом, 56% имений можно отнести к крупным владениям.

Самым обширным было владение графа Сергея Александровича Строганова с. Вольшово – свыше 17 тыс. десятин, затем по убывающей необходимо назвать владения Александра и Константина Ваниюковых – с. Замосточье, 8790 дес.; владения брата и сестры Наинских Петра Адамовича и Лидии Адамовны (в замужестве Могилатова) – 8238 дес. Отметим, что Лидии Адамовне в 1913 г. уже 79 лет, её детям Николаю и Марии – 53 и 57 лет, но они в списке самостоятельных владельцев не значатся (ГАПО, ф. 110, оп. 1, д. 596, л. 4–5, 9, 12). Среди владельцев порховскими имениями значатся княжна Мария Александровна Строганова в замужестве Ягмен. Её владения – Князь Горки, 1869 дес. Муж Марии Александровны Альфонс Семёнович Ягмен – помещик Холмского уезда. Николай Владимирович Спиридонов – с. Вязье, 1650 дес. Иван и Николай Тутолмины владеют немногим более 1000 дес. Князь Андрей Григорьевич Гагарин имеет всего 136 дес. в Бельском Устье, т.е. в «Памятной книжке» ещё не фиксируется имение Холмки.

Любопытно, что владельцами 28 имений были женщины, а в 8 имениях – совладельцами с братьями или родителями. Так, отмечается совместное владение с. Софьино (807 дес.), которое принадлежит Александру, Павлу, Елене, Зинаиде и Анне Богословским. Мария, Вера, Татьяна и Наталья Зарины совместно владеют имением Гора (768 дес.). Сёстры Ольга и Софья Бухаровы имеют село Нестрино (631 дес.). Среди женщин, владеющих имениями, можно назвать Зинаиду Эдуардовну и Елизавету Ивановну Векшинских.

Из «Сельскохозяйственных обзоров Псковской губернии» за 1913 и 1914 годы узнаём, что в Порховском уезде в частновладельческих имениях занимались льноводством, полеводством (зерновые и картофель). При этом статистика отмечает, что в дворянских усадьбах сбор ячменя был значительно выше, чем в крестьянских хозяйствах. Например, в 1913 г. на 1 десятину сбор ячменя составил 64,6 мер, а в крестьянских хозяйствах в среднем по 44,6 меры (с. 90 и 94). Картофель соответственно 784 и 416 меры с десятины (с. 91 и 95). Одной из прибыльных отраслей в крупных хозяйствах были посеы клевера. Если в крестьянских хозяйствах под клевер отводилось приблизительно 7,8 % земли, то в крупных дворянских имениях – 17 % (С/х обзор.

1914. С. 10). Естественно, на полях дворянских имений работали крестьяне, которые получали подённую оплату. Рабочий с лошадей получал за день 1 р. 39 коп., без лошади – 68 коп., работница – 44 коп., подросток – 36 коп., при условии, что они питаются сами. Если питаются от хозяина, то плата была значительно ниже (С/х обзор. 1914. С. 12, 13). Заметим также, что крупные владельцы значительную часть земли сдавали в аренду крестьянам, которые платили высокую плату. Таким образом, землевладение было выгодным, давало значительные доходы.

Кроме доходов от землевладения дворяне организуют различные производства, основанные на переработке сельскохозяйственного сырья (винокурни, пивоварни), а также переработка древесины.

Так, Андреев Анатолий Александрович в имении Никольское имел лесопильный и спичечной соломки заводы, оценённые в 73 тыс. рублей. Вальдманы Оскар и Николай в с. Козлово имели винокуренный завод стоимостью 7 тыс. рублей. Владельцем винокуренного завода и пивоварни стоимостью в 15 тыс. рублей был Александр Сергеевич Оболенский в имении Полоное. Смит Иван Гугович в с. Ситня построил лесопильный завод, доход от которого составил 12,5 тыс. рублей. Фрыженков Тимофей Петрович в с. Голодуша создал кожевенный завод, доход от которого 1875 рублей.

Нельзя не упомянуть о многоотраслевом хозяйстве таких имений, как Вольшово, Полоное, Вязье.

И ещё один аспект интересен – это архитектурно-парковое искусство дворянских усадеб. Даже мимолётное знакомство с фотографиями усадеб, сохранёнными на старых открытках, убеждает в разнообразии архитектурных стилей, которые отражают не только период строительства, но и вкусы и возможности владельцев.

Если рассматривать усадебные постройки в последовательности архитектурных стилей, то дворец в Вольшово – барокко; Высоцкое, Михалёво, Горомулино – провинциальный классицизм; Вязье, Бельское Устье и Князьи Горки – эклектика, при этом Вязье – псевдоготика, а Бельское Устье и Князьи Горки – псевдорусский стиль; построенные в начале XX века Холмки в стиле неоклассицизма.

Так же разнообразны и парковые ансамбли. Но сохраняется, как

правило, одна закономерность: регулярный парк вблизи дома постепенно переходит в ландшафтный, а затем сливается с естественным лесом. Но этот аспект должен стать предметом самостоятельного исследования.

Н.М. Медведева

ГОРОД ПОРХОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX СТОЛЕТИЯ

История Порхова второй половины XIX века привлекает внимание исследователей. Будучи одним из уездных городов Псковской губернии, он имел свою особую внутреннюю жизнь и до сих пор сохраняет неповторимое обаяние.

Основными источниками, которые помогли нам создать картину изменений, произошедших в Порхове в конце XIX века, явились данные, обобщённые Псковским губернским статистическим комитетом и опубликованные в «Памятных книжках Псковской губернии» за 1859 – 1901 годы. Несмотря на официальный характер материалов, следует отметить некоторые их недостатки и неточности, вызванные несовершенством системы статистики того времени. Во-первых, статистические данные хотя и были периодичны, но не всегда полны, во-вторых, не все из них заслуживают доверия, что признавали сами статистики. В особенности это относилось к сведениям, получаемым от полиции, так как сбор их для нее был обременителен и не хватало времени и возможности для проверки ее деятельности¹. По этой причине на сегодняшний момент для рассмотрения некоторых вопросов, в первую очередь касающихся населения Порхова, круг источников был ограничен.

Изменения различных сторон жизни Порхова с наибольшей точностью можно рассмотреть по результатам однодневных переписей городов Псковской губернии за 1863, 1870 и 1887 годы, а также опираясь на материалы первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года². С целью проследить динамику некоторых

статистических показателей были также использованы дореформенные статистические данные за 1858 и другие годы³. Для характеристики промышленного развития Порхова в том числе были рассмотрены материалы 23 фонда Государственного архива Псковской области⁴. Широкий круг историко-статистических сведений, в том числе и за рассматриваемый период, был обобщен современниками XIX века – А. Анисимовым, Е.Е. Лебедевым и В. Любимовым – их работы также послужили источниками данной работы⁵.

На протяжении многих веков облик города создавался людьми, живущими в нем, их материальными и духовными силами. Важным вопросом для XIX века, через который раскрывается образ города, является вопрос о количестве населения и его сословном составе.

Общая численность населения города Порхова во второй половине XIX века увеличилась с 3353 человек в 1858 году до 5551 человека в 1897 году, то есть за сорок лет в полтора раза (график 1). Рост населения не был стабилен. В начале 60-х годов наблюдается падение численности населения города на 10 % по сравнению с 1858 годом⁶. Однако этот процесс был недолгим, неглубоким, и с 1863 года городское население Порхова начинает расти.

Падение доли городского населения на рубеже 50 – 60-х годов было характерно для всех уездных центров Псковской губернии – с 7,5 % от ее численности до 7 %. Доля населения Порхова среди горожан губернии в этот период также снизилась – с 6,3 до 6 % (таблица 1). Этот показатель долго оставался на прежнем уровне, несмотря на рост населения города. В 1870 и в 1886 годах он составлял 6,2 %. За следующие десять лет доля жителей Порхова от городского населения губернии увеличилась на 1 % и снова понизилась до прежнего уровня.

В целом динамика роста населения города Порхова схожа с динамикой городского населения Псковской губернии, за исключением некоторых периодов. Например, в 70-е годы доля населения Порхова имела тенденцию к увеличению, тогда как городское население не успевало в своих темпах за общегубернским.

Характеризуя население города второй половины XIX века, невозможно не рассмотреть вопрос о его сословной структуре. Эта

характеристика населения оставалась одной из важнейших в данный период. За сорок последних лет XIX века сословный состав Порхова заметно изменился.

Дворянское сословие Порхова численно увеличилось к концу века почти в шесть раз. Причем резкое повышение числа дворян в городе наблюдалось непосредственно после крестьянской реформы 1861 года. Если в 1858 году дворян в городе насчитывалось 47 человек, то в 1863 году уже 260 лиц этого сословия постоянно или временно проживали в Порхове (таблица 1). В последующие годы численность дворянского населения колебалась незначительно. Если в 1858 году дворяне составляли 1 % населения города, то к концу XIX века – 5 %. В 1896 году дворянам принадлежало 37 домов, почти 7 % от домовладений города⁷.

Доля личных дворян почти всегда, за исключением начала 60-х годов, превышала потомственных, менее связанных с городом. Данные переписи 1897 года дают возможность рассмотреть национальный состав дворянского сословия. Потомственные и личные дворяне, а также чиновники не из дворян были представлены русскими, поляками и немцами; соответственно – 254, 48 и 6 человек⁸.

В жизни любого города второй половины XIX века роль и положение дворянства, несомненно, были заметны. Не затрагивая деятельности официальных лиц Порхова, принадлежащих данному сословию, можно выделить несколько имен, сделавших достаточно для развития образования в городе. Многолетней работой на благо общества старались такие люди, как княжна Екатерина Николаевна Шаховская, графиня Татьяна Дмитриевна Строганова, Иван Никифорович Иконников, Александр Васильевич Колибин.

Духовенство города Порхова за рассматриваемый период увеличилось в два с половиной раза – с 61 до 147 человек. Духовным лицам в городе принадлежало в конце века 16 зданий⁹. До 1870 года наблюдался рост численности этого сословия, когда оно достигло 172 человек. В последующие двадцать лет этот показатель медленно снижался. В 1897 году духовенство составляло 2,6 % от населения Порхова. Духовенство в Порхове принадлежало только православному вероисповеданию, духовных лиц иных конфессий переписи населе-

ния не указывают, хотя число исповедующих другую веру в городе увеличилось с 3 до 12 % городского населения к концу XIX века.

В Порхове в 1858 году находились семь каменных церквей и пять часовен. За последующие пять лет число церковных зданий увеличилось почти вдвое, в основном за счет строительства новых часовен, число которых возросло до трех каменных и десяти деревянных. Всего на 1863 год числилось 21 церковное здание¹⁰.

Духовные лица широко участвовали в общественной жизни города и губернии. Например, протоиерей Троицкого собора, смотритель и учитель Закона Божия в уездном духовном училище в 70–80-е годы XIX века Дмитрий Федорович Верещагин являлся к тому же действительным членом Губернского Статистического комитета¹¹. Священник, благочинный собора Евгений Александрович Лебедев, будучи законоучителем уездного училища, женской прогимназии, председателем и членом уездного училищного совета также являлся гласным городской думы¹².

Яркими и влиятельными личностями уездного города были представители купечества и почетного гражданства. За сорок последних лет XIX века их численность уменьшилась в 1,7 раза. В 1858 году к этим сословиям принадлежали в Порхове 251 человек, а в 1897 году – 204 человека. По национальному составу купечество распределялось следующим образом: русские – 73 %, евреи – 21 %, а также в Порхове торговали 8 поляков (5,5 %) и 1 немец¹³.

Спад численности купечества и почетного гражданства наблюдался в середине 80-х годов, когда эти сословия насчитывали около ста шестидесяти человек (таблица 1). Их доля среди городского населения Порхова снижается с 8 % в 1863 году до 3,7 % в 1897 году, в то же время эти сословия владеют более чем 9,5 % зданий города. Динамика купечества вполне предсказуема ненаследственной и непожизненной принадлежностью к данному сословию, и, следовательно, его прямой связью с мещанством.

Необходимо заметить, что в отличие от численности купеческого сословия, число почетных граждан увеличивается. Если в 1858 году их насчитывалось 5 человек, в 1887 – 24, то в 1897 году – 60 человек¹⁴.

Количественные характеристики не могут показать роли данных сословий в жизни Порхова. Для этого достаточно перечислить лишь некоторые купеческие фамилии, которые играли роль в управлении, общественной и культурной жизни города – это такие, как Ардамацкие, Калашниковы, Зацкие, Дробины, Луневы, Масленниковы.

Стоит еще раз вспомнить такого известного и уважаемого в Порхове коммерции советника Василия Григорьевича Жукова, с именем которого связаны строительство Покровской церкви, общественного банка и богадельни для престарелых.

Самым многочисленным сословием Порхова в середине XIX века было мещанство – 2318 человек. После реформ начала 60-х годов количество мещан в городе падает и начинает расти только в 70-е годы. Несмотря на то, что численность этого сословия немного, но все же увеличилась, их доля среди городского населения к концу века понизилась с 70 до 47 %. В 1897 году в Порхове проживали 2595 мещан (таблица 1), которые владели 288 домами. Среди них были преимущественно русские (2253 человека), второй по количеству была группа мещан-евреев – 252 человека¹⁵. Они занимались изготовлением одежды, торговлей тканями, одеждой, предметами сельского хозяйства, работой в научной сфере, литературе и искусстве¹⁶. Среди мещан были также: немцы – 39 человек, финны – 23, поляки – 17, латыши – 11 человек.

Представители мещан редко возглавляли учреждения. Они принимали участие в решении дел города в качестве гласных городской думы и управы, торговой депутации, стояли во главе ремесленной управы. Например, в 1859 году мещанин Семен Петрович Куликовский был ратманом (выборным членом) городского магистрата, а в 1888 году являлся депутатом торговой депутации¹⁷.

С сословием мещан было тесно связано сословие цеховых. Среди рассматриваемых нами переписей населения последняя за 1897 год совсем не упоминает эту группу населения как сословие (таблица 1). Непосредственно перед крестьянской реформой и к 1870 году доля цеховых среди городского населения равнялась 4 %, а в период ее проведения снизилась до 1 % от общего числа жителей Порхова. Прояснить ситуацию вокруг ремесленного сословия могут данные за

1859 и 1886 годы. Они показывают, что численность цеховых как сословия в эти годы была меньше числа лиц занимающихся ремесленной деятельностью¹⁸. К концу XIX века цеховые не выделяются как сословие, а занятие ремеслами и ранее было присуще другим слоям населения, в первую очередь – мещанам.

Более всего такие условия, как новые экономические отношения, нарушение наследственности сословий, миграция населения отразились на численности горожан – выходцев из крестьянского сословия. В конце XIX века численность сельских сословий в городе составляла почти столько же, сколько в конце пятидесятых годов мещанское сословие – более двух тысяч двухсот человек, то есть 40 % горожан (таблица 1). Динамика роста численности крестьян в Порхове за этот период шла по восходящей. В 1858 году перепись фиксирует наличие крестьянства как сословия, проживающего в городе, а в 1863 году крестьяне составляют уже 10,6 % городского населения. В 1896 году им принадлежат 86 домов в черте города, почти столько же, сколько вместе дворянам и купечеству¹⁹. Фактические изменения отражаются и в управлении городом – крестьянские депутаты входят в число гласных городской думы.

Противоположные тенденции наблюдаются в это время в отношении военного сословия. Снижение доли военных в городе в основном было связано с движением регулярных войск, количество которых к концу XIX века уменьшилось в 17 раз. Вторая по численности группа населения военного сословия – отставные нижние чины с семьями – росла, хотя в 80-е годы наблюдался ее заметный спад, и стала самой многочисленной среди военных в конце века. Причем количество женщин военного сословия в период с 1858 по 1863 годы напротив увеличилось с 62 до 196 человек²⁰.

Некоторые слои населения города Порхова в рассматриваемый период неизменно увеличивались в своем количестве. К таким относятся, как было показано, крестьяне, также это касается и иностранных подданных. Их численность возросла с трех до 33 человек к 1897 году.

Подобные же процессы затронули и сословие разночинцев. Его численность повысилась с трех до 77 человек, что составило около

полутора процентов населения города. К ним относились одни из самых образованных людей Порхова того времени – преподаватели учебных заведений, врачи, служащие ведомств. На протяжении многих лет врачами городской земской больницы работали А.К. Шульц, Я.Г. Закс, фельдшера М.В. Ермаков и Н.А. Крымаков.

В Порхове было несколько образовательных учреждений. К рассматриваемому периоду еще с XVIII века действовало приходское училище, с 1814 года – мужское трехклассное уездное училище и с 1835 года – духовное училище. В 1867 году была открыта женская прогимназия, которая с 1870 года была переименована в Мариинскую. До этого времени девушки города Порхова могли получить образование в частных школах В.А. Арановой и Н.И. Рамши-Карвецкой²¹.

В 1868 году в Порхове получали образование в Уездном духовном училище 102 юноши из духовенства. В уездном училище Министерства народного просвещения обучались 59 юношей, абсолютное большинство из которых принадлежало к городским сословиям. Сорок три девушки, из них 28 – городского сословия, одна – из духовенства и 14 – дворянок, занимались в женском училище второго разряда. В приходском училище обучались 58 юношей и восемь девушек преимущественно городских сословий. Всего обучающихся, таким образом, насчитывалось 270 человек, из которых 136 человек принадлежало городским сословиям, 104 духовенству и 17 дворянству. Также имели возможность получить образование девять выходцев из сельских сословий и четыре из солдат²².

В городе до начала XX века действовали библиотека при уездном училище для пользования посторонних лиц и общественная библиотека при земской управе²³. Общий уровень грамотности в городе был недостаточно высок, как впрочем и в других городах губернии. По переписи 1887 года в Порхове было выявлено 1913 грамотных, в том числе 684 женщины и 1229 мужчин. Таким образом, процент грамотного населения равнялся 43,3 относительно всех городских жителей²⁴. Грамотность мужчин и женщин различалась в зависимости от вероисповедания. Среди населения католической, протестантской, иудейской веры и раскольников процент грамотности был выше, чем среди православных.

Если в 1887 году грамотное и неграмотное населения соотносилось как 43,3 % и 56,7 %, то через десять лет в 1897 году эти же показатели представлялись как 55,8 % и 44,2 %²⁵. За последнее десятилетие XIX века был преодолен перевес неграмотного населения над грамотным, однако последнее оставалось еще далеко недостаточным для достижения показателя всеобщей грамотности.

Как уже упоминалось, доля лиц неправославного вероисповедания значительно увеличилась к концу XIX века. Если в середине столетия среди представителей других конфессий числились только католики и протестанты, то в течение нескольких десятилетий это соотношение изменилось: исповедующих иудейскую веру в Порхове стало в два раза больше (285 человек), чем протестантов, и почти в три раза больше, чем католиков. В городе также немногочисленно, но были представлены магометане и раскольники, причем численность последних с 70-х годов резко увеличилась и достигла 140 человек в 1897 году.

Православные составляли большинство жителей Порхова. Доля православных среди городского населения колебалась от 97 до 88 % и имела со временем тенденцию к понижению, что было связано с увеличением населения, принадлежащего другим вероисповеданиям²⁶.

В 1858 году в городе насчитывалось 487 домов, из них 74 – каменных и 413 – деревянных. В том числе 8 принадлежали казенному ведомству, 10 были общественными, частные лица владели 406 домами. В городе находились 55 лавок, из которых 51 размещалась в каменных зданиях²⁷. Но уже в этом году произошел один из страшных пожаров XIX века, который уничтожил гостиные ряды, 47 частных домов и такие значимые для города здания, как дом присутственных мест, духовное правление, двухэтажное каменное и деревянное здания богадельни Жукова, приходское и уездное училища, а также Троицкую и Благовещенскую церкви²⁸. Несмотря на потери, уже в следующем 1859 году по данным полиции в Порхове находилось 549 зданий, из которых 79 были каменными²⁹. Таким образом, даже довольно масштабные пожары не могли остановить рост города.

Такие улицы Порхова, как Петербургская и Смоленская, Рождественская набережная, могли похвастаться эффектными двух- и трех-

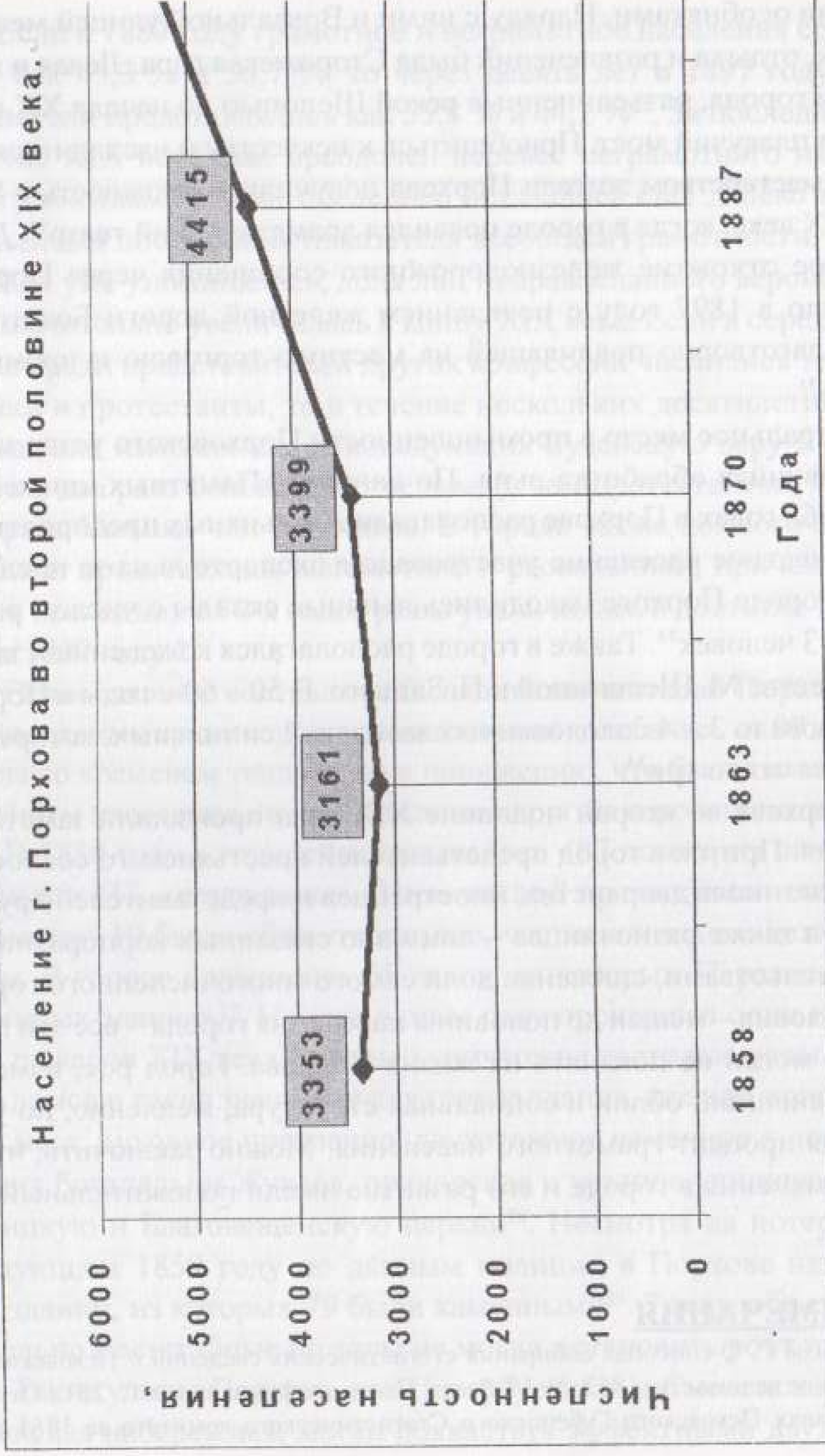
этажными особняками. Наряду с ними и Вокзальной улицей местом прогулок, отдыха и развлечений была Сторожевая гора. Левая и правая части города, разъединенные рекой Шелонью до начала XX века соединял плавучий мост. Приобщиться к искусству и насладиться актерским мастерством жители Порхова получили возможность с 80-х годов XIX века, когда в городе появился драматический театр³⁰. Долгожданное открытие железнодорожного сообщения через Порхов произошло в 1897 году с появлением железной дороги Бологое – Псков, благотворно повлиявшей на местную торговлю и промышленность³¹.

Центральное место в промышленности Порховского уезда занимала первичная обработка льна. По данным «Памятных книжек» в 1862 и 1863 годах в Порхове располагались 4 льняных предприятия³². Так как местное население участвовало в экспорте льна за пределы уезда, в городе Порхове находились льняные склады с числом рабочих до 113 человек³³. Также в городе располагался кожевенный завод Товарищества М. Шелониной и П. Зацкого. В 50 – 60-е годы в Порхове действовало 3 – 4 солодовенных завода и 2 синильных, которых к концу века стало три³⁴.

В Порхове во второй половине XIX века произошли заметные изменения. Приток в город представителей крестьянского сословия, увеличение числа дворянства, иностранцев и представителей других религий, а также разночинцев – лиц мало связанных корпоративными обязательствами, снижение доли самого многочисленного городского сословия – мещан до половины населения города – все эти процессы не могли не повлиять на жизнь Порхова. Город рос, изменялись его внешний облик и социальная структура, медленно, но увеличивался процент грамотного населения. Можно заключить, что в целом изменения в городе и его развитие имели положительный характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бочков С. О способах собирания статистических сведений // Псковские губернские ведомости. 1862. № 17. 2 мая. Часть неофициальная. С. 251.; Отчет о действиях Псковского Губернского Статистического комитета за 1861 год//

Примечания: 1858 - Памятная книжка Псковской губернии на 1859 год, с. 10; 1863 - Памятная книжка Псковской губернии на 1864 год, таблица № 1а; 1870 - Памятная книжка Псковской губернии на 1874 год, с. 15; 1887 - Строчкин Н. Результаты однодневной переписи городов Псковской губернии 27 ноября 1887 года. Выпуск 1, Псков, 1889. С. 4; 1897 - Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XXIV Псковская губерния. Тетрадь 2. 1904 С. 2.

ДИНАМИКА СОСЛОВНОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ Г. ПОРХОВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА.

СОСЛОВИЯ	1858		1863		1870		1887		1897	
	абсолютно	в % от города	абсолютно	в % от города	абсолютно	в % от города	абсолютно	в % от города	абсолютно	в % от города
ДВОРЯНЕ	47	1,4%	260	8,2%	242	7,1%	273	6,2%	273	4,9%
ДУХОВЕНСТВО	61	1,8%	107	3,4%	172	5,1%	164	3,7%	147	2,6%
ПОЧЕТНЫЕ ГРАЖДАНЕ И КУПЦЫ	251	7,5%	255	8,1%	220	6,5%	161	3,6%	204	3,7%
МЕЩАНЕ	2318	69,1%	1751	55,4%	1629	47,9%	2139	48,4%	2595	46,7%
РЕМЕСЛЕННИКИ	134	4,0%	35	1,1%	140	4,1%	—	—	—	—
КРЕСТЬЯНЕ	—	—	336	10,6%	525	15,4%	1498	33,9%	2222	40,0%
ВОЕННОЕ СОСЛОВИЕ	536	16,0%	372	11,8%	471	13,9%	111	2,5%	—	—
РАЗНОЧИНЦЫ	3	0,1%	28	0,9%	—	—	40	0,9%	77	1,4%
ИНОСТРАННЫЕ ПОДДАННЫЕ	3	0,1%	17	0,5%	—	—	29	0,7%	33	0,6%
ИТОГО	3353		3161		3399		4415		5551	
ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ	52812		52492		55132		69314		81785	
В ПОРХОВЕ В % ОТ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ	6,3%		6,0%		6,2%		6,4%		6,8%	

Примечания: 1858 - Памятная книжка Псковской губернии на 1859 год, с. 9; 1863 - Памятная книжка Псковской губернии на 1864 год, таблица № 1а; 1870 - Памятная книжка Псковской губернии на 1874 год, с. 44; 1887 - Статистико-географический словарь Порховского уезда Псковской губернии. Вып. IV. Псков, 1896. - Порхов и его уезд. Сборник дореволюционных публикаций. Составитель Н.Ф. Левин. Псков, 2005. С. 317; 1897 - Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. XXXIV. Псковская губерния. Тетрадь 1. 1902, с. 38 - 39.

- Псковские губернские ведомости. 1862, № 22, 6 июня. Часть неофициальная. С. 321.
2. Памятная книжка Псковской губернии на 1864 год. Псков, Типография Губернского правления, 1864.; Памятная книжка Псковской губернии на 1874 год. Псков, Типография Губернского правления, 1874.; Статистико-географический словарь Порховского уезда Псковской губернии. Вып. IV. Псков, 1896 // Порхов и его уезд: Сборник дореволюционных публикаций / Составитель Н.Ф. Левин. Псков, 2005.; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 34. Псковская губерния. Санкт-Петербург, Центральный Статистический комитет. Тетрадь 1. 1902. Тетрадь 2. 1904.
3. Памятная книжка Псковской губернии на 1859 год. Псков, Типография Губернского правления, 1859.; Памятная книжка Псковской губернии на 1861 год. Псков, Типография Губернского правления, 1861.; Памятная книжка Псковской губернии на 1863 год. Псков, Типография Губернского правления, 1863.; Памятная книжка Псковской губернии на 1869 год. Псков, Типография Губернского правления, 1869.; Памятная книжка Псковской губернии на 1881 год. Псков, Типография Губернского правления, 1881.; Памятная книжка Псковской губернии на 1888 год. Псков, Типография Губернского правления, 1888.
4. ГАПО, Ф. 23, оп. 1, д. 118; ГАПО, Ф. 23, оп. 1, д. 125.
5. *Анисимов А.* Исторические и статистические сведения о городе Порхове Псковской губернии. – Псковские губернские ведомости. 1873, № 3 – 6 // Порхов и его уезд: Сборник дореволюционных публикаций / Составитель Н.Ф. Левин. Псков, 2005. С. 65 – 89; *Лебедев Е.Е.* Город Порхов Псковской губернии. 1387 – 1887: Исторический набросок. Псков, 1887 // Там же. С. 170 – 210.; *Любимов В.* Порхов. Статистико-географический словарь Порховского уезда Псковской губернии. Вып. IV. Псков, 1896 // Там же. С. 378 – 389.
6. Памятная книжка... на 1863 год... С. 9.
7. *Любимов В.* Порхов... С. 386.
8. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 34. Псковская губерния. Санкт-Петербург, Центральный Статистический комитет. Тетрадь 2. 1904. С. 160 – 163.
9. *Любимов В.* Порхов... С. 386.
10. Памятная книжка... на 1859 год... С. 61; Памятная книжка... на 1864 год... Таблица 8.
11. Памятная книжка... на 1874 год... С. 195; Памятная книжка... на 1881 год... С. 104.
12. Памятная книжка... на 1874 год... С. 191 – 192; Памятная книжка... на 1881 год... С. 102; Памятная книжка... на 1888 год... С. 72, 77 – 78.
13. Первая всеобщая перепись... Тетрадь 2. 1904. С. 160 – 163.
14. Памятная книжка... на 1859 год... С. 9; Статистико-географический словарь... С. 317; Первая всеобщая перепись... Тетрадь 2. 1904. С. 38 – 39.
15. Первая всеобщая перепись... Тетрадь 2. 1904. С. 106.

16. Там же. С. 106.
17. Памятная книжка... на 1861 год... С. 78.; Памятная книжка... на 1888 год... С. 73.
18. Памятная книжка... на 1861 год...С. 119.; Памятная книжка... на 1888 год... С. 107 - 109.
19. *Любимов В.* Порхов... С. 386.
20. Памятная книжка... на 1859 год...С. 9.; Памятная книжка... на 1864 год... Таблица 1а.
21. *Лебедев Е.Е.* Город Порхов Псковской губернии... С. 181 – 182.
22. Памятная книжка... на 1869 год... С. 110 - 111.
23. Памятная книжка... на 1869 год...С. 131; *Лебедев Е.Е.* Город Порхов Псковской губернии... С. 182.
24. *Любимов В.* Порхов... С. 384.
25. Первая всеобщая перепись... Тетрадь 2. 1904. С. 41.
26. Памятная книжка... на 1863 год...С. 18 – 20; Первая всеобщая перепись... Тетрадь 2. 1904. С. 3.
27. Памятная книжка... на 1869 год...С. 53.
28. *Анисимов А.* Исторические и статистические сведения о городе Порхове... С. 79.
29. Памятная книжка... на 1861 год...С. 85.
30. Уездные города Псковской губернии / Редактор-составитель М.М. Медников. Псков, 2004. С. 166 – 167.
31. Там же. С. 160 – 161.
32. Памятная книжка... на 1863 год...С. 75; Памятная книжка... на 1864 год...С. 32.
33. ГАПО, Ф. 23, оп. 1, д. 125, л. 28.
34. ГАПО, Ф. 23, оп. 1, д. 118, л. 43.

С.В. Мусеев

ПОРХОВ XVIII ВЕКА ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Цель данной работы – привлечь внимание исследователей и дать обзор комплекса не востребовавшихся и не введенных в научный оборот источников XVIII в. по истории Порхова, хранящихся в Государственном историческом архиве Новгородской области (ГИАНО).

Как известно, до конца 1770-х гг. Порхов с его округой находился в административном подчинении Новгорода – в составе Новгородской губернии. Таким образом, центральное делопроизводство осуществлялось в Новгороде, в архивах различных учреждений которого отложились документы по истории Порхова.

Мы остановимся на документах делопроизводства, осуществлявшегося в рассматриваемый период центральным органом церковного управления обширной Новгородской епархией – Новгородской духовной консисторией (НДК).

В составе её архива сохранился комплекс документов Шелонского духовного правления, совершавшего деятельность на территории Шелонской пятины, в состав которой до конца XVIII в. входили в том числе Великолуцкий, Холмский, Старорусский уезды. Порхов с прилегающей территорией также находился в Шелонской пятине в её Зарусской половине.

Церковное подчинение Порховского уезда с его центральным органом – Порховским духовным правлением – НДК, как следует из документов ГИАНО, продолжалось до конца 1780-х гг.

Архивный фонд НДК (Ф.480) ныне хранится в ГИАНО и насчитывает около 6500 дел с 1702 по 1918 гг. Несмотря на значительные утраты, в фонде сохранились источники, позволяющие раскрыть ряд сюжетов истории Порхова XVIII в. Самый ранний документ датируется 1712, а наиболее поздний – 1787 гг., хотя имеется дело за 1838 г.

В основу делопроизводства была положена приходская система.

В феврале 1774 г. в НДК были составлены списки погостов, вошедших во вновь образованные уезды Новгородской губернии. Так, в Порховский уезд вошло 25 погостов с общим населением 31 221 человек¹.

Значителен комплекс документов по населению Порховской округи (позднее – уезда). Это статистические сводки о бывших и не бывших на исповеди и у причастия, исповедные росписи и др.

Имеются ведомости о семейном положении священнослужителей храмов Порхова и уезда. Например, за 1782 г. они охватывают 41 приход².

Группа документов относится к деятельности Порховского духовного правления. Это донесения и рапорты правления в НДК от

января 1780³ и апреля 1787 гг.⁴ по вопросам приходской жизни; рапорты пяти благочинных Порховского уезда и настоятеля Троицкого собора о. Иоанна Спасского в Порховское духовное правление от июня – июля 1838 г. о религиозно-нравственном состоянии приходов⁵.

Другая группа документов относится к истории Благовещенского монастыря Никандровой пустыни. Сохранились послужные списки и реестры монашествующих за 1733, 1734, 1857 и др. годы; ⁶ сведения о состоянии обители 1780 г.⁷, переписка.

Интерес представляет дело 1774 г. о спорной церковной земле Опоцкого погоста. В нем подробно излагается история формирования церковной земельной собственности с конца XVI в. и современного ему спора между клириками и экономическими крестьянами, которые завладели землей и били священника Бориса Аверкиева⁸.

Документы, относящиеся собственно к Порхову, можно разделить на две самостоятельные группы:

1. О населении города.
2. О состоянии и деятельности церквей и монастырей.

Первую значительную группу документов составляют донесения, ежегодные сводки о бывших и не бывших на исповеди и у причастия, исповедные росписи по Порхову и округе. Они дают статистическую картину населения Порхова, динамику его движения в XVIII в., в том числе по сословиям. В них население традиционно расписано по приходам: Соборной Никольской и Покровской церквей, а также Рождественского и Спасского монастырей. Заметим, что Успенский монастырь в рассматриваемых нами документах не упоминается.

Самое раннее в этой группе – донесение священника Рождественского девичьего монастыря Василия Игнатьева о не бывших на исповеди и у причастия в Великий пост 1718 г.⁹.

Ежегодные сводки представлены за 1740, 1741, 1743, 1746, 1748, 1749, 1755 гг.¹⁰

В каждом приходе указано количество дворов, а внутри население распределено «по чинам»: духовные, военные, приказные, разночинцы, посадские, дворовые, поселяне и по должностям: попы, диаконы, пономари, обер-офицеры, канцеляристы, копиисты, дворя-

не городские служилые, ямщики, посадские жители, дворовые люди, крестьяне. Внутри каждой группы выделены: мужчины, женщины, дети.

Как следует из сводок, количество дворов в приходах изменялось (с ростом). На 1740 г. оно составляло: в Никольском приходе – 84, Покровском – 79, Рождественском – 62 и Спасском – 1 (всего 225 дворов). За 15 лет (на 1755 г.) при Никольской церкви оно увеличилось до 109, а при Рождественской – до 124 (вдвое). Всего 304 двора.

Количество мужчин с 1740 по 1755 гг. колебалось (с ростом) от 1128 до 1270 человек, тогда как женское население было более стабильным и оставалось практически без изменений: 934–935–967 человек¹¹.

Самую значительную группу горожан составляли «посадские»: 899 из 2062 человек населения Порхова в 1740 г. За посадскими следовали крестьяне (крестьяне) – 867. Духовных насчитывалось 64, а дворян – 57 человек. 2/3 населения города составляли дети (1366 человек)¹².

Таким образом, в Порхове уже в 1740-е гг. население превышало 2000 человек. Документы ГИАНО опровергают, в частности, данные хрестоматийно известной книги Е.Е. Лебедева «Порхов и его окрестности», в которой население занижено как минимум вдвое¹³.

О естественном движении населения города свидетельствует сводка из метрических книг о родившихся, бракосочетавшихся и умерших по приходам в 1763 г. (Никольская и Покровская церкви, Рождественский монастырь). В этом году в Порхове родилось 20 мальчиков и 6 девочек (26 человек). Было заключено 18 браков (36 человек). Умерло 11 мужчин и 7 женщин (18 человек)¹⁴.

В архивном фонде НДК имеются исповедные росписи по Порхову. Этот источник позволяет определить социальный, семейный, возрастной состав порховчан XVIII в. За 1747 г. росписи сохранились только по одному приходу – Покровской церкви (71 двор; 371 мужчина, 317 женщин).¹⁵ За 1760 г. росписи представлены по трем приходам: Никольской соборной церкви (114 дворов; 362 мужчины, 329 женщин), Покровской церкви (106 дворов; 419 мужчин, 357 женщин) и Рождественскому монастырю (132 двора; 549 мужчин, 419 женщин)¹⁶.

В них население Порхова расписано по сословиям: духовенство, военные, посадские люди, крепостные и т.д. Крепостные (дворовые люди) расписаны по их владельцам (помещикам) – по усадищам, что позволяет определить и структуру землевладения, и крепостного права на данной территории. Внутри население расписано по дворам (семьям).

Самую значительную часть населения в 1747 г. составляли посадские. Средняя семья состояла из родителей и 3–4 детей. Часто в одном дворе проживали братья, сестры с детьми и племянниками.

Вторую группу составляют документы о состоянии и деятельности церквей и монастырей.

В переписке содержится наиболее ранний из выявленных нами документов. Это донесение от 12 июня 1712 г. духовенства г. Порхова: николаевского попа Никифора Иванова, покровского – Аникия Минина, рождественского – Василия Игнатъева «с причетники» митрополиту Великоновгородскому и Великолукскому Иову по вопросу «о высылке в Новгород поповских детей, которые явятся в посаде»¹⁷.

В 1722 г. церковнослужители Шелонской пятины должны были представить в Новгород сведения о времени строительства подведомственных им храмов.

В деле донесений за 1722 г. о соборной Никольской церкви священник Василий Игнатъев с причетниками сообщают, что она «... построена из древних лет ... в каких годах, о том она не известна ...»¹⁸. О Покровской церкви священник Аникий Минин с причетниками сообщают, что «... она церковь построена издревле на градской земле... и в коих годах о том не известна, для того, что о строении тое церкви летописца у них не обретается ...». Они же сообщают, что рядом стоит теплая церковь Пресвятой Богородицы Одигитрии, построенная в 1710 г. по обещанию порховского отставного подьячего Федота Сергеева¹⁹.

Однако уже в ведомости о церквях и священнослужителях Порхова, составленной около 1750 г. на основе неуказанного источника, приводятся сведения о времени строительства храмов. Так, о Никольской соборной церкви сказано, что она построена в 1505/6 гг. (7014), о Покровской – в 1510/11 гг. (7019)²⁰.

Какие-то крупные строительные работы велись в конце 1720-х гг. в церкви Рождества Богородицы девичьего монастыря. 9 января 1729 г. ученик Санкт-Петербургской академии Петр Максимович Пантелеев подал новгородскому архиерею прошение о благословении на её освящение²¹.

Имеющиеся в фонде выписки из приходно-расходных книг по Никольской и Покровской церквам за 1763 г. позволяют оценить экономическое состояние приходов²².

Картину экономического положения порховских монастырей раскрывают описи грамот монастырей Новгородской епархии 1764 г. Так, Спасский монастырь имел 3 акта: 1) запись 1690 г. от Богдана Евсеева Лаврова на земельные угодья, 2) строителю монастыря иеродиакону Аркадию с братией на земельные владения и 3) память 1684 г. из Новгородской приказной палаты Тимофея Иванова Воронова выпись из Писцовых книг 1707, 1710 и 1711 гг. о земельных владениях обители в Облуцком погосте²³.

Рождественский монастырь обладал 8 актами: 1) грамотой царя Алексея Михайловича от 22 марта 1649 г., данной игуменье Маремьяне на земельные владения в околородьи и Карачунецком погосте, 2) выписью, данной по указу великих князей и царей Иоанна и Петра Алексеевичей от 19 марта 1685 г. воеводы князя Михаила Яковлевича Черкасского игуменье Ираиде на земельные владения, 3–6) четырьмя отпускными 1760 г. на уволенных крепостных помещика Ивана Спиридонова Лаврова, 7–8) двумя выписями 1761 и 1762 гг. из Порховской воеводской канцелярии, данными игуменье Александре на уволенных крепостных, приписанных к монастырю²⁴.

В XVIII в. широкое распространение получила монастырская ссылка. Донесением от июля 1764 г. игумен Спасского монастыря Иосиф сообщает НДК, что «... в ... монастыре никаких в содержании колодников не имеется»²⁵.

На редкость информативным источником являются «сказки» монашествующих монастырей Шелонской пятины за 1734 г. В них содержатся обширные биографические и послужные сведения о насельниках Рождественского девичьего²⁶ и Спасского мужского²⁷ монастырей.

К тому времени Рождественским монастырем почти 30 лет управляла игуменья Александра Лавровых, 52 лет от роду, уроженка Вышегородского погоста. В обители проживало 13 монахинь, самой молодой из которых было 45 лет, и одна 92-летняя схимонахиня Евфросинья. Большинство из них были уроженками Порхова.

Во главе Спасского монастыря стоял строитель иеромонах Митрофан 67 лет, постриженник Никандровой пустыни. Кроме него, в обители было только два монаха: иеромонах Макарий 64 лет и казначей Никифор 59 лет.

В «сказках» приводятся имя, отчество, фамилия, дата и место рождения, пострижения, сведения о родителях, владении ремеслом и проч., что позволяет уточнить социальный состав монашествующих. Вместе с тем даже из возраста монашествующих прослеживается секуляризационная политика государства в отношении монастырей.

По Спасскому монастырю сохранились «сказки» и за предыдущий 1733 г.²⁸

Статистические сводки о количестве монашествующих и монастырских служителей за 1741 г. сообщают, что в Спасском монастыре числится 6 человек: строитель-иеромонах, «присланный по указу вдовой поп», дьячек, пономарь и «взятые из крестьянства работники — хлебной и коровница». В Рождественском было 9 человек: игуменья, казначей и 7 «простых монахинь»²⁹.

Послужные и семейные сведения о порховском духовенстве содержатся в ведомости, составленной около 1750 г. В Никольской соборной церкви служение совершали: поп Тимофей Иеремиев 46 лет и пономарь Кирила Яковлев 25 лет, в Покровской — поп Антип Иродионов 46 лет, дьячек Аникий Антипов 23 лет и пономарь Анисим Иродионов 49 лет³⁰.

Сохранилось расписание штатной численности священнослужителей Никольской и Покровской церквей 1749 г.³¹, а также списки исповедовавшихся в Рождественский пост 1750 г. порховских священнослужителей³².

В ведомости за 1764 г. расписано духовенство всех четырех приходов Порхова. Спасский и Рождественский монастыри значатся уже

упраздненными. При Никольской и Покровской церквях проходят священник, диакон, дьячек и пономарь, а при бывших монастырских: Спасском — священник, дьячек и пономарь; Рождественском — только дьячек и пономарь³³.

Частный эпизод характеризует взаимоотношения между клириками и их положение. Это — прошение дьячка порховского Николаевского собора Семена Сысоева от марта 1780 г., поданное архиепископу Великоновгородскому и Санкт-Петербургскому Гавриилу, о переводе его к другому приходу.

В феврале проситель подал архиепископу прошение о рукоположении его во диакона на праздную вакансию Никольского собора в Порхове. Соборный священник Иоанн Васильев, он же член Порховского духовного правления, как пишет проситель, «... больше гнева и злобы на меня начал нести ... а хотя приходские люди меня и желают быть при соборной нашей церкви диаконом, ... но точию мне по вышеозначенной злобе нашего священника при соборной церкви быть невозможно, да еще при нашей церкви мне здворка и огорода не выделено, и дому мне своего поставить негде, а живу и квартиру себе нанимаю, и всякие огородные овощи для употребления в пищу покупаю и тем довольствуюсь, отчего приемлю себе против протчих напрасный убыток и разорение.» И далее он просит перевести его к церкви упраздненного Лятского монастыря под Новгородом, где «... дьячка и пономаря не имеется и в священнослужении обстоит немалая нужда, да и священник того монастыря во дьячка к себе меня принять желает ...» Последовавшая 24 марта резолюция архиепископа гласит: «... консистории просителя в Лятской монастырь дьячком определить...»³⁴.

Конечно же, мы не ставили своей целью выявление всех документов по Порхову XVIII в. Мы привели лишь основные, позволяющие, на наш взгляд, наметить ряд объектов и пути их изучения.

Надеемся, что источники по Порхову и его округе, хранящиеся в ГИАНО, смогут составить базу для разносторонних исследований, к которым мы и призываем историков.

Документы архива будут неоценимым подспорьем для написания истории города, формирования и структуры его населения. Ис-

Население Порхова по исповедным документам

Год	Никольская церковь		Покровская церковь		Спасский монастырь		Рождественский монастырь		Итого	
	дворов	жениц	дворов	жениц	дворов	жениц	дворов	жениц	дворов	жениц
1740 (Д.451)	84	383	79	327	.	5	62	413	225	934
1741 (Д.475)	84	364	78	334	1	5	74	376	237	939
1743 (Д.542)	80	413	57	312	3	6	4(1)	506		897
1746 (Д.626)	63	406	65	417	.	.	76	415	204	811
1747 (Д.648)			71	371						
1748 (Д.674)	105	406	167(2)	373	2	4	85	423	359	935
1749 (Д.697)	141(2)	453	89	421	1	3	74	396	304	932
1755 (Д.1280)	109	303	71	343(3)	2	6	124	567	306	973
1760 (Д.1145)	114	362	106	419	.	.	132	549	352	1105

1. Описка в документе. По-видимому, 74.
2. Вероятно, описка в документе.
3. Из-за плохого состояния документа вторую цифру прочитать невозможно.

точные по истории церквей и монастырей позволят выявить биографические сведения и внести дополнения в фундаментальные справочники о российских священнослужителях и настоятелях монастырей.

При критическом подходе и привлечении других источников, документы ГИАНО помогут восстановить реальную картину жизни Порхова XVIII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГИАНО. Ф.480. Оп.1. Д. 1489. Л. 1-2об.
2. Там же. Д. 1675. Л. 1-64
3. Там же. Д. 1618. Л. 122-123
4. Там же. Д. 1717. Л. 4-5
5. Там же. Д. 2947. Л. 1-8
6. Там же. Д. 303,319,3162
7. Там же. Д. 1618. Л. 172-175, 346-347
8. Там же. Д. 1497. Л. 1-16
9. Там же. Д. 37. Л. 4-4об.
10. Там же. Д. 451. Л. 1-2; Д. 475. Л. 1-2; Д. 542. Л. 25-26; Д. 626. Л. 1-2; Д. 674. Л. 1-2; Д. 697. Л. 1-2,17об.; Д. 1280. Л. 7-7об., 20об.
11. Там же. Д. 451. Л. 1-2; Д. 1280. Л. 7-7об., 20
12. Там же. Д. 451. Л. 1-2
13. *Лебедев Е.Е.* Порхов и его окрестности. Исторический очерк. Новгород, 1915. С.40. Лебедев ссылается на источники XIX в. и сообщает, что в 1745 г. мужское население Порхова составляло 549 человек, а в 1779 – 614; в 1780-е гг. общее население – 1631 человек.
14. ГИАНО. Ф.480. Оп. 1. Д. 1280. Л. 1
15. Там же. Д. 648. Л. 78-91
16. Там же. Д. 1145. Л. 27-60об.
17. Там же. Д. 8. Л. 1
18. Там же. Д. 81. Л. 50об.
19. Там же. Л. 51об.
20. Там же. Д. 1314. Л. 1-1об.
21. Там же. Д. 774. Л. 25. № 154
22. Там же. Д. 1319. Л. 3-4, 5-5об.
23. Там же. Д. 1354-А. Л. 185-185об.
24. Там же. Л. 219-219об.
25. Там же. Д. 1180. Л. 5
26. Там же. Д. 319. Л. 9-18
27. Там же. Л. 19-22
28. Там же. Д. 303. Л. 16-22

29. Там же. Д. 481. Л. 34-34об., 119-119об.

30. Там же. Д. 1314. Л. 1-1об.

31. Там же. Д. 698. Л. 48об.-49

32. Там же. Д. 734. Л. 33

33. Там же. Д. 1341. Л. 2, 19

34. Там же. Д. 1618. Л.285-285об.

С.В. Мусеев

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ ОПОЦКОГО ПОГОСТА В XV - XVIII ВВ.

В сентябре 2004 г. в ходе VI Порховских краеведческих чтений благодаря любезному приглашению организаторов мы имели замечательную возможность посетить село Опоки Порховского района.

Это поселение расположено примерно в 30 км к северу от Порхова, ниже по течению реки Шелони.

Мы не будем вдаваться в историю Опоцкого погоста, которая в общем известна по многочисленным публикациям. Остановимся на церковной истории этого места и анализе источников – писцовых описаний XV–XVIII вв. и документов XVIII в., хранящихся в фонде Новгородской духовной консистории Государственного исторического архива Новгородской области (ГИАНО)¹.

В XV–XVIII вв. Опоцкий погост находился в Шелонской пятине (Залесская половина) Новгородского уезда. С конца XV в. по 1670-е гг. погост был переписан не менее 8 раз с промежутками в среднем в 10–20 лет.

Это писцовые книги Шелонской пятины, письма Матфея Ивановича Валуева 1497/98 г., письма Владимира Безобразова 1575/76 г., Порховского уезда письма и меры Григория Бундова и подьячего Ждана Алабухина 1584/85 г., дозорные книги Залесской половины, письма и дозора подьячих Степана Собакина, Суботы Никифорова и Кузьмы Высокого 1595 г., Зарусской и Залесской половин письма и дозора князя Василия Волконского и подьячего Василия Андреева

1627–29 гг., переписная книга Зарусской и Залесской половин переписи Степана Глебова 1646/47 г., дозорная и переписные книги Зарусской и Залесской половин Шелонской пятины переписи Самуила Дмитриевича Тыркова 1668/69г. и переписи стольника Степана Александровича Аничкова и подьячего Антипы Федорова 1677/78 г. и др.².

В этих книгах приводится значительный фактический материал по Опоцкому погосту и перечисляются церковные, поместные, порозжие, монастырские земли и их владельцы.

Наиболее раннюю информацию об Опоцком погосте дает Писцовая книга Шелонской пятины письма Матфея Ивановича Валуева 1497/98 г.

Из нее следует, что в XV в. здесь находились земельные владения новгородского Владыки, трех новгородских монастырей: Росткина Ивановского, Сокольничьего Никольского, Воскресенского с Красной Горки, а также своеземцев и помещиков. Была здесь и собственность Марфы Исаковой – знаменитой новгородской посадницы Марфы Борецкой (часть «вопщей деревни Лютой»)³.

После известных событий 1470-х гг., связанных с походом Ивана III на Новгород и утратой новгородской самостоятельности, многие земли Опоцкого погоста, прежде всего монастырские, были отписаны на Великого князя. Так, ему принадлежали деревня Полосы⁴ и сельцо Гостижицы (позднее Костыжецы)⁵.

Писцовая книга 1497/98 г. сообщает, что Опоцкий (Опотыцкой) погост стоит на земле Великого князя, которая прежде принадлежала Росткину монастырю. На погосте стояли 13 дворов (23 человека), которые платят «оброку и за позем 5 гривен», да 2 нетяглых двора церковного причта. Среди непахотных людей погоста, «промышляющих торгом и извозом», книга отмечает гончара Мартынку Обакумова и швеца Галаша⁶. Среди крупных землевладельцев упомянуты Степан Пушкин и Иван Татищев.

Иную картину дает Писцовая книга Шелонской пятины письма Владимира Безобразова 1575/76 г. На момент описания множество окрестных деревень запустело, «потому что старые помещики, которым государь в уделе быти не велел, и те помещики до писма ис того погоста выехали, а про оклад сказати некому...»⁷. Даже деревянная церковь Николы в Гостижецах стояла пуста.

Всего, по подсчетам историка А.М. Андрияшева, в Опоцком погосте к концу XVI в. насчитывалось 113 поселений. В погосте числилось 248 1/2 обжи земли (обжа – 5–9 десятин земли). Земли делились на оброчные (131 1/2 об.), помещичьи (9 владельцев – 108 об.), земцев (2 чел. – 3 об.), монастырские (Ильинский монастырь – 6 об.)⁸.

Теперь обратимся непосредственно к церковному устройству Опоцкого погоста и ряду проблем его церковной истории. Писцовая книга 1575/76г. сообщает, что на Опоцком погосте стоит каменный храм святителя Николая с приделом великомученика Георгия⁹.

Археолог Вл. В. Седов, посвятивший монографическое исследование каменным храмам на Шелони¹⁰ и, в частности, Никольской Опоцкой церкви, в результате источниковых и археологических изысканий пришел к выводу, что храм был построен на рубеже XIII–XIV вв.¹¹ В 1990–1991 гг. археологическими исследованиями было открыто основание Никольской церкви и придела Георгия. Седов считает, что культурный слой с керамикой XIII в. «дает исходную точку для датировки» строительства храма. Привлекая типологии новгородской архитектуры, автор делает выводы о времени его строительства.

Однако мы не можем разделить его точку зрения на храм Николая по двум соображениям.

Во-первых, археолог сообщает, что во время исследований «внутри храма» обнаружены погребения XIV–XV вв., сделанные «во время существования памятника»¹².

Как известно, в приходских храмах не погребали. Погребения внутри храма в данном контексте могли оказаться только до его строительства (от старого некрополя), располагавшегося вокруг храма – предшественника. Таким образом, храм строили уже на месте существовавшего приходского кладбища, и не ранее, чем в XV в., а вероятнее – во 2-й его половине.

Во-вторых, основополагающим фактором для датировки строительства церкви Николы, на наш взгляд, служит сообщение Писцовой книги 1497/98 г., которое почему-то осталось вне поля зрения Вл.В. Седова. Книга однозначно сообщает: «Погост Опотыцкой... А на нем церковь Никола Великий... а ставят и строят всем погостом»¹³.

Таким образом, время строительства каменного Никольского храма следует отнести к 1490-м гг.

В результате военных событий конца XVI – начала XVII вв. храм запустел и разрушался на протяжении XVII в. Об этом свидетельствует рисунок из книги Мейерберга 1661 г., на котором запечатлен Опоцкий погост. С ликвидацией Ильинского Опоцкого монастыря в 1688 г. приход был перенесен на левый берег Шелони в Ильинскую церковь.

Не меньше загадок связано и с Опоцким Ильинским монастырем. История его основания теряется в веках. Сведения, сообщаемые в письменных источниках, отрывочны и противоречивы. Исследователи считают, что Ильинский мужской монастырь в Опоцком погосте был основан в XVI в.¹⁴ Однако свидетельства более раннего его существования содержатся в Писцовой книге Шелонской пятины 1497/98 г. В Опоцком погосте упоминаются «монастырские деревни Илии святаго с Опок с Шолони». По этой книге, в конце XV в. Ильинскому монастырю принадлежали деревни: Вежища (2 двора), Горка (1 двор), да часть «опчей деревни» (2 двора) – всего 12 человек. Крестьяне платили монастырю оброк: 4 гривны, четверть хлеба, полсемь коробьи солода, пол-третьи коробьи хмелю, 13 сыров и 90 яиц¹⁵.

Наиболее ранние сведения о постройках и штате Ильинского монастыря содержатся в Писцовой книге Шелонской пятины письма Владимира Безобразова 1575/1576 г. Она сообщает, что в обители стоит каменный храм Ильи-пророка с приделом Благовещения Пресвятой Богородицы. Монастырем управляет игумен; здесь проживают 11 старцев, черный поп Васьян, 7 монастырских слуг и 4 дружинника.

Монастырю принадлежала деревня Путилова (2 двора); на монастырской земле находилось 28 беспашенных «дворцов», с которых монастырь получал доход. Обитель имела льготы по грамоте новгородских дьяков с 1575 по 1578 гг.¹⁶

Писцовая книга Порховского уезда письма и меры Григория Бундова и подьячего Ждана Алабухина 1584/85г. упоминает тот же храм и настоятеля – игумена Нафанаила, двух старцев, 5 монастырских слуг, 4 дружинника¹⁷.

В Российском государственном архиве древних актов (г. Москва) в фонде Вотчинной конторы по Новгороду сохранился любопытный документ, запечатлевший состояние Ильинского монастыря конца XVI в. Это подробная опись имущества обители, составленная 1 сентября 1596 г.¹⁸ На сегодняшний день известны считанные единицы монастырских описей XVI в. Они принадлежат крупнейшим монастырям России – Соловецкому, Иосифову Волоколамскому и др. Все они к настоящему времени опубликованы.

Опись Ильинского монастыря – единственная из Новгородских, относящихся к XVI в. и до сих пор не опубликованная. Ее уникальность заключается в том, что она раскрывает комплекс рядовой, малобратственной обители. Она составлена приехавшим по указу царя Феодора Иоанновича «сыном боярским» Пауком Косицким, а также священником церкви Николы Андреем Малафеевым с дьячком Антонкой Андреевым (писец) в присутствии местных выборных крестьян «по челобитью» нового игумена Опоцкого монастыря Корнилия «переписать ему монастырь» (т.е. передать ему от прежнего настоятеля).

По описи, в 1596 г. в монастыре значится каменный храм Ильи-пророка с иконостасом и богослужебной утварью. Отмечена и библиотека – более 10 богослужебных книг. В приделе Благовещения иконостас отсутствовал («стоит без образ»). Вокруг монастыря была «ограда худа», святые ворота с 6 иконами. Около храма располагались «трапеза на мшанике», клеть на подклете, сенник, келья игумена, клеть на мшаннике с сенями, 2 кельи, хлебня, мшанник. За ручьем стояли 2 кельи, житница, хозяйственная келья.

Рядом с монастырем находились коровник, 2 хлева, келья и клетка. Из скота имелись: 6 лошадей, 10 коров дойных, 5 нетелей, 4 бычка, 6 телят, 9 овец, 1 баран. В житнице хлеба не имелось, а в гумне хранилась немолоченая рожь.

В посаде насчитывалось 24 двора крестьян; среди них – портной Терешка и сапожник Иванко. В монастыре проживали игумен Корнилий, старцы Афонасий, Давид, Михайла, Киприян, 2 работника и 2 дружинника.

Картину упадка дополняет описание монастырских земель и пус-

тошей: «лежат пусты, ни паханы, ни кошены и лесом поросли»¹⁹.

Документ 1628 г. сообщает об Ильинском храме, трех кельях, монастырском скотном дворе²⁰.

В 1687 г. указом новгородского митрополита Корнилия (на кафедре с 1674 по 1695 гг.) монастырь был приписан к Новгородскому Архиерейскому Дому и вскоре упразднен. Монахов перевели в другие обители, а храм обратили в приходский. В 1688 г. при церкви уже был белый священник с причтом. К моменту ликвидации монастырь владел 15 дворами в подмонастырской слободке и тремя деревнями, в которых насчитывалось 7 дворов. Монастырю принадлежало 355 четвертей пахотной земли с сенокосами в 872 копны²¹.

Одна из загадок Ильинского монастыря заключается в том, что документы с 1628 г. сообщают о стоящем здесь деревянном храме Ильи-пророка, тогда как источники II половины XVI в. говорят о каменной церкви. Несомненно, в связи с политическими и военными событиями II половины XVI – начала XVII вв. монастырский храм обветшал и стоял руинированным. Об этом свидетельствует уже упоминавшийся рисунок Мейерберга 1661 г.

Возможно, после польско-литовской интервенции начала XVII в. в связи с большими разрушениями и запустением окрестных мест монастырь был перенесен на новое место – туда, где сейчас стоит Благовещенская церковь. Переносы монастырей в древности случались неоднократно в связи с природными и военными факторами.

Здесь, вероятно, и был срублен новый деревянный монастырский Ильинский храм, упоминаемый источником 1628 г.

В 100 метрах к югу от Благовещенского храма находится всхолмление; старожилы называют это урочище «монастырь». Вероятно, здесь и располагалась древняя Ильинская обитель. Археологическими исследованиями 1991 г. на этом месте была обнаружена каменная стена, предположительно храма²². Однако на сегодняшний день это лишь предположение. Требуется привлечение дополнительного материала, в т.ч. планов межеваний XVIII в., проведение комплексных исследований, которые, вероятно, смогут ответить на вопрос о том, переносился ли Ильинский монастырь в XVII в.

Еще один любопытный сюжет связан с концом XVII в. У современной Благовещенской церкви до наших дней сохранились два

многовековых дуба. Документ 1687 г. помимо перечисления монастырских построек (храма, двух келий, ограды) сообщает и о двух монастырских колоколах, укрепленных «на дубу»²³.

Отписка церковного причта от августа 1722 г. сообщает об одном Ильинском храме, не уточняя материала, из которого он сооружен²⁴.

В отписке от 1733 г. причт сообщает о двух церквях:

– Ильи-пророка,

– Благовещения Пресвятой Богородицы с приделом Рождества Иоанна Предтечи с пометой «исстари деревянного строения»²⁵.

Появление второго храма, возможно, было обусловлено ветхостью прежнего или потребностью прихода иметь более вместительный, а может быть, зимний, т.е. теплый, храм.

Одним из датирующих признаков, позволяющим хоть как-то обозначить время строительства каменной Ильинской церкви, является опись монастыря 1596 г., согласно которой в деисусном чине храма имелся образ «Сергий преподобный»²⁶. Как известно, канонизация преподобного Сергия Радонежского состоялась в 1422 г. Первый храм, посвященный этому святому, появляется в Новгородской земле в 1459/1463 гг. Таким образом, если деисус являлся первоначальным, строительство храма не может быть отнесено ко времени ранее II половины XV в.

Храмы Николая в погосте и Илии в монастыре, по-видимому, были однотипны: каменные постройки с каменными приделами. Конечно же, представление об Ильинском храме могут дать только полные археологические исследования. Но мы склонны видеть именно последовательное появление обоих храмов в Опочком погосте в конце XV – начале XVI вв.

Теперь следует сказать несколько слов об основателе монастыря. Источники называют первым игуменом обители Иоакима. Краевед Е.Е. Лебедев и др. считают, что Иоаким «жил в конце XVI и в начале XVII вв.»²⁷. Но Писцовая книга 1575/76 г. игуменом монастыря называет Савватия²⁸. Архиепископ Сергей (Спасский) в «Полном месяцеслове Востока» сообщает, что Иоаким преставился в 1550 г.²⁹

Таким образом, время основания монастыря, сообразуясь с Писцовой книгой 1497/98 г., следует отнести, как минимум, к концу XV в.

Иоаким является местночтимым святым (преподобный Иоаким Опочский); церковные источники относят его память к 9 сентября ст. ст.³⁰ Как известно, в этот день (на второй день праздника Рождества Пресвятой Богородицы) отмечается память ее родителей – праведных Богоотец Иоакима и Анны. Преподобный Иоаким Опочский включен в Собор Новгородских святых (переходящее празднование в 3-ю неделю по Пятидесятнице)³¹. Имеются сообщения о том, что мощи Иоакима обреты 19 апреля; большинство источников сообщают, что они находятся под спудом в нынешней Благовещенской церкви, построенной в 1772 г. на месте монастырского храма. Но в современной церкви нет никаких свидетельств о мощах преподобного. Архиепископ Сергей дает отсылку об обретении мощей к источнику от 1621 г.³² Возможно, с этим периодом было связано не столько обретение мощей, сколько проведение значительных строительных работ.

В XVIII в. Опочский погост является крупным приходским центром. Население стремительно увеличивается. В 1740 г. оно уже составляет более тысячи человек (1043 чел.: 546 мужчин, 497 женщин при количестве дворов - 71)³³. За 15 лет (к 1755 г.) количество дворов увеличивается вдвое (149 дворов), а численность населения – на 345 человек. Общее число населения в 1755 г. – 1388 человек (757 мужчин и 631 женщина). Из них: духовных – 19 чел., военных (обер-офицер и его жена) – 2, разночинцев – 251, дворовых – 385, поселян – 731³⁴. О естественном движении населения свидетельствует ведомость за 1763 г. В этом году в приходе родилось 29 человек (22 мужчины и 7 женщин); было заключено 11 браков, умерло 18 человек (8 мужчин и 10 женщин)³⁵.

О причте Опочского погоста в средневековый период мы можем судить по писцовым книгам.

В 1490-е гг. в Никольском храме служили «поп» Иван и дьяк Михаил³⁶. В 1576 г. церковный причт состоял из «попа» Андрея Малафеева, дьячка Иванки Григорьева, пономаря Злобы Малафеева и «проскурни» Овдотьи Семеновой³⁷. В 1722 г. в Ильинской церкви

служили священник Федор Федоров, диакон Стахий Иванов, пономарь Иван Стахеев³⁸. В 1733 г. здесь числятся священник Лев Федоров, диакон Стахий Иванов, пономарь Аверкий Григорьев³⁹. В 1764 г. пономарь Аверкий Григорьев уже священник; с ним служит диакон Борис Аверкиев, дьячок Галактион Исаков и пономарь Федор Львов⁴⁰.

Во II половине XVIII в. население погоста настолько увеличивается, что по документу 1782 г. в приходской церкви уже служит двухчленный причт. Это священники Иоанн Корнилов 38 лет и Борис Аверкиев 47 лет (вдовец), диакон Матфей Аверкиев 32 лет и два дьячка: Иван Галактионов 27 лет и Антон Федоров 20 лет, а также пономарь Федор Львов 50 лет⁴¹. Возможно, священники Федор Федоров, Лев Федоров и пономарь Федор Львов были соответственно дедом, отцом и внуком; священник Борис Аверкиев и диакон Матфей Аверкиев, возможно, являлись сыновьями пономаря Аверкия Григорьева; дьячок Галактион Исаков и дьячок Иван Галактионов – вероятно, отец и сын.

Семейная преемственность церковных должностей для клира XVIII в. являлась характерной, традиционной чертой.

Значительный рост населения погоста в XVIII в. породил типичное явление: стал одной из причин конфликта, разгоревшегося между крестьянами и церковным причтом. В ГИАНО сохранилось дело 1774 г. о захвате местным населением церковной земли, побоях, нанесенных крестьянами священнику Борису Аверкиеву, и притеснениях причта⁴². Знаменательно, что причт, отстаивая церковную собственность, ссылается на исторические документы XVI – начала XVIII вв. как на неоспоримые основания церковного землевладения.

В заключение нам хотелось бы сказать несколько слов о сформировавшемся к настоящему времени культурном потенциале села Опок и возможных перспективах его использования. Опоки, по нашему убеждению, редчайший, уникальный памятник истории, культуры и природы комплексного характера. Здесь на небольшой территории, сосредоточен сложившийся естественным образом комплекс памятников истории (история древних поселений, погоста), церковной культуры (история монастыря, местных святынь, приходский храм), ар-

хитектуры (церковь Благовещения 1772 г.), искусства (интерьер храма с иконостасами), археологии (остатки церкви Николая, Ильи(?), древних укреплений), природы (река Шелонь, древние дубы). Кроме того, это и мемориальный объект (захоронение героя Отечественной войны 1812 г. Карамышева).

К сожалению, из огромного культурного наследия подобных комплексных памятников нации в любой области остались считанные единицы.

На наш взгляд, возможна и необходима перспективная работа по всем перечисленным направлениям: продолжение археологических исследований, консервация и музеефикация фундаментов каменных храмов, границ древних поселений; обследование крестьянских построек (мы видели в поселении амбар, по-видимому, кон. XIX – нач. XX в., рубленный в лучших традициях крестьянской культуры); привлечение биологов для выявления особенностей местной флоры и т.д. У Опок имеются все основания стать маленьким историко-культурным и природным заповедником. Для последующего поддержания уникального потенциала Опок, его сохранения и, возможно, возрождения необходимы программы, государственное финансирование, включение в туристические маршруты.

Всё это в комплексе предоставит прекрасные возможности для просветительной, образовательной и, если хотите, патриотической работы, направленной, прежде всего, на воспитание подрастающего поколения.

Только при таких условиях возможно сохранение и использование для будущего одного из малых уголков необъятной России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГИАНО. Ф.480
2. Писцовые книги Новгородской земли/ Каталог писцовых книг Русского государства. Вып. 2. М., 2004. С. 416,424,427,451,456–457,466.
3. Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. (Далее - НПК). Т.4. Переписные оброчные книги Шелонской пятины. СПб., 1886. Ст.179.
4. Там же. Ст.163.
5. Там же. Ст.179.
6. Там же. Ст.162.

7. НПК.Т. 5. Книги Шелонской пятины. СПб.,1905. Ст.693.
8. *Андряшев А.М.* Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг.: Списки селений. М., 1914. С. 417–424.
9. НПК.Т.5.Ст.620
10. *Седов В.В.* Новгородская архитектура на Шелони. М., 2001.
11. Там же. С. 44.
12. Там же. С. 38.
13. НПК. Т. 4. Ст. 162.
14. *Зверинский В.В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Т.Ш. Монастыри закрытые до царствования императрицы Екатерины II.СПб.,1897. № 1631; *Любимов П.* Церковные памятники старины в Порховском уезде (историко-археологический очерк)// Псковские губернские ведомости.1897.1 нояб. № XXI. Часть неофиц.; *Лебедев Е.Е.* Порхов и его окрестности. Исторический очерк. Новгород,1915.С.53.
15. НПК.Т.4.Ст.180.
16. НПК.Т.5.Ст.680.
17. *Амвросий(Орнацкий), архим.* История Российской иерархии. Ч. V. М., 1813. С. 366.
18. РГАДА.Ф.1209.Д.16956/797.Л.105–109.
19. Там же.
20. *Амвросий.* История...С.366-367;
21. Там же. С. 366–367; *Макарий (Миролюбов), архим.* Описание Новгородского архиерейского Дома. СПб., 1857. С.72–73. Опочский монастырь значится среди 32 приписных к Архиерейскому Дому.
22. *Седов В.В.* Новгородская... С. 37.
23. *Амвросий.* История... С.3 66.
24. ГИАНО. Ф. 480. Оп.1. Д. 81. Л. 39.
25. Там же. Д. 251. Л. 71.
26. РГАДА. Ф. 1209. Д. 16956/797. Л. 106.
27. *Лебедев Е.Е.* Порхов... С. 53; Статистическо-географический словарь Порховского уезда Псковской губернии. Псков, 1896. Опоки.
28. НПК. Т. 5. Ст. 680.
29. *Сергий (Спасский), архиеп.* Полный месяцеслов Востока. Т. 2. Святой Восток. Ч.1. М.,1997. С. 277.
30. Там же. С.277.
31. Православный церковный календарь.1983г.С.28.
32. *Сергий.* Полный... С.277.
33. ГИАНО.Ф.480.Оп.1.Д.451.Л.26 об.
34. Там же. Д.1280.Л.30.
35. Там же. Л. 2 об.
36. НПК.Т.4.Ст. 163.

37. НПК.Т.5.Ст. 680.

38. ГИАНО.Ф. 480.Оп.1. Д. 81. Л. 39.

39. Там же. Д. 251. Л. 71-72 об.

40. Там же. Д.1341. Л. 7,15.

41. Там же. Д.1675. Л.54-55.

42. Там же. Д.1497. - 16л.

Г. К. Насурдинова

РОЛЬ АРТЕМИЯ САГУМЯНА В СУДЬБЕ АРМЯНСКИХ УЗНИКОВ ПОРХОВСКОГО ЛАГЕРЯ

(Действия 41-го диверсионного партизанского отряда «Керченский»)

В богатой коллекции военных фотографий Порховского филиала Псковского Государственного музея-заповедника мое внимание привлек снимок, выполненный в так называемом партизанском стиле: на нем был изображен мужчина зрелого возраста, рослый, красивый, со смелым, пристальным взглядом. Необычна была подпись: Артемий Сагумян, командир 41-го отряда 4-го полка 3-й партизанской бригады имени А. Германа.

Мое удивление было вполне объяснимо. Дело в том, что в легендарной бригаде было четыре полка, в четвертом полку — четыре отряда. Фамилии командиров-комиссаров на память не помнила, но точно знала, что в многочисленных сводках партизанских действий, а также отчетах и рапортах командования и начальников штабов и отрядов, полков, бригады армянская фамилия мне не встречалась.

У директора филиала Лидии Тимофеевны Васильевой поинтересовалась, кто заведует фондами музея по теме «Отечественная война», так как ищу разгадку своим сомнениям. На это она четко пояснила, что коллекцию военных документов в течение десятков лет комплектовала и изучала Ольга Павловна Полубелова, она лично знала

всех партизан, перепроверяла их дары музею и все поступления в фонды, поэтому ошибки быть не может.

Чтобы установить истину, я обратилась в Санкт-Петербург. Вот справка, полученная на мой запрос из Центрального Государственного архива историко-политических документов. Она гласила, что, действительно, командиром 41-го отряда 4 полка 3-й бригады имени Александра Германа был Артемий Георгиевич Сагумян. Именно Артемий Сагумян организовал диверсионный армянский отряд под названием «Керченский». И сам командир в партизанских документах, поступающих в штаб ленинградского движения, тоже назывался Керченским. А вот радиопозывные и различные шифрограммы поступали на его имя под кодом «Артемий» или же «Андрей»...

Итак, передо мной раскрывалась новая, неизведанная страница партизанского движения. Вот приказ, подписанный командиром 3-й бригады Александром Германом, в печати не опубликованный. Приказ № 173 от 5 августа 1943 года. В нем говорится, что из бывших военнопленных и местных новобранцев формируется новый партизанский отряд № 41. Он входит в состав 4-го полка 3-й партизанской бригады. Командиром назначается Артемий Георгиевич Сагумян, бывший командир саперной роты, под кодовым именем Керченский. Комиссаром назначается Александр Иванович Мигровин под кодовым именем Городецкий. Приказ заканчивается словами надежды, что новые формирования с честью и достоинством продолжают славные традиции 3-й бригады. Подпись «Майор А. Герман».

Итак, по документам можно хронологически проследить появление Сагумяна в информационном партизанском поле. Первое упоминание о группе армян датируется в отчете начальника штаба и бригады от 30 июля 1943 года. В нем говорится, что операция по освобождению заключенных из Новоржевского лагеря для военнопленных при помощи группы партизан 4-го полка и Новоржевского подполья, прошла успешно.

Между побегом военнопленных армян и датировкой приказа о создании отряда прошло всего пять дней. А из истории бригады, да и других партизанских соединений, можно проследить, что не всегда командование радушно принимало и доверяло военнопленным, да и

местным жителям. Принимать-то принимали в свои ряды, но чтобы включить в состав бойцов целый партизанский отряд, такого факта не было. Порою проходили месяцы, пока новоявленный человек принимал партизанскую присягу. Он проверялся на спецзаданиях, спецоперациях, в открытом бою с противником. Одним словом, всячески должен был доказать свою преданность делу сопротивления. А тут такое радушие и стопроцентное доверие.

Пятого августа на лесной базе бригады высоко взметнулся красный стяг. 3 тысячи бойцов были собраны воедино. В торжественной обстановке рождался новый 41-й отряд под командованием Артемия Керченского. 108 бойцов принимали клятву Ленинградского партизана. Вот строки из дневниковой записи комиссара 4-го полка Исаева: «Один за другим клянутся бороться и защищать родную землю от врага, встают на колени и целуют Красное знамя бригады Завен Амбрацумян, Гарегий Гарибян, Мурад Мкуртумян, Сурен Саркисян, Апетнак Даниелян, Паруйр Мартиросян, Апетнак Даниелян, Паруйр Мартиросян, Артемий Оганян, Эльбак Манукян. Все они стали командирами рот и отделений в отряде».

Еще раз подчеркиваю, что приказ о создании нового отряда был издан молниеносно. И бывших военнопленных не только зачислили в ряды бойцов, но и определили на командующие посты... И это так непохоже на действия очень осторожного стратега военных действий, хотя и рискованного боевого тактика, кадрового офицера, майора Александра Германа.

Разгадать эту загадку мне помогла следующая справка на Артемия Сагумяна – его биография чекиста.

«Артемий Георгиевич Сагумян родился в 1899 году в семье крестьянина в одном из горных селений. Защищал молодую советскую республику, участвовал в разгроме контрреволюционного мятежа муссавитов, затем получил приказ о переводе в Баку. Воевал с турецкими интервентами. Потом вернулся в комиссариат – был призван в качестве командира войск ВЧК. После окончания Гражданской войны Сагумяна специальным приказом определяют служить переводчиком в редакцию республиканской газеты «Коммунист». 25 июля 1941 года он ушел добровольцем на фронт, хотя был оставлен в Баку как ответственный редкий специалист: досконально знал несколько

восточных языков, говорил без акцента на редких диалектах народов Кавказа. На фронт пошел командиром саперной роты в составе 317 стрелковой дивизии».

Из другого документа видно: «В мае 1943 года Артемий Сагумян попал в плен при окружении Харьковской группировки частей Красной Армии. Был в Харьковском немецком лагере для военнопленных, затем – в Смоленском. Здесь происходила сортировка красноармейцев по национальностям. Отобранную группу кавказцев немцы перевели в Порховский концентрационный лагерь...»

ПОРХОВСКИЙ ЛАГЕРЬ ДЛЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ

В Порхове на базе бывшего танкового городка был создан пересыльный концентрационный лагерь под названием Дулаг – 110. Он был страшнее постоянно действующих лагерей – Штадлагов своей непредсказуемостью, отсутствием организованного питания и огромной, не подлежащей исчислению смертности заключенных. Колочая проволока опоясывала концлагерь в два ряда, по периметру стояли железобетонные башни-вышки для охраны зенитных установок. Горожане даже близко не подпускались к лагерю. Внутри уцелевших от бомбежек корпусов (частично возведены из кирпича разрушенной Никандровой пустыни) были спрессованы тысячи военнопленных для нечеловеческого существования.

Те, кому не хватало места, оставались снаружи на холоде, дожде и стуже. Люди гибли массами, их вывозили в поле за территорию лагеря и сбрасывали в заранее вырытые ямы. По официальным данным, собранным сразу же после освобождения Порхова в 1944 году, «на основании вскрытия ряда массовых захоронений, здесь было погребено более 85 тысяч человек». Лишь немногим удалось бежать при помощи знаменитого в Порхове «Калачевского» подполья, действовавшего в годы оккупации в Порхове.

Артемий Сагумян был кадровый и опытный чекист. Остается только догадываться, что, когда он впервые установил связь с подпольем, а потом через него с партизанами-германовцами, он тут же сумел передать информацию о себе и точный свой чекистский пароль, присвоенный ему в Баку перед отправкой на фронт.

Командование бригады, получив эту информацию, передает ее в Центр. И оттуда поступает «добро» довериться. Командир Александр Герман, естественно, понимает, что идет на риск, но он решается. Его разведчики связываются с подпольем, которое имеет своих людей в комендатуре. Разрабатывается операция: военнопленные армяне должны дать согласие немцам служить в частях РОА. После этого группу армян переводят в Новоржевский лагерь для основательной проверки. Но тут возникают коллизии. У лагерного начальства появляются подозрения, что эта группа кавказцев вовсе не армяне, а таты – горные евреи. К ним применяются пытки, истязания, побои, но те упорно повторяют, что они армяне... В итоге они приговариваются к расстрелу. Из штаба немецкой 16 армии прибывает комиссия. Если полиция определяла среди военнопленных командиров, комиссаров, офицеров Красной армии, а также евреев, то получали премии рейхсмарками. Итак, псковская комиссия установила, что приговоренные к смерти в Новоржевском лагере не таты и не караимы – народность тоже иудейская, а «чистые армяне». И вероятное поведение у них христианское.

Опытный кадровый офицер Артемий Сагумян к этому времени уже сплотил вокруг себя своих товарищей по беде. Были созданы тайные группы во главе с командирами. Единым мозговым центром для ста армян стали трое: сам Артемий, Завен Амбарцумян, Сурен Саркесян. Все беспрекословно подчинялись мягкому на вид, тактичному, с добрым низким басом, но очень жесткому, дисциплинированному, четкому и лаконичному в движениях и речах Артемию Сагумяну.

Действовали заключенные очень осторожно, в этот заговор не включались военнопленные других национальностей, так как боялись предательства. Переговоры велись только на родном языке. Была выбрана тактика общения: при разработке и обсуждениях планов побега диалоги велись то в шуточной манере с взрывами беспричинного хохота, то в тоскливо-заунывной, иногда сопровождающейся истеричным плачем или же криками. Такое поведение пленных кавказцев надоедало лагерным зрителям, и они переставали следить за ними пристально, бдительность их притуплялась. Между собой

конвоиры отзывались о пленных как о ненормальных людях и частенько, показывая на них, крутили пальцами у виска и всячески издевались. Но заключенные делали вид, что ничего не понимают, терпели и в своих планах продвигались настойчиво и смело.

Когда договоренность о переходе группы армян в партизанскую бригаду была достигнута, Ольга Иванова, разведчица 4 полка 3 бригады, под видом погорелицы прибыла в Новоржев и организовала городских подпольщиков подготовить побег армян.

Завену Амбрацумяну, доставлявшему воду из города в лагерь, был передан план побега. Было решено: 11 партизан подвозят на четырех подводах дранки, щебенку для нужд военного госпиталя и его конюшни. В условленный час военнопленные, работавшие на строительстве железной дороги, должны были разобрать с подвод оружие и перебить немецких часовых. Намеченная операция прошла удачно: шестеро полицейских были уничтожены. Среди военнопленных и партизан жертв не было. Намеченными тропами, кружась, через топку болота они вышли к деревне Пожиково. Вот строки из полкового дневника комиссара Изотова:

«Здесь и прошла встреча командования третьей партизанской бригады с военнопленными армянами.

Так из вновь прибывших был создан 41 отряд, он вошел в состав 4 полка. В нем насчитывалось семь старших командиров, восемь младших, 14 комиссаров, 2 санитарных фельдшера, пять кадровых разведчиков, остальные пулеметчики, связные, минеры, подрывники. По боевой и политической оснащенности отряд по-военному подготовлен на высоком профессиональном уровне», – такую характеристику дает комиссар бригады новому отряду.

Создается штаб отряда. Отряд делится на две роты, а также на группы минеров, подрывников, разведчиков. Группе подрывников присваивается название «Ай-Петренский», создается хозяйственный отдел, его возглавляет бывший военный начальник отдела армейского снабжения.

В глуши лесов расчищается площадка, она укрепляется блиндажами и землянками. Так создается база 4 полка, в который достойно входит 41-й отряд.

ЛЕСНЫЕ ПРИЗРАКИ

Боевая задача для отряда «Керченский» определена – это вывод из строя железных дорог Псков – Старая Русса, Псков – Батецкая, Порхов – Сольцы. Эти пути питали фронтовые части немецкой 16 армии. За неуловимость, молниеносные удары и быстрые исчезновения немцы называли партизан «лесными призраками».

Боевое крещение отряд Артемия Сагумяна получил в открытом бою. Он длился весь световой день. 4-й полк яростно отбивал атаки прибывающих немецких солдат и карателей, уже бойцы были вымотаны. Но вот под вечер сюда был брошен 41-й отряд. Первая рота офицера Бабаяна взяла инициативу, и, не поставив в известность командование полка, молниеносно отошла за болота и, обогнув его трясины, из-за низкорослых кустов ударила по немцам сбоку. Солдаты противника бросились налево, а там залегла вторая рота. Враг не ожидал и стал отступать. Бой закончился успешно. 170 фашистов были убиты, в том числе и начальник гарнизона пустой Бор майор фон Раух.

А вот скупые отчеты штаба полка о боевых операциях:

«Первая рота Бабаяна уничтожила автомашину с 4 офицерами, 4 мотоциклетные повозки, взяла в трофеи 4 пулемета, пленила 80 немецких солдат.

Вторая рота под командованием Мкрчана вывела на пять дней железнодорожный путь Дно – Старая Руса, уничтожила 4 огневые точки врага».

Приказ от 15 августа 1945 года гласит, что за успешное проведение операции весь состав 41 отряда удостоивается благодарности от командования полка.

6 сентября около села Житница вся партизанская бригада вышла из окружения. В этом бою погиб наш легендарный командир Александр Герман. Главный удар на себя взял 4-й полк. Яростно сражался здесь 41-й отряд. Он уничтожил с левого крыла села Житницы 70 немецких солдат, автомашину с офицерами, две огневые точки.

15 октября 1943 года вторая рота Сурена Маркаряна на шоссе Порхов – Сольцы уничтожил 30 мотоциклистов. Без единой осечки действовали Мисак Багарян, Сурен Саркесян. Взрывники этой же роты взорвали 2 автомашины, где погибли 9 гитлеровцев.

В ночь на 19 октября две роты отряда напали на железную дорогу Дно–Сольцы. 41-й отряд дал 897 бальный взрыв - хороший «рельсовый концерт». Участники «концерта» удостоены благодарности от командования бригады.

В ночь на 25–26 октября 41 и 43 отряды напали на военный гарнизон в селе Грушка. Уничтожен гарнизон, дзоты, огневые точки. 41-й отряд уничтожил 80 немцев, 3 склада с боеприпасами, фашистский штаб.

В приказе № 88 объявлена благодарность 39-му и 41-му отрядам за истребление гарнизона Грушка. За операцию, которую организовали и провели, благодарности получили Сагумян, Амбрацумян, Мкрчан, Балаян, Цимерман, Гаспарян, Маркарян, Авсеян, Саркисян и др.

Отряд Сагумяна быстро перенял тактику и практику партизанской борьбы у других отрядов 3 бригады и скоро стал крепкой боевой единицей. В этом не было ничего удивительного: все армяне, ядро нового подразделения, были людьми военными, служили в армии. Большинство из них имело офицерское звание и умело руководило доверенными им ротами, взводами и отделениями партизан. Эта характеристика, данная отряду комиссаром 3-й бригады.

Специальная диверсионная группа Лазаря Балаяна начала активно действовать с 1 октября 1943 года. Сюда входили десять специальных групп взрывников. Ежедневно диверсанты выходили на задания по спуску под откос вражеских эшелонов, взрыву мостов.

За три месяца 1943 года отряд Артемия Сагумяна спустил под откос 101 немецкий эшелон. Самым внушительным был разгром железнодорожного участка Порхов – Дно, Дно – Сольцы, Дно – Старая Русса.

Итог операции таков: 7 взорванных мостов, сожженный немецкий гарнизон, 8 км перерезанных проводов связи. Были убиты в бою 211 немецких офицеров. После этой боевой вылазки на две недели были парализованы все коммуникации противника.

Вот полковой дневник военных действий. Среди сухих чеканных отчетов о проделанных операциях, среди цифровых сводок, уничтоженных эшелонов, гарнизонов притаилась лирическая страница. В стиле письма комиссара Изотова чувствуется горячая симпатия к командиру армянского отряда.

«...Медленно тикают часы. Наконец “концерт” все прослушали. Ждем участников “Керченского”. И вот появляются первые “артисты”. Народ идет еле-еле. Наконец появляется сам Керченский “псевдоним А.С.”. Несмотря на возраст и седину, выглядит неплохо, румянец придает ему доброжелательный вид. Пожимаем крепко друг другу руки. Разместив народ на отдых, он идет в санчасть проверить здоровье своего комиссара Амбрацумяна и других раненых. Он любит партизан, партизанскую жизнь, полную тревог и опасностей. И по этому факту можно судить о его работе, о людях. Такой командир всегда будет пользоваться деловым авторитетом среди подчиненных, и последние всегда, во что бы то ни стало, рискуя жизнью, выполнят приказ».

Третья бригада получает приказ о передислокации на север Ленинградской области. Это район в квадрате Луга – Псков, Батецкая – Шимск, Сольцы – Дно. Задача одна – вывести из строя важнейшие коммуникации противника и затруднить его отступления. Бригада с боем прорывается через железную дорогу Порхов – Псков в районе станции Подсевы, при этом отряд Сагумяна получает особое рискованное задание: прикрыть весь переход 4 полка.

Бесшумной лентой двигаются ночью 4 отряда с продовольственными повозками, ранеными, боевой техникой. Под утро подтягиваются немцы. На подступе к месту перехода полка с противником встречается 41-й отряд... Разгорается длительный тяжелый бой. Потери большие. Удар для полка – погибает начальник штаба 41 отряда Завен Амбрацумян, «мозг отряда» – так о нем отзывались бойцы. Погибает тот Амбрацумян, который претворял в жизнь фантастический план побега 173 военнопленных из фашистской неволи. Его похоронили в братской могиле в лесном массиве.

В архиве есть донесение командира отряда Сагумяна о бое близ села Светлый путь. Здесь на помощь 41-му отряду были брошены остальные отряды 4-го полка. Результат блестящий: взорваны два моста через Шелонь, устроены завалы из деревьев на километровом участке дороги, в итоге блокирован эшелон села Цапелька. На шоссе в течение трех суток образовалась «пробка» из тысячи немецких машин. На это донесение моментально отреагировал штаб советской

авиации. В течение трех суток советские самолеты бомбардировали дороги с «пробками».

В этом бою особо отличились бойцы 43-го отряда: Михаил Алексеев, Гарик Гаребян, Пашик Карапетян, Вазен Эприкян, Ашот Мкрчян, Азат Хурциудян и др. 17 человек, в том числе и командир, были представлены из отряда к высоким правительственным наградам.

В следующем бою в лесной чащобе близ Батецкой погибли и последующий начальник штаба отряда Ерванд Елазарян, подрывники Перг Агаджанян, Андрей Глушков, разведчики Георгий Цветко и Ашот Хачекян. Они все получили высокие военные награды посмертно. Славные партизаны похоронены в братской могиле.

По воспоминаниям бойцов, эта утрата была тяжелой. Погибли ключевые фигуры среди подрывников, разведчиков, рискованных диверсантов. Весь вечер после похорон просидел в одиночестве командир отряда Артемий Сагумян на срубленном дереве у свежих могил. А ночью отряд прошел мимо братского захоронения, отдав последний поклон, и двинулся дальше на север своими неизведанными партизанскими тропами.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ЛЕНИНГРАД

Артемий Сагумян со своим отрядом после освобождения Ленинградской области от врагов вошел в составе партизанских соединений в весенний Ленинград. Он пережил со своими бойцами, с теми, с кем бежал из плена, прошел опасными партизанскими тропами, те счастливые минуты Победы, Победы над врагом. А еще над самим собой. Они, плененные противником, нашли в себе мужество и силы: сплотились и бежали.

После войны бывший командир вернулся в родную газету «Коммунист» в Баку. Много переводил, писал лирические этюды, очерки, редактировал. Пользовался большим почетом и уважением. Был постоянным участником журналистских форумов, делегатом различных съездов как в своей стране, так и за рубежом. Но о себе мало рассказывал, в этом сказывалось его чекистское прошлое. О его бурной военной жизни красноречиво говорили только орденские планки на груди.

Как же сложились судьбы других бойцов?

Последний комиссар отряда Константин Матюшенко работал директором совхоза в Крыму. Медсестра отряда Надежда Попова жила в поселке Пролетарий у нас под Новгородом. Командир группы связистов Артемий Агонян живет в Зангезуре, был начальником почтового отделения. Ашот Мкрчян работал в исполкоме Еревана. Подрывник и шофер отряда Серго Харатьян работал до выхода на пенсию машинистом в Московском метрополитене, а минер Георг Саркисян водил грузовые тепловозы на Ростовской железной дороге. Подрывники Вазген Эприкян работал учителем географии в Грузии, Георгий Авсеян – водителем автобуса в Баку. Партизанский фельдшер Ашот Агамерзян то же работал в Азербайджане, жил в 20 километрах от Баку.

Все они часто встречались со своим легендарным командиром и по старой партизанской привычке его звали товарищ Керченский. Бойцы вспоминают, что Артемий Сагумян очень любил свою партизанскую фамилию.

В 2001 году в возрасте 100 лет умер Артемий Сагумян. Последнее время он жил в Москве. В Санкт-Петербурге живет вдова последнего политрука 4-го полка Георгия Ефимова Ефимова Нина Михайловна. Вот уже долгие годы ее квартира остается местом встречи бывших бойцов – партизан-германовцев.

Автор выражает искреннюю благодарность Светлане Арутюнян за переводы документов с армянского языка на русский.

И.П. Николаева, Е.Л. Яковлева

УСАДЬБЫ КНЯЗЕЙ ГАГАРИНЫХ

Данная работа является второй частью статьи, напечатанной в сборнике «Краеведческие чтения» за 2003 год. В первой части публикации были приведены исторические сведения об усадьбах князей рода Гагариных. В течение этого года мы совершили несколько поездок по местам бывших усадеб Гагариных, истории которых и посвящается данная работа.

Первая наша поездка была на Волгу, в имение художника Григория Григорьевича Гагарина (1810–1893) в Карачарово. Эти земли были подарены Иваном Грозным братьям Кара Чара во время похода на Тверь. В 1820 г. род Карачар прекратил свое существование, и поместье перешло в собственность немца Генриха Карловича Сомна, который был женат на сестре Софьи Андреевны Дашковой, супруги Г.Г. Гагарина. В 1847 г. имение переходит С.А. Гагариной (Дашковой).

Из воспоминаний Натальи Григорьевны Гагариной, правнучки Г.Г. Гагарина: «Меня взяли в имение, находящееся в Московской губернии на границе Тверской. Два дома – зимний и летний находились на пригорке, а внизу текла Волга. В зимнем доме из камня всегда жил дедушка (Григорий Григорьевич Гагарин, старший сын художника, унаследовавший усадьбу в Карачарово. – Прим. авт.). Летний дом был деревянный с верандами и балконами, покрытыми диким виноградом. Дом, где была кухня и прихожая, был отдельным и соединялся с летним домом длинным крытым коридором»¹.

В настоящее время сохранился только зимний каменный дом, который является теперь одним из корпусов санатория «Карачарово». Там мы увидели довольно бережное отношение к памяти художника. Мемориальная доска, посвященная Г.Г. Гагарину, установлена на этом доме. Рядом с домом построена новая церковь Петра и Павла. В Доме культуры при санатории оформлен большой стенд с материалами об истории Карачарово и жизни Г.Г. Гагарина. В фойе усадебного дома стоят старинные часы, а винтовая лестница ведет на второй этаж. Эта лестница очень напоминает винтовую лестницу усадьбы в Холомках, спроектированную Андреем Григорьевичем Гагариным. Возможно, это было навеяно воспоминаниями о детских годах, проведенных в имении отца, куда он приезжал и в последующие годы. Из воспоминаний супруги Андрея Григорьевича, Марии Дмитриевны Гагариной: «После венца мы поехали использовать отпуск Андрея сперва на две недели в Березичи, а затем в имение Гагариных Карачарово, где вся семья Гагариных, т.е. родители мужа и брат его с женой и многочисленными детьми были в сборе»².

Строительству усадьбы в Холомках предшествовала перестройка Андреем Григорьевичем московского дома, доставшегося ему по

наследству от отца. Из воспоминаний М.Д. Гагариной: «В январе 1886 г. возник вопрос о московском доме. У отца Андрея в Москве на Кузнецком мосту был дом, который занимал очень большую площадь, но выстроен был в типе московских особняков: покоем с большим двором посередине. Возникал вопрос: или продать все это драгоценное место в центре Москвы с ветхой постройкой, или же основательно перестроить дом и превратить его в многоэтажный доходный дом. Андрей был, безусловно, за перестройку. Он всё лето не выезжал из Москвы, сам вёл постройку дома, вникая в каждую деталь, и целые дни во всякую погоду проводил на стройке. В результате на месте низкого особняка вырос 4-х этажный доходный дом»³.

И следующим этапом нашего путешествия был Кузнецкий мост в Москве. Мы увидели шикарный особняк и долго стояли, созерцая его. Это очень броское, красивое здание, нетипичное для Москвы; его архитектура ближе Петербургской.

А дальше мы вышли на Красную площадь к дому Григория Григорьевича Гагарина, старшего сына художника. Это очень массив-

Усадьба Гагариных

ное, но довольно хмурое здание, бывший доходный дом. Поездка наша была в апреле, а в августе этот дом уже стоял в лесах, начался его ремонт.

В Москве мы посетили еще один адрес, связанный с усадьбами рода Гагариных. Это городская усадьба в Армянском переулке, принадлежавшая князю Ивану Сергеевичу Гагарину (1752–1810), прадеду Андрея Григорьевича. В этой усадьбе родился дед Андрея Григорьевича – князь Григорий Иванович Гагарин (1782–1837), который долгие годы был представителем России при папе в Риме. Главный дом усадьбы был построен в 1780-х гг. по проекту архитектора М.Ф. Казакова как надстройка на белокаменных палатах XVI в. и кирпичных галереях XVII в. К главному дому пристраивались флигели: северный – в конце XVII – начале XVIII в. и южный – в XVIII в. Мемориальная доска, посвященная И.С. Гагарину, установлена на северном флигеле. На территории усадьбы установлен памятник Ф.И. Тютчеву, который в этом доме провел детство и юность. Дом достался Тютчевым в 1810 г. после смерти И.С. Гагарина. Дом в Армянском переулке является ценнейшим Московским памятником архитектуры. В здании усадьбы размещается Детский Российский фонд.

В Москве, там где сейчас располагается парк «Красная Пресня», в XVIII в. была еще одна усадьба князей Гагариных. Материалов по истории этой усадьбы мы не нашли. От старинной усадьбы сохранилась система старых живописных прудов, соединенных каналами. Арочные мостики, зеркально отражающиеся в каналах, придают особую прелесть парку, оставшемуся от усадебного.

В Рузском уезде Московской губернии по заказу князя С.С. Гагарина (1745–1798), действительного тайного советника, камергера, гофмейстера при Екатерине II, архитектором И.Е. Старовым в 1774–76 гг. в селе Никольском был создан выдающийся архитектурный ансамбль. Вслед за отцом С.В. Гагариным (1713–1788), он управлял имениями в Московской и Тульской губерниях. Его сын, С.С. Гагарин (1795–1852), директор императорских театров, был первым из князей Гагариных, который имел дом в Петербурге, построенный по проекту архитектора А. Монферана. С.С. Гагарин владел имениями в Тульской, Саратовской, Костромской губерниях, но лю-

бимой его усадьбой был дворец в селе Никольском Рузского уезда. К настоящему времени главное здание усадьбы и замыкающие его с двух сторон въездные ворота сохранились в хорошем состоянии. За территорией усадьбы на высокой горе восстанавливается церковь святителя Николая, принадлежавшая князьям Гагариным и построенная также по проекту И.Е. Старова. Сохранилась часть кирпичной церковной ограды. В усадьбе располагается детская психоневрологическая больница.

Недалеко от подмосковной станции Софрино в с. Богословском в период правления Павла I приобретает усадьбу князь Гавриила Петрович Гагарин (1745–1808), совоспитанник и сподвижник императора. Места эти по документам известны еще с XVI в. Тогда владели ими князья Ростовские, ведущие свое начало от Всеволода Большое Гнездо. В 1767 г. село покупает коллежский советник П.М. Щербачев, а в 1775 г. он продает усадьбу своему начальнику – президенту Камерц-коллегии князю Г.П. Гагарину. Со второй половины XVI в. и начинается новая страница истории села – история усадебного ансамбля, который впоследствии лишь благоустраивался и приобретал некоторые новые черты. Годы, когда Гавриила Петрович владел Богословским, были самыми заметными в истории села. Сам император Павел I, возвращаясь из Троице-Сергиевой Лавры, останавливался на отдых в этой богатой усадьбе. Это было поместье богатого барина, но не только. Гавриила Петрович был просвещенным человеком, интересовался науками и искусствами. Гостями в Богословском бывали и известные литераторы, и иностранные послы, и чиновники высокого ранга. Еще при Щербачеве был построен усадебный дом, разбит парк, выкопаны пруды. После смерти Г.П. Гагарина усадьбу унаследовал его сын – генерал-майор П.Г. Гагарин (1777 – 1850). Павел Гаврилович в первые годы после смерти отца в имении не жил, но в память о родителе он построил в с. Богословском богадельню. В 40-х гг. XIX в. имение было куплено лесоторговцем Ангиным. Еще в 1767 г. в Богословском была заложена церковь Иоанна Богослова. В ее убранстве широко использован белый камень. Особенностью храма является расположение колокольни в центре – между зимней и летней церквами. О том, кто строил церковь, никаких сведений в цер-

ковных документах не сохранилось⁴. Эта церковь позднее дважды перестраивалась, а в 90-х гг. прошлого столетия была восстановлена и ныне действует. Что же касается усадебного дома, то от него даже фундамента не осталось. Никаких усадебных построек не сохранилось, только осталась система прудов в старинном парке, некоторым деревьям более 200 лет. В парке усадьбы размещается оздоровительный комплекс “Софрино” с вновь построенными жилыми корпусами. После Великой Отечественной войны там был пионерский лагерь Всесоюзного радиокомитета, а затем Дом творчества “Софрино”.

В Тульской губернии на берегу р. Плавы с 1778 г. князю Сергею Васильевичу Гагарину (1713–1782), действительному тайному советнику, принадлежала усадьба близ села Сергиевского. Здание усадьбы не сохранилось. От старых построек остались школа и здание казначейства, построенные на территории усадьбы в 1880 г., а также торговые ряды. На высоком холме стоит действующий храм преподобного Сергия Радонежского, построенный близ усадьбы в 1774 г. и ныне восстановленный. Трудями нескольких поколений князей Гагариных село Сергиевское превратилось в небольшой город, который позднее получил название Плавск.

В первой половине XIX в. в Крыму, вблизи деревни Кучук-Ламбат, появилась усадьба князей Гагариных. Эти обширные земли вначале принадлежали австрийскому принцу де Лилю и были получены им в подарок от Екатерины II, а затем проданы таврическому губернатору А.М. Бороздину, дочь которого вышла замуж за князя Александра Ивановича Гагарина, адъютанта Новороссийского генерал-губернатора М.С. Воронцова. Андрей Михайлович Бороздин был братом Н.М. Бороздина, генерала от кавалерии, героя войны 1812 г., родовое имение которого находилось на Псковской земле, близ села Костыжецы, где установлен памятник-мемориал Н.М. Бороздину. В начале XIX в. А.М. Бороздин приступил к устройству своего имения, раскинувшегося на огромной территории Крымского побережья от мыса Аю-Даг до мыса Плака, и строительству усадебного дома. Основной частью общей художественной композиции усадьбы Бороздина был ландшафтный парк, заложенный в 1814 г. опытным садо-

водом французом Либо. В парке было собрано более 200 видов растений из Средиземноморья, Японии, Северной и Южной Америки. Многие из них произрастают и ныне. Усадебный дом, построенный в стиле ампир, живописно возвышался над небольшой бухтой на мысе Плака. Кучук-Ламбат называли будуаром Крыма. Там бывали А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, А.С. Грибоедов, И.М. Муравьев-Апостол. Получив в наследство от отца имение Кучук-Ламбат, Мария Андреевна Гагарина (Бороздина) поручила это имение своему мужу в полное управление, предоставляя ему собираемые доходы употреблять на устройство и улучшение имения.

Вторая жена Александра Ивановича, грузинская княжна Анастасия Давидовна, в 1902 г. начала строительство нового дома, который стоит и ныне и по своей архитектуре напоминает средневековый замок. Архитектор И.П. Краснов спроектировал его в мотивах модернизированной древнегерманской архитектуры, с башнями и зубчатыми стенами. Стены замка облицованы керамической плиткой желто-охристого цвета, сложной конфигурации крыша покрыта ярко-красной черепицей. Материалы для строительства были завезены из-за границы: черепица – из Германии, облицовочная керамическая плитка и мрамор для лестниц – из Италии, венецианские стекла больших размеров – из Франции. Над входными деревянными дверьми с художественной резьбой, выполненными из дуба, родовой герб князей Гагариных с надписью на латинском языке: «В древности – сила». Декоративное убранство интерьеров замка выделено белым и бронзовым цветом на светло-голубом фоне с орнаментами из виноградных и дубовых листьев. На этом фоне выделяется парадная лестница из белоснежного мрамора, устроенная по периметру зала, в центре которого сохранилась люстра. Вдоль лестницы в нишах подковообразной формы размещались некогда картины работ западноевропейских художников. Интерьер был обогащен каминами, паркетными полами, вазами. В настоящее время стены всех помещений лишены каких-либо декоративных убранств, утратила декор и гостиная.

Замок утопает в зелени старинного парка, спускающегося к морю. Он и поныне поражает своей величественной архитектурой. В настоящее время на территории усадьбы находится санаторий «Утес». Еще

один памятник архитектуры на территории санатория – маленькая домовая церковь в честь Александра Невского, построенная из местного тесаного диорита в византийском стиле по проекту архитектора Н.П. Краснова.

В замке княгини Гагариной находится художественное полотно, которое туда попало в 20-х гг. прошлого столетия. До сих пор неизвестно, какой художник создал эту картину. Хочется сделать смелое предположение, что она принадлежит кисти художника Г.Г. Гагарина, на что указывает сюжет и характер письма, схожие с картинами, представленными в Третьяковской галерее. А из воспоминаний М.Д. Гагариной мы знаем, что художник подолгу бывал в имении Карасан у своей дочери: «Родители моего мужа решили ликвидировать свою петербургскую квартиру и жить по зимам в Крыму у Раевских, а летом в Карачарове»⁵. Имение «Карасан», названное так его владельцем, образовалось в середине XIX в., как часть имения Бороздина, которая перешла генералу Н.Н. Раевскому (младшему), а затем его сыну Михаилу Николаевичу. М.Н. Раевский был женат на сестре Андрея Григорьевича Гагарина. В этом имении третьим поколением Раевских в 1887 г. был выстроен 4-этажный дворец в строгом мавританском стиле. Все Раевские любили садоводство и цветоводство. Насаждения парка содержат 220 видов разновидностей декоративных форм и кустарников.

Из воспоминаний М.Д. Гагариной: «23 мая 1886 г. родился наш старший сын Андрей. Этой же осенью родители моего мужа ехали на всю зиму в Крым к Раевским, у которых там, на Южном берегу, было чудесное имение Карасан, и уговорили нас с маленьким Андреем с ними ехать, чтобы провести осень в тепле. Это в первый раз, что я попала на юг в холодное время года, и помню, какое сильное впечатление произвела на меня после московской слякоти теплая южная ночь. Незабываемое впечатление произвел на меня открывшийся с балкона пейзаж с высокими тополями на первом плане, резкими силуэтами, выделявшимися на фоне мягко освещенного полулунием моря»⁶. Сейчас на территории этого имения санаторий «Карасан». Дворец был разрушен и в своем первоначальном виде так и не восстановлен.

Князья Гагарины владели имениями во многих губерниях Российской империи: Саратовской, Тамбовской, Казанской, Рязанской, Херсонской, Лифляндской и др. Знакомство с историей этих усадеб предполагается в дальнейшем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гагарина Н.Г. Воспоминания // Историко-художественный альманах русского дворянского собрания. № 9. С. 199.
2. Гагарина М.Д. Воспоминания. Рукопись, ф. дом. библиотеки А.П. Гагарина. С. 22.
3. Гагарина М.Д. Очерк жизни и деятельности Андрея Григорьевича Гагарина. (Архив историко-технического музея СПбГПУ, ф. А.Г. Гагарин). С. 20.
4. Белицкий Я.М. Богословское-на-Могильцах. Московский рабочий, 1990. С. 46.
5. См. п. 2. С. 24.
6. См. п. 2. С. 23.

И.П. Николаева, Е.Л. Яковлева

САНАТОРИЙ «ХИЛОВО» – ОДНА ИЗ СТАРЕЙШИХ ЗДРАНИЦ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ

Название местности «Хилово» есть не только в Псковской области, но и в других местах России. Так, поселок Хилово в западном округе Москвы, Лотошском районе на реке Русса – крупнейший древнерусский памятник Подмосковья. Есть деревня Хилово на озере Селигер (Тверская область) в 3 километрах от пос. Селижарово, на берегу реки Селижаровка. Интересно, что деревня с названием «Хилово» упоминается А.П. Чеховым в рассказе «Заблудшие», который впервые был напечатан в «Петербургской газете» в 1885 г. под названием «Сценка»: «...здесь Хилово, а Гнилые Выселки правее будут за спичечной фабрикой, версты четыре отсюда». Возможно, что это упоминание относится к Хилово в Псковской области или в другой местности, или, может быть, вымышленное Чеховым название.

Впервые населенный пункт с названием «Хилово» упоминается в Новгородских писцовых книгах Шелонской пятины под 1539 г., когда оно принадлежало благочинному Порховского Благовещенского монастыря Рюме Федоровичу Ускому. С конца XVIII – начала XX вв. Хилово являлось собственностью помещиков Балавинских.

К 1790 году Хилово представляло собой небольшое селение, состоявшее из нескольких крестьянских домов с помещичьей усадьбой. Жители Хилово издавна замечали, что в одном месте вода речки Черной издаст запах гнилых яиц, но не придавали этому никакого значения. В 1865 году владелец Хилово П.П. Балавенский был в Кеммерне, и запах Кеммернских источников навел его на мысль, что в Хилово, возможно, имеются серные целебные источники. Из письма Балавенского лекарю И.Я. Содовскому, впоследствии автору диссертации о Хиловских серных водах: «Возвратившись из Кеммерна, я на другой же день пошел на Черную речку и приказал рабочим отвести ее на несколько саженей в сторону, и тогда источник, находившийся на самой середине речки, оказался на сухом месте и начал издавать еще более сильный резкий запах»¹. По предварительному исследованию и запаху воды Балавенский заключил, что бьющая ключом вода содержит значительное количество серы, и может иметь лечебные свойства серных минеральных вод. Для опыта построили небольшой домик с несколькими ваннами. Местные жители, узнав об исцеляющих водах, стали приходить на лечение, и благодаря целому ряду излечений от разных недугов пошла молва о целебных водах. Отозвалась местная печать, помещая на страницах газет отзывы больных. Число желающих принимать ванны возрастало, так что владелец начал расширять ванное заведение с правильной организацией курортного дела. К этому времени относится первый химический анализ, произведенный Магистром фармации Кессельманом, который показал, что воды источника по составу сравнимы с баварским серным минеральным источником Випфельдским, а также со знаменитыми кавказскими целебными источниками (Сабанеевским и Николаевским в Пятигорске). Результаты своих исследований он опубликовал в одном из фармацевтических журналов в 1867 году. Когда анализы вод подтвердили, что они принадлежат к хорошим серным

холодным минеральным водам, особенно богатым известковыми солями и углекислотой, помимо высокого содержания сероводорода, что было отмечено в военно-медицинском журнале в статье «Минеральные воды в России», военное ведомство прислало большую группу больных на лечение. Результаты лечения оказались блестящими, и в 1868 г. был заключен контракт с Военным Министерством на 1 год. По поручению министров Военного ведомства и ведомства Внутренних Дел химический анализ вод был проведен профессором химии А.П. Бородиным. Он установил, что Хиловские воды всего ближе к водам Сергиевских и Кеммернских серных ключей, а из зарубежных источников сравнимы с Нейдорфскими и Випфельдскими водами. Он также установил, что кроме вод имеются минеральные грязи, содержащие окись железа, магнезия, известь и другие полезные составляющие. Получив поддержку Военного ведомства, Балавинский приступил к усовершенствованию курорта. Было выстроено новое П-образное здание, окружавшее источники с мужской и женской половинами. Помимо обычных подогретых минеральных ванн были паровые ванны, души холодный и горячий, кроме того, при ваннах в особом помещении проводилось лечение молоком и сывороткой.

Контракт, заключенный Военным ведомством с владельцем Хилово, продлевался, и до 1882 г. присылались на лечение солдаты и офицеры, что служило значительным подспорьем при устройстве лечебной станции. Возводились обширные бараки, дома для служащих, гостиницы и дачи для частных лиц. Привилегированные больные жили в домах с отдельными квартирами. Перед зданием ванн был разбит небольшой цветник, в котором был сложен из камней красивый памятник в воспоминание об открытии вод. Санаторий был окружен лесом; находящаяся в версте от лечебницы сосновая роща хорошо содержалась: сучья были подчищены и убраны, можно было гулять в лесу, как в парке.

Старший врач лечебницы, статский советник Беликович, писал, что «... из числа 534 больных выздоровело 319, получило облегчение 146 и осталось без перемен в здоровье 69 человек, что составляет: выздоровевших – 59%, получивших облегчение – 27%, осталось без перемен – 14%»².

Позднее химические анализы Хиловских вод были проведены:

– Б. Митропольским, помощником ассистента эксперта медицинского совета,

– Л.А. Петровым, химиком лаборатории Ленинградского губернского отдела труда,

– П.Н. Палеем, сотрудником лаборатории Всесоюзного геологического комитета.

По радиологическим исследованиям фантактоскопом Энгелера и Савинского воды отнесены к слаборадиоактивным. Последующие анализы хиловских вод убедительно показали, что состав вод остается неизменным.

Отсутствие путей сообщения представляло определенные сложности для санатория в Хилово и тормозило его развитие. С постройкой Псковско-Рыбинской железной дороги, при магистрали у станции Дно (33 версты от Хилово) на Петербург и Киев, картина изменилась.

К этому времени хиловские воды получили общегосударственное значение и Августейшую санкцию императора Александра III в рескрипте, данном в Гатчине 9-го мая 1885г. на имя г. министра Государственных имуществ: «Признав нужным объявить находящиеся в Порховском уезде, Псковской губернии, Хиловские минеральные источники, имеющие общегосударственное значение, повелеваем принять меры для охранения сих источников от порчи и истощения, на точном основании прим. К ст. 555, т. XIII, Св. Зак. Изд. 1886»³.

Однако постоянные конфликты между П.П. Балавинским и Военным министерством привели к отказу Военного министерства в присылке больных в Хилово и заменой его для лечения солдат санаторием в Кеммерне, что крайне пагубно повлияло на дальнейшую судьбу лечебной станции в Хилово. К 1899 году все постройки и здания пришли в ветхость и требовали капитального ремонта. Желая предотвратить полное разрушение созданной лечебницы, председатель Порховского уездного дворянства, отставной Генерального штаба полковник Николай Пипин составил записку касательно хиловских минеральных вод, в которой изложил свои предложения: «Владельцы нынешнего Хилова не имеют в своем расположении свободного и обо-

ротного капитала для постановки дела. Правительство имеет другие заботы, а земство обременено непосильными расходами. Мне лично не только как представителю нужд уезда, но и как простому верноподданному прискорбно и обидно видеть у себя под боком гибель столь ценного и незаурядного дара природы, благодарные действия которого могли бы быть неисчислимы. Что проще, кажется видеть у себя дома успешный рост такого учреждения, коим без сомнения гордились бы за границею, где общество давно уже пользовалось бы не одними ваннами и втираниями, но и развлечениями всякого рода в изящном кургаузе и в окружающей станции местности. Для меня дело рисуется так: сравнительно небольшой капитал, начиная от 100000 руб. с ассигнациями частным лицам или синдикатам был бы достаточен, конечно при умелой и целенаправленной постановке всего дела, для превращения Хилово в образцовую санаторию, снабженную всеми теми атрибутами гигиены и комфорта, которыми мы избалованы за границею»³.

Сын П.П. Балавинского, унаследовавший земли и курорт, поручив его управляющему, сам лечебницей не занимался, а в 1911 г. продал усадьбу и курорт.

Законом от 24 апреля 1914 г. о возобновлении функционирования курорта сохранялось общественное значение хилловских минеральных вод. В трудах съезда «По улучшению отечественных лечебных местностей» (Петербург, январь 1915 г.) в докладах Вербицкого «О причинах стремления русских больных на иностранные курорты и мерах борьбы с этим», Новосельского «Краткие статистические данные о русских лечебных местностях и их посещаемости», Шифрина «Финансирование русских лечебных устройств» признается высокое целебное и общественное значение хилловских минеральных источников и необходимость возобновления их функционирования. Для выяснения состояния источников в июле 1915 г. был командирован доктор Уваров, после доклада которого, постановлением от 19 марта 1916 г. были определены границы округа санитарной охраны хилловских минеральных вод. По поручению горного департамента министерства земледелия и государственного имущества в августе 1916 г. командированным в Хилово инженером Ширяевым было дано обшир-

ное описание округа охраны минеральных вод, которое под названием «Хилловские источники» печаталось в журнале «Вестник науки». В этом же году владельцем курорта становится Акционерное общество. Новые владельцы Хилово значительно расширили лечебницу и поставили дело в соответствии с новейшими по тому времени требованиями науки и техники. Были произведены следующие работы: оборудован лесопильный завод, для обработки лесных материалов, нужных для новых построек, установлен локомобиль на 20 л.с. Над источниками вместо разрушенного старого здания было построено новое, деревянное на каменном фундаменте, с канализацией и вентиляцией, рассчитанное на 52 ванны с мужским и женским отделениями, где ежедневно можно было отпускать до 800 ванн. Были отремонтированы три дачи и два барака. Было восстановлено и организовано молочное хозяйство, огородничество, птицеводство, пчеловодство. На это развитие был предназначен капитал в 500 000 руб. Проект не ограничивался сделанным. Предполагалась постройка нового ванного здания, гостиницы, новых дач, здания с рентгено-кабинетом, электроводолечебницей и лабораторией. В программу входили разбивка нового парка и садов, а также проведение одноколейки до станции Сосонье.

Революция приостановила курортное строительство, но Хилово не прекратило свое существование как лечебница, оно перешло в ведение Порховского земельного управления, там был создан совхоз. В 1917 г. был произведен научный осмотр Хилловских источников адъютантом-геологом геологического комитета, горным инженером А.Г. Стопневичем с целью доклада на Всероссийском Съезде, в котором признавалось общественно-государственное значение хилловских вод и необходимость развития и усовершенствования лечебной местности. Постановлением Порховского уездного исполнительного комитета в апреле 1918 г. было предложено санитарному отделу безотлагательно принять все меры для проведения работ по восстановлению лечебницы. В докладе доктора Мендельсона «Краткая справка о лечебных местностях Северных областей», представленного в июле 1918 г. в комиссариат здравоохранения, указывалось, что местность хилловских источников обследована по поручению Петроградского

областного комитета Всероссийского союза городов, в результате чего было принято решение преобразовать Хилово в курорт. Но что можно было сделать в период гражданской войны и голода? Хиловские минеральные воды были переданы в ведение Порховского здравоохранения и влачили жалкое существование. Но в скором времени декретом Совнаркома курорт снова попал в число имеющих большое государственное значение и был взят Наркомздравом под свое управление. Совнаркомом была издана грамота за подписью В.И. Ленина о неприкосновенности хиловских минеральных вод, однако недостаток материальных средств не давал возможности восстановить полуразрушенный курорт, Хилово переходит в ведение Псковского губздрова. Экономическое состояние курорта окончательно истощилось, все ресурсы были исчерпаны. Курорт неоднократно подвергался разграблению. За 1920–24 годы на курорте лечилось не более 500 больных. И только к 1926 г. положение лечебницы начинает улучшаться. Помимо восстановленных старых ванн были устроены новая паровая ванна, солнечная площадка, массажный кабинет. Для развлечения больных имелись: библиотека, бильярд, лодки, купальня, спортивные площадки для волейбола, баскетбола, медицинбола, для тенниса, крокета, а также были кегельбан и гимнастические горки. Развивались ремесла – больные занимались плетением корзин. Были восстановлены фруктовый сад и молочная ферма.

Интересны правила внутреннего распорядка, которые существовали на тот период⁴. Вот некоторые из них:

- отлучки в город, деревни и на станцию дезорганизуют режим и лечение – они категорически воспрещаются;
- оставь навсегда вредную привычку – употребление алкоголя. За употребление спиртных напитков во время пребывания в здравнице и за курение в запрещенных местах – немедленная выписка;
- ты приехал лечиться – не вмешивайся в административно-хозяйственную жизнь санатория;
- при возникновении недоразумений и личного недовольства, обращай к врачу, а не носи недовольство в себе и не делай его предметом обсуждения с другими;

– нарушение санаторного режима влечет за собой немедленную выписку с одновременным уведомлением на предприятие;

– больные должны рано вставать и рано ложиться;

– оружие, деньги и ценности должны сдаваться в контору под квитанцию;

– ложиться в обуви на постель воспрещается. Постель не должна быть мягкой. Постель должны убирать сами больные.

С больными проводилось санитарно-курортное-просветительное воспитание. Ликвидация санбезграмотности больных осуществлялась в виде бесед, которые длились 15–20 мин., а затем в течение 2 часов следовали ответы на вопросы. Беседы проводились в плановом порядке с каждой партией больных. На совещании врачей устанавливался календарный план-расписание бесед. Первая беседа по вопросам режима проводилась у сортировочного пункта дежурным врачом. По прибытии всей партии больных проводилась вступительная беседа, на которой рассказывали об истории курорта Хилово, а также о других советских и западных курортах. Далее проводились беседы врачей с группами больных по вопросам различных заболеваний, о воздействии вод на организм и о рациональном питании. По окончании курса лечения партии больных проводилась беседа с указанием достигнутых результатов и демонстрацией больных, достигших хороших результатов, здесь же рассказывалось о дальнейших профилактических мероприятиях по закреплению достигнутых результатов. С 1929 г. была введена еще одна форма бесед – на улице, в парке, у столовой. Дежурный или главный врач подходил к группе больных и постепенно подводил больных к вопросам, подлежащим обсуждению по программе, собирая вокруг себя группу в 40-50 человек. Слова врача затем передавались от одного к другому, и весь санаторий знал, о чем шел разговор. Эти беседы до некоторой степени были сравнимы с устной газетой о здоровье. Другая форма просветительной работы с больными – это доска здоровья, доска вопросов и ответов, а также были черная и красная доски, доски взыскания и поощрения. Кроме того, 1–2 раза в неделю устраивались вечера вопросов и ответов.

Для дальнейшего развития курорта приглашались различные специалисты, планировалась постройка новых корпусов, жилого дома

для персонала, нового ванного корпуса с грязевым отделением, поликлинического корпуса с электро-светолечением, механотерапией, и другими видами физических методов лечения, рентгеном, лабораторией. В эти же годы проводились гидрологические изыскания с целью получения более высокого качества серной воды, а также соленой и железистой. Предполагалась постройка физкультурного зала, концертного и кинозалов. Планировалось улучшение территории, превращение ее в парк, где можно не только лечиться, но и отдыхать на лоне природы среди ее красот. Курорт Хилово уже перестает быть деревенским мало кому известным курортом.

В настоящее время здравница Хилово превратилась в первоклассный крупнейший курорт на Северо-Западе России.

О лечебном воздействии на организм человека вод минеральных источников люди знали еще в древности. Не случайно в мифах и легендах радикальное омоложение неизменно связывалось с купанием в источниках или в ванне.

Среди существующих в мире термальных курортов славятся здравницы живописнейшей итальянской провинции Тосканы. Ее горячие источники оценили еще этруски. Роскошная природа, термальная и водно-сосновая терапия, характеристики вод разнятся по температуре, типам выхода на поверхность, физико-химическим свойствам. Имеется обязательный набор: бассейн, гидромассажные ванны, турецкие бани, сауны, массажные и косметологические кабинеты – настоящий рай. Звучит заманчиво, однако где взять средства, чтобы так провести отпуск? Ведь за две недели безоблачного существования под небом Тосканы надо выложить 1000 евро, не считая стоимости самих процедур. А состояние здоровья требует поправки. Что же делать? Отправляться в Хилово. Все богатство курорта Хилово дает полную возможность для комбинированного лечения различных болезней, по поводу которых больные едут лечиться на Юг или за границу, затрачивая при этом большие средства. А главное, упускается один очень важный момент, что лечение гораздо целесообразней в климате, к которому привык больной, и результат лечения в этом случае будет значительно выше и продолжительней. Ванны, грязи, минеральные воды – вот триада, обеспечивающая поправку организма. После беседы с врачом может быть назначен и массаж, и

другие процедуры. Это не в Италии, это под Псковом. Милые сердцу родные просторы, где можно бродить, погружаясь в чарующий лесной воздух, далеко, далеко от шума современного города, где медленно, размеренно течет время и никаких забот, одно отдохновение. Разве Вы это найдете на заграничных курортах, даже выложив большую сумму в евро для проживания в сверкающих звездами отелях?

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Садовский И.Я. О хилловских серных водах: Диссертация на степень доктора медицины, 1889. Сиб. Шрифт: 18.309.1.146–155.
2. Русский инвалид. 1880, № 215.
3. Краткая памятная записка касательно Хилловских минеральных вод. 1899.
4. Курорт Хилово. СПб., 1931. С. 101.

А.Г. Разумовская

ЛИТЕРАТУРНЫЙ «ТЕКСТ» ПОРХОВА

Как известно, человек никогда не может примириться со смысловой пустотой места, где он живет. С помощью культуры он символически организует свое место жизни, упорядочивает ландшафт силой своего творческого воображения, т.е. *энергия культуры конструирует реальность*. Следуя этой мысли Ю.М.Лотмана, неоднократно им высказанной в научных трудах¹, попробуем понять, как преобразуется пространство Порхова культурой, в частности, литературным творчеством. Понимая город как особый вид текста, мы осознаем необходимость изучения на примере Порхова той символической оболочки, которая означает и структурирует данное географическое место. Свою задачу мы видим в интерпретации этой символической оболочки как способа открытия нового смысла существования порховчан здесь и теперь.

Настоящая работа раскрывает один из разделов материала, собранного и проанализированного в рамках работы над проектом «Порховский перекресток». Изучение символического поля города про-

должается, хотя основной массив литературных текстов к исследованию привлечен.

Изучая Порхов как объект литературной рефлексии, мы обнаружили, что повышенной знаковостью обладают крепость и река Шелонь (равно как и другие водные реалии порховского ландшафта). По замечанию поэта XIX века К. Случевского, странствовавшего по «старейшим пажитям России, подле ее колыбели» и в 1887 году побывавшего в Порхове, общий вид на Шелонь и на крепость – «один из очень характерных, вполне достойных художника»².

Разнообразные литературные материалы позволяют выявить несколько аспектов в восприятии Порхова как «текста» культуры.

1. Памятники древности в восприятии писателей. В качестве ключевого слова выделяется «крепость», что подчеркивает отразившееся в сознании жителей и литературе представление об исторической и географической рубежности порховского края.

К. Случевский в очерках «Путешествие по северо-западу России» писал: «Эта окраина Руси в полном смысле слова истоптана людьми и конями и полита кровью за долгое время». Порхов относится, по словам К. Случевского, к числу «рубленных» городов, возникших на местах, удобренных кровью». К. Случевский сожалеет о плачевном состоянии города в 1887 году, рисует остатки стен и башен, «рассыпающихся под разрушительным влиянием ливней и ветров»; «все эти развалины – свидетели долгого былого и огромной переменчивости судеб».

Также и современный поэт Г. Горбовский замечает: «Ой, ветха крепостенка! Хоть знатная кладка, но годы / Не шадят и ее...», «Там, на светлом холме, продувные грызут ее ветры», «Там, на светлом холме, прорылась крепость-надежда»³. Для него забытая всеми «крепостенка», стоявшая во времени «кремнево», одушевлена, к ней, олицетворяющей «родимую, кровную» землю, поэт испытывает сыновнюю нежность и восхищение ее стойкостью:

...Здесь и прежде враги суетились, победы возглавлял.

Из Литвы привозили пузатую пушку однажды.

Сам пушкарь, что ее отливал, зарядил эту прорву!

Вот рассеялся дым...

А пушкарь-то на ключья разорван.

Нет ни пушки, ни мастера... Может, наврала расчеты?

Может, что-то еще не позволило?

Дивное что-то?

В общем, крепость осталась,

а враг зашуршал восвояси.

...В сорок первом от бомбы сгорело тут все

в одночасье.

Захирело то место... Сковала проулки усталость.

Речка высохла с горя. Но Русская крепость осталась!

Как видим, поэт вплетает в текст поэмы известное предание, зафиксированное еще К. Случевским, о немце Микеле, который был якобы убит ядром из своей пушки, «обратившимся на него вспять от алтаря церковного» церкви святителя Николая. Здесь высказывается мысль о некой чудотворной силе, которая охраняет крепость от исчезновения.

Для другого нашего современника – поэта и искусствоведа Е. Морозкиной исторические, природные детали порховской земля таят в себе память о прошлом, которое сосуществует с настоящим, и эта память поэтична, сокровенна, полна тайны:

Вои-клёны у острога

В золотых доспехах.

Вьётся под гору дорога,

Да она не к спеху.

Белый звон на сизой башне –

Будто манит кто-то...

День ушедший,

День вчерашний

Приоткрыл ворота. (1962)

Местные поэты Порхова также ощущают неразрывную связь настоящего с прошлым, гордятся славной историей города и его сегодняшними успехами. Немало примеров тому находим в районной периодической печати, особенно в преддверии юбилейных дат. Тако-

вы публикации в рамках конкурса, посвященного 750-летию со дня основания города:

Сердце города – крепость древняя,
Да Шелонь-река наша верная.
Все ты видела, крепость гордая,
И живет в тебе слава города.
Память вечная не кончается.
Город строится, обновляется.
И растут дома, проспекты, улицы,
Пусть любой из вас zalюбуется.
Да зайдет в музей – крепость древнюю,
Он расскажет вам судьбу города.
Как жила-была, да что видела
Крепость древняя на Шелонь-реке.
И всплывут тотчас в ее памяти
Годы юности, ратны подвиги
Князя Невского со дружиною,
Колокольный звон церкви-крепости
В день торжественный,
Славных воинов – сынов родины.
Много радости, горя горького
Перевидели стены каменны,
Все пропахшие горьким порохом.
Породнилась Шелонь-река с крепостью,
Да ласкает ее, убаюкивает,
Успокаивает, журчит на ухо.
Льется песнею волна звонкая.
Как у тех берегов легко дышится.
Песнь раздольной реки сердцу слышится.
А ведь песня та – о славе труда,
О сынах-воинах да о Порхове.⁴

2. История и исторические личности в литературном отражении.
Важнейшее имя в «тексте» Порхова – князь Александр Невский.

К. Случевский относит возникновение Порхова к 1239 году, когда Александр Невский «венчась в Торопчи» и срубил «городцы» по

Шелони. «В числе этих городцов, возникших после двух свадебных каш, значился, вероятно, и Порхов». Автор очерка о Порхове высказывает сомнение относительно высказывания Н.М. Карамзина, что Порхов входил в число 12 каменных крепостей земли Русской: «заметим, что счет Карамзина не совсем верен, так как были и другие, например, Остров».

Современное восприятие истории порховчанами, совпадающее с легендарным, отражено в песне, сочиненной к юбилею города:

По речной долине, по речной долине,
Где туман белесый стелется, клубясь,
Ехал со дружиной, ехал со дружиной,
Ехал со дружиной православный князь.

Жили не тужили, пиво-мед варили,
Но мечи ковала вражеская рать.
И не раз на битву русичи ходили
За родную землю грудью постоять.

Из реки Шелони пили воду кони,
На кострах варили ратники еду.
Князь из-под ладони, князь из-под ладони
Озирал округу у всех на виду.

«Здесь построим крепость – от врагов защиту», -
Громко молвил людям князь тот удалец...
Так и появился, башнями укрытый
На реке Шелони Порхов-городец!⁵

3. Природа края.

Именно порховские пейзажи породили прекрасные народные предания.

К. Случевский описывает «Гриву»: «дорога идет по гребню чрезвычайно высокой насыпи версты в полторы длиной, причем решительно нельзя объяснить себе: природа ли устроила эту насыпь или

потрудились здесь в колоссальной работе руки каких-то неведомых людей и неизвестно для какой цели?». Кроме «Гривы» автор упоминает подобные возвышенности, имеющие вид насыпей и состоящие из чистейшего гравия, – погост Вышгород и Судома-гора, которые автор называет «какой-то шуткой природы». С Судомой-горой связана легенда о цепи, которая когда-то спускалась с неба и давала знать, кто прав, а кто виноват в споре, но так как один вор обманул самого Господа Бога, то цепь перестала спускаться. Вариант легенды записал Л. Толстой «Судома (сказка)»: «В Псковской губернии, в Порховском уезде, есть речка Судома, и на берегах этой речки есть две горы, друг против дружки. На одной горе был прежде городок Вышгород, на другой горе в прежние времена судились славяне».

Не менее любопытна легенда, связанная с рекой Шелонью: «Город расположен над рекой Шелонью, которая не что иное, как жена Ильмера (озеро Ильмень), утопленная им вследствие того, что он прельстился женою своего соседа Ловатю; говорят, что плач и воздыхания утопленницы бывают слышны и до-сегодня». К. Случевский пишет, что на Шелони целых восемнадцать мельниц, «можно представить себе, насколько *трудолюбивы волны этой кроткой исторической реки*» (курсив здесь и далее мой – А.Р.). Вообще природное имя Шелонь (наряду с человеческим именем Александр Невский) цементирует фундамент порховского «текста». Другой литератор XIX века П.А. Корсаков называл Шелонь «*излучистой рекой*», а прозаик н. 20 века В. Вересаев писал: «*весело струилась* темноводная Шелонь», «вода в ней свежая, чистая, что серебрина» («Лизар», 1899), художник Мст. Добужинский упоминал «*тихие струи*» Шелони. В. Милашевский в письмах 1973 года А.П. Гагарину, вспоминая Холмки, размышлял: «Как-то возвращаешься к настоящим национальным истокам, родникам... Вот тогда, когда надоедают нерусские русские, я всегда вспоминаю эту комнату, в углу которой стоит арфа и две фигуры у рояля спиной к окну, через которое видна речка Шелонь.

– О Русь! Ты за шеломянем еси! – говорит певец «Слова о Полку Игореве»⁶.

Для этого художника холмовские виды являются «пейзажем Александра Невского», река Шелонь связана с Невским тоже: «вдоль

нее Александр Невский вел когда-то свои войска на псов-рыцарей».

Вообще реки порховского края поэтизированы и в современной литературе: они наделены своим неповторимым нравом, своей судьбой. Например:

Догорает вечер;
Густ лучей огонь.
Обнялись две речки –
Белка и Шелонь.

Не в плену у тины,
Вышли на простор,
Берега раздвинув
И тенистый бор!

И, кружась, запели
У камней рябых,
Меж зеленых елей,
В платях голубых.

Смех волны веселый –
Мчатся по лугам...
И встречать их села
Вышли к берегам.

Снег черемух яркий,
И поет гармонь...
Сестры-псковитянки –
Белка и Шелонь.

Синь – плотней –
не мелко...
С ив струится сонь...
Здесь, петляя, Белка
Прыгнула в Шелонь!⁷

Или другой пример:

С рекой Шелонью дружит Мста,
А обе – с Ильмень-озером.
Струится между сосен та,
А эта меж березами.

И все ж у Мсты – спесивый нрав:
Без ветра волны клочьями.
Шелонь же, тихо сил набрав,
Турбины ГЭС ворочает.

Притоки руки тянут к ней.
Гостят в тумане заводи.
И нет воды ее вкусней
Во всем северо-западе.

Ее веками Ильмень пьет,
Дает на пробу Ладоге.
И вот она течет, течет,
Дыша в лесах прохладою.

Бежит, не смея отдохнуть,
Ничто себе не требуя...
Не будь ее, да Мсты не будь,
И Ильменя бы не было⁸.

Или:

Есть на Порховщине
Речка Веретенка.
Зяблик на лещине
Там теплел и тенькал.
Крохотная пташка:
Перушки да кости,
Алая рубашка,

С прозеленью хвостик.
На ночь угнездится
Под листом ореха,
В горсти уместится,
А душе утеха.
Так и Веретенка, -
Ластынька-водица:
Узка, коротенька,
А не надивиться!
Заросла кугою
От клочка до края,
Выгнулась дугою,
Дремлет, замирая.
Сказывает байки
Малым пескарятам.
Нежит без утайки,
Лилийки не спрятав...
Много рек я знаю,
Помню даль-походы:
Плавал по Дунаю,
Мерил Вислы воды.
Обь меня качала,
Колыхала Волга,
Лились за плечами
И Нева и Волхов.
Но лишь эта речка,
Лишь моя Светлана,
Для меня навечно –
Песня – необмана⁹.

Для тех, кто воспринимал природу порховской земли в более широком контексте (особенно в сравнении со столицами), она являлась воплощением идиллического мира. П.А. Корсаков в письмах М.Н. Загоскину из «деревни» (в это понятие входят Порхов, село Буриги и усадище Захонье) (после 1813 года он возвращается на родину на 18 лет) в 1816–17 гг. писал:

Я, покинув шумный круг,
Улетел туда, где веет
Воздух родины моей;
Где родимые пенаты
Кров мой тихий, небогатый
Средь наследственных полей
Кротким счастьем осеняют,
Домоседа защищают
От опасных светских бурь!

Идиллическая окрашенность писем связана не только с жанром дружеского послания, но и с восприятием деревни как идеального мира. Сентиментальной стилистикой отмечена тема сельских трудов и сельского уединения, быт его порховских имений и взаимоотношения с крестьянами. В письме от 18 июля 1816 года говорится: «Строение барского моего дома в усаднице Захонье, на берегах излучистой Шелони, поостановилось немного за сельскою нашей меженью и так называемую *страдную* порою, т.е. временем уборки хлеба. – Видишь ли, друг мой, что и я, недавний пред сим горожанин, знакомлюсь уже с лексиконом поселян! Боюсь, чтобы скоро не начать писать языком моих древних шелонских республиканцев (намек на независимое положение «Порховского городка» в периоды существования Новгородской и Псковской феодальных республик); что же до разговора, то иногда – вероятно, от желанья быть внятнее добрым моим крестьянам, – я забываюсь и говорю совершенно их наречием»¹⁰.

В 20-е годы XX столетия подобное восприятие характерно для обитателей Холмков, приехавших в деревню из столицы, как, например, Вл. Ходасевич:

Здесь даль видна в просторной раме:
За речкой луг, за лугом лес.
Здесь ливни черными столпами
Проходят по краям небес.
Здесь радуга высоким сводом
Церковный покрывает крест

И каждый праздник по приходам
Справляют ярмарки невест.

Здесь аисты, болота, змеи,
Крутой песчаный косогор,
Простые сельские затеи,
Об урожае разговор.

А я росистые поляны
Топчу тяжелым башмаком,
Я петербургские туманы
Таю любовно под плащом.

И к девушкам, румяным розам,
Склоняясь томною главой,
Дышу на них туберкулезом,
И вдохновеньем, и Невой.

И мыслю: что ж, такой от века,
От самых роковых времен,
Для ангела и человека
Непререкаемый закон.

И тот, прекрасный неудачник
С печатью знания на челе,
Был тоже – просто первый дачник
На расцветающей земле.

Сойдя с возвышенного Града
В долину мирных райских роз,
И он дыхание распада
На крыльях дымчатых принес.

(«Бельское Устье», 1921)

Ходасевич передает ощущение деревенского простора, свежести и чистоты, изображая «высокий свод» радуги, даль, ливни, «края не-

бес», «росистые поляны». Нарисованный им естественный, первозданный мир противопоставлен гибельному миру города («А я росистые поляны/Топчу тяжелым башмаком»), символами которого выступают «петербургский туман» и «туберкулез» с их «дыханием распада». Такое восприятие порховской деревни, дающей оздоровление горожанину, характерно и для художника Б. Попова, говорившего о Холомках: «Здесь я нравственно переродился... Выбросил из себя город, асфальт».

К. Чуковский в письмах 1921 года Н.М. Волковысскому неоднократно замечает: «Здесь такая благодать, что лучшего и представить нельзя», «имение – рай. Река, парк, огромный фруктовый сад, апельсины, чудесный огород», «край сытый и благодушный». Пейзажи этих мест нашли художественное отражение в романе Н. Чуковского «Княжий Угол»(1936): «Три окна выходили на простор, – там были поля, покрытые яркою майской травой, зеленый пух молодой листвы на ивах, склонившихся к реке, а за рекой опять поля и синий лес...»; «Они прошли мимо конюшни, обогнули белый дом и вышли на зеленый склон, спускающийся к реке. День был теплый, ясный, почти летний. Тяжелые шмели летали над травой. Река внизу блестела на солнце меж зеленых ив. За рекой тянулись поля... Деревни с высокими журавлями колодцев, подсиненные далью, казались уютными и мирными. За деревнями вдали начинался лес, бесконечный, синий, как море»¹¹. В очерке В. Ходасевича «Поездка в Порхов» также подчеркнута красота местности: «Дорога от Бельского Устья до Порхова довольно живописна. Часть пути надо ехать по низкому берегу реки, поросшему кустарником. За кустами виднеется медленная синяя вода, а за нею высокий берег, по которому спускаются вниз темно-синие ели. Отходя от реки, дорога пересекает холмистые поля, разграфленные черными, желтыми и зелеными квадратами».

4. Самобытность характера порховчан и их образа жизни.

Еще К. Случевский писал о порховчанах: народ «чисто-русский, плотный, радушный».

Также и в 20-е годы XX века писатели ощутили прочность и цель-

ность природы русского человека, «внутреннее здоровье» крестьян – «потомков воинов Александра Невского».

К. Чуковский не раз признавался: «Я, бродя по деревням, ближе познакомился с псковитянами, очень полюбил их песни, их певучую речь, их чопорный, простодушный, и в то же время лукавый характер» (из письма 1950 года Ал. Алтаеву); «20 февраля. Сегодня видел деревенскую свадьбу. Сани шикарные, лошади сытые. Мужики и бабы в санях на подушках. Посажены отец вел невесту и жениха, как детей, по улице. Ленты, бусы, бубенцы – крепкое предание, крепкий быт. Русь крепка и прочна: бабы рожают, попы остаются попами, князья князьями – все по-старому на глубине. Сломался только городской быт, да и то возникнет в пять минут. Никогда еще Россия как нация не была так несокрушима»¹².

Аналогичное впечатление запечатлел художник В. Милашевский: «Революция не давала здесь никаких сдвигов». Он подробно описывает ритуал рассматривания невест, свадьбы «с соблюдением всех правил эпохи Александра Невского». От лиц псковских мужиков веет «здоровьем, крепостью, даже не его самого, а как-то и всей нации... “Руси”!»¹³

В. Ходасевич отмечает изобилие (особенно поражающее в суровое послереволюционное время) этого края: «на яблоки мы меняем у окрестных сельчан яйца, картофель, молоко и прочее, чем обильна Псковская губерния, не знающая доселе, что есть неурожай». «В этот голодный год урожай в Псковской и Петербургской губерниях случился в несколько раз выше обыкновенного и они стали чуть ли не “житницами России”».

Однако все это увидено глазами приезжих, иное восприятие крестьян и их жизни, взгляд «изнутри» представлен в письме хозяйки имения Холомки, С. Гагариной, М. Добужинскому в 1917 году (14 ноября): «С людьми трудно, хотя они и понимают, что обстоятельства, а не мы не даем им керосину и сахара, но все они точно скотина во время затмения так встревожены, чувствуют все же, что я маленько поразвитее их и смотрят на меня с какой-то глупой надеждой, точно я все-таки могу им луну достать. С крестьянами у нас сносно у меня лично хорошо. Лечу их... Сначала не шло и они и я ненавидели и

было тяжело, потом прошло и точно что-то я почувствовала и ненавидеть перестала – жаль их до смерти стало... устала я... истерзалась. Я слаба, хотя дух мой и силен, но на много меня не хватает..., всем грустно из-за того, что творится, готовы выть в отчаянии, а у меня в душе и нервы все хуже»¹⁴.

5. Образ уездного города в восприятии литераторов.

Вл. Ходасевич в очерке «Поездка в Порхов» рисует «один из самых нелепых дней подсоветской жизни», «тот нелепый порядок, при котором решительно все люди, как правящие, так и управляемые, заняты были не своим делом, а если иногда и своим, то в столь бессмысленных условиях, что дело превращалось в толчение воды». С присущим автору юмором показана «смешная и грустная чепуха» советского уклада на примере Порхова. «Город оказался довольно приятен. Разноцветные крыши и обилие садилов придавали ему вид почти нарядный». Поэт с помощью иронии (переходящей даже в сарказм) обнажил контраст между медленным течением жизни в провинциальном городке и глобальными устремлениями времени: «Вскоре я очутился на главной площади, посреди которой, если мне память не изменяет, росло несколько деревьев. На фоне их высился монумент, которому подобного я еще не видывал... Он был исполнен в кубистическом и футуристическом духе – пожалуй, не без влияния знаменитого татлинского памятника революции. Основанием ему служил белый куб вышиной примерно по грудь взрослому человеку. На этом кубе высился другой, поставленный как-то наискосок и поменьше величиной. На самом вершуре, опять же асимметрически, торчала маленькая четырехгранная пирамида с усеченной вершиной. Все, в общем, было похоже на пасху, которую уронили, сломали и составили вновь, но плохо. Сооружение было вышиной сажени в полторы, то есть не “выше пирамид”. Подойдя ближе, я обнаружил, что и материал его не “прочнее меди”. Попросту говоря, состоял он из деревянного каркаса, на который был натянут холст, выкрашенный клеевой краской. С одной стороны холст уже был оторван и позволял заглянуть внутрь. Мне вспомнился стих Державина:

На стогн поставлен, на позор,
Кумир безумну чернь прельщает;

Но чей в него проникнет взор –
Кроме пустот не ощущает.

Впрочем, мой взор и мое обоняние ощущали в памятнике еще нечто, “кроме пустот”, но что именно – да пребудет тайной сего монумента. Никакой надписи не было на его «цоколе», но, обходя вокруг памятника, подобно тому, как бедный Евгений обходил вокруг Медного Всадника, я обнаружил, кому он воздвигнут. В верхней его пирамидке была устроена маленькая ниша – точно кто ложкой откопнул кусок пасхи. В нише стояла деревянная рамочка с фотографией Карла Маркса, уже полинялой и размокшей от дождей. Внизу, у подножия, валялся засохший букет полевых цветов, перевязанный куском красного кумача»¹⁵ (по воспоминаниям Г. Проскуряковой, памятник стоял не на базарной площади, а напротив моста через Шелонь, во время наводнения 1922 года /на Пасху/ его сбросили в реку). Немного пародийно выглядит Порхов и в дневниковых записях К. Чуковского: «Очень забавны плакаты в городе Порхове. В одном окошке выставлено что-то о сверхчеловеке и подписано: “Так говорил Заратустра”. Заратустра в Порхове!» Оба автора уловили стремление провинции «быть не хуже» столицы.

Весь проанализированный нами, разнокачественный литературный материал позволяет сделать вывод о специфическом образе Порховской земли в русской литературе. Было бы необычайно интересно изучить фольклор этого края и его топонимику, которые существенно дополнили бы феномен Порхова, точнее бы выявили его «идею». Отдельным предметом исследования могли бы стать исторические реалии советского Порхова в творчестве местных поэтов (Великая Отечественная война, строительство и т.п.). Такая работа, на наш взгляд, по силам учащимся школ под руководством их учителей. В настоящий момент можно утверждать, что Порховская земля отразилась в литературе не только как олицетворение самой России, но и как символ той первоосновы, без которой жизнь невозможна и с которой, тем не менее, душа человека, как бабочка, стремится разорвать незримую нить:

Как бабочка, как бабочка... Возможно,
Наверное, пожалуй, может быть

И, крыльями узорными роскошно
Мигая, навсегда утратить нить
Связующую... нравится – налево,
Не нравится – направо, по верхам.
А все-таки без Пскова, Новоржева,
Без Порхова, хоть я и не был там... (А. Кушнер)¹⁶

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., например: *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров // *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб., 2001.
2. *Случевский К.К.* По северо-западу России. В 2-х т. Т. 2. СПб., 1897.
3. *Горбовский Г.* Русская крепость // *Горбовский Г.* Видения на холмах. М., 1977.
4. *Скворцова Ю.* Сердце города // *Коммунистический труд.* 1989. 20 мая.
5. *Исюмов Е.* (муз. В. Румянцева). Порхов-городец // *Коммунистический труд.* 1989. 11 марта.
6. Цит. по: *Гагарин А.П.* Холомки глазами Милашевского // *Краеведческие чтения.* Порхов – Холомки. Материалы юбилейных конференций. Псков, 2001. С. 57.
7. *Демьянов И.* Белка и Шелонь // *Коммунистический труд.* 1962. 21 октября.
8. *Шабанов А.* Шелонь // *Коммунистический труд.* 1974. 8 октября.
9. *Григорьев И.* Веретенька // *Коммунистический труд.* 1967. 10 августа.
10. См.: *Вершинина Н.Л.* Петр Александрович Корсаков (1790 (1787?) – 1844) // *Псковский край в литературе /* Под ред. Н.Л.Вершининой. Псков: ПГПИ, 2003. С. 132 – 136.
11. *Чуковский Н.* Княжий Угол // *Н.Чуковский.* Битвы и годы. М., 1957.
12. *Чуковский К.* Дневник 1921 года // *Новый мир.* 1990. № 8. С.135.
13. *Милашевский В.* Вчера, позавчера... М., 1989. С. 228–233.
14. Цит. по: *Антипова Р.* М.В.Добужинский и Гагарины. По материалам переписки // *Краеведческие чтения.* Порхов – Холомки: Материалы юбилейных конференций. Псков, 2001. С. 91-92.
15. *Ходасевич В.* Поездка в Порхов // *Литературное обозрение.* 1989. № 11.
16. *Кушнер А.* Таврический сад. Седьмая книга. Л., 1984.

Л.А. Фролова

ИСТОРИЯ ПОЖАРНОЙ ОХРАНЫ ГОРОДА ПОРХОВА

К началу XIX в. в России назрела острая необходимость в создании пожарных команд, в состав которых входили бы люди, специально обученные искусству пожаротушения. 29 ноября 1802 г. выходит указ Александра I «Об учреждении при полиции особенной пожарной команды». Сначала они были открыты в Санкт-Петербурге (1803 г.) и Москве (1804 г.), затем рекомендации по организации пожарной охраны с учётом местных условий были направлены в губернии.

В Псковской губернии наиболее активная работа по созданию пожарных команд проводилась в 1830-е гг., когда должность губернатора исполнял А.Н. Пещуров. Сначала он сформировал пожарную команду при полиции в Пскове, нашёл опытного брандмейстера. В 1837–1838 гг. прошли первые курсы по подготовке брандмейстерских учеников для всех уездов Псковской губернии¹. К 1840 г. были составлены примерные штаты пожарных команд, определено жалование². Однако воплотить этот проект в жизнь удалось только после принятия в 1853 г. «Нормального табеля состава пожарной части в городах».

В отчёте Порховского полицмейстера за 1856 г. указано, что в Порхове числится 1 брандмейстерский ученик и 6 рядовых³. Помощь им в случае пожара продолжали оказывать обыватели и воинские части.

18 августа 1860 г. выходит указ Александра II о создании общественных команд по примеру города Осташкова Тверской области. В 1862 г., разработанный МВД проект устройства подобных команд как наиболее соответствующий средствам небольших и небогатых городов, был направлен во все губернии. В Порхове этот проект «в своих главных основаниях» был принят к руководству 20 мая 1862 г. Но, как выяснилось через 4 года, опыт не удался из-за равнодушия обывателей и отсутствия «людей технически образованных и специаль-

но знакомых с предметом...»⁴. Вновь начались работы по переустройству пожарной части в городе. Общественная команда была сформирована из мещан по назначению городского общества. И, как свидетельствует документ 1871 г., состоял из 39 человек⁵. Обыватели продолжали нести пожарную повинность в виде ручного труда и поставки лошадей. В 1882 г. в общественной команде числились 71 рабочий⁶ и один брандмейстер, должность которого исполнял некий Клейзер⁷.

Но наиболее приемлемой формой организации в деле тушения пожаров в провинции стали добровольные пожарные общества, которые работали на основе разработанного и утверждённого МВД Устава. В уставе прописывались: цели и задачи общества, права и обязанности, структура, радиус выезда, количество отрядов (лазильщики, ломальщики, охранители, водоснабжатели и т. д.), существовал суд чести.

Устав Порховского пожарного общества был утверждён 31 января 1873 г. министром МВД, генерал-адъютантом А.Е. Тимашевым⁸. 1 мая общество было открыто, этот день стал ежегодным праздником порховских пожарных. Обязательным выездом на тушение пожаров, кроме города Порхова, были: две слободы, селения в двух верстах от города и сёла Полонье, Ветчи, Красково, Заполье, Заполье Слепое, Тосныборки, Селище, Владимирово, Городище, Попадин-Ручей, Долгуша, Осячище, Опочно, Киевка, Заходы, село Опочно, Шелонск и фабрика Шелонина⁹.

Инициатором создания команды, отвечающей требованиям профессиональных действий на пожарах, выступил уездный врач, выпускник Дерптского университета, коллежский советник Александр Карлович Шульц. Его избрали председателем общества, и он исполнял эту должность до 1881 г. В ночь с 11 на 12 марта Александр Карлович скончался от разрыва сердца на 53 году жизни¹⁰.

У истоков создания Порховского вольного пожарного общества стояли многие передовые люди города, среди них – гласный городской Думы, купец 2-й гильдии, владелец питейных и пивных заведений Александр Андреевич Шелонин, человек деятельный и энергичный. Он был в числе учредителей пожарного общества, а после его

открытия входил в состав совета и исполнял должность командира трубы, потом начальника охотников. По случаю ходатайства о награждении А.А. Шелонина Высочайшей наградой, члены общества писали о нём: «А.А. Шелонин является первым двигателем в столь важном деле, как дело пожарное, не щадя своих собственных средств, как-то приобретение новых пожарных инструментов (на личные деньги купил пожарную трубу стоимостью 700 рублей), так равно и для расширения и развития Общества, – с одной стороны, – усердием, разумною деятельностью и энергией, – с другой, – поставил Порховское вольное пожарное Общество на высшую степень усовершенствования, доказательством чему могут служить бывшие в городе и окрестностях пожары, потушаемые с изумительною быстротою, самоотвержением и отличным знании дела... Шелонин привёл вольное пожарное Общество в состоянии полной готовности исполнить свои задачи». 17 декабря 1882 г. государь император пожаловал начальнику охотников А.А. Шелонину «за оказание им отличия неслужебные серебряной медали с надписью “За усердие” для ношения на шее на Станиславской ленте»¹¹.

Сын Шелонина Николай вступил в должность начальника Общества, его дочь Мария Александровна вышла замуж за пожарного добровольца П.П. Зацкого (в обществе с 1881 г.), который в 1895 г. был избран на должность председателя совета вольного пожарного общества и был им вплоть до самой революции 1917 г. Внуки, подрастая, вступали в ряды пожарных охотников. Так рождались династии. Большой вклад в развитие пожарного дела в Порхове внесли семьи Ардамацких, Дробиных, Зайцевых, Зацких, Калашниковых, Карповых, Мукиных и многие другие. Долгие годы в пожарном обществе работали Н.В. Поляков (с 1874 г.), Ф.Ф. Кинкульский (с 1875 г.), М.Е. Трошихин (с 1876 г.), С.П. Куликовский (с 1878 г.), В.М. Болашов (с 1879 г.), М.С. Горбунов (с 1879 г.), К.Л. Семёнов (с 1881 г.), Е.С. Силин (с 1884 г.), П.С. Бабкин (с 1885 г.)¹², В.Д. Линде. Да разве всех перечислишь... Более 35 лет прослужили Александр Андреевич Голубев и Николай Васильевич Вильдтгрубе. Они стояли у истоков создания пожарного общества. В 1913 г. за 40 лет службы были представлены к награде серебряной медалью «За усер-

дие» для ношения на груди на Станиславской ленте порховские мещане: охранители Пётр Иванович Брюханов и Михаил Петрович Фуфаев и водоснабжатель Александр Фёдорович Захаров¹³. Одним из опытнейших пожарных был Андрей Иванович Фальковский (вступил в общество в 1878 г.), исполнял должность старшего брандмейстера. Он был делегатом I съезда пожарных деятелей России в 1892 г.¹⁴, в 1912 г. – делегатом VI Международного конгресса пожарных¹⁵.

Таким образом, пожарное общество, зародившись среди небольшой группы передовых по тому времени граждан, почти без всяких материальных средств и нравственной поддержки, встретив вначале одно лишь недоумение толпы, смотревшей на пожарное дело как на забаву, и, пройдя все стадии своего развития, достигнув мастерства в тушении пожаров, вылилось в солидное учреждение, сильное духовным единением и традициями. Но самое главное, как считали сами добровольцы, пожарное общество завоевало доверие и расположение граждан Порхова. Уже почиталось за честь быть в рядах гасителей. Кто по возрасту или здоровью не мог быть действительным членом общества, оказывая материальную поддержку, входили в состав жертвователей. И таких было немало. В 1899 г. из общего числа добровольцев (167 человек) – 31 были жертвователями¹⁶, в 1911 г. из 285 человек – 162 были жертвователями¹⁷. Финансовую помощь в виде пособий оказывали губернское и уездное земства, страховые общества, также частные лица вносили пожертвования. Деньги расходовали на приобретение обмундирования, пожарного инвентаря и на прочие хозяйственные нужды.

В 1899 г. решили приобрести нагнетательную паровую машину. С этой целью на заседание вольного пожарного общества были приглашены представители уездного земства, города и полиции. Чтобы иметь представление о таковой, председатель общества и начальник охотников выехали в город Люцин, чтобы ознакомиться с работой аналогичной машины Люцинского ВПО. После чего был представлен подробный и обстоятельный доклад. И только тогда постановили купить паровую машину со всеми принадлежностями от фирмы Шанд Мейсон и К° в Лондоне. В 1900 г. двухколёсная паровая машина поступила на вооружение.

Заметным событием в жизни города было строительство пожарного депо с каланчой.

Так как пожарные занимали помещения, принадлежавшие МВД, в которых с весны 1911 г. планировали разместить конных стражников, в 1910 г. был поднят вопрос о строительстве собственного здания. Городская дума отвела участок земли в количестве 568 кв. сажень, ассигновала пособие в сумме 2500 рублей. Порховское уездное земство назначило единовременное пособие в сумме 500 рублей. Губернское земство отпустило в беспроцентную ссуду на пять лет 500 рублей. Домовладельцы города обязались вносить в течение трёх лет, начиная с 1911 г., по полпроцента с городской оценки 1910 г., что составило капитал примерно до 2000 рублей в год. В 1914 г. состоялось торжественное открытие двухэтажного здания с каланчой на берегу Шелони¹⁸.

Несмотря на последовавшие события 1914, 1917 гг., Гражданскую войну, порховское пожарное общество не прекратило своих действий, хотя и уменьшилось количественно.

Помимо своих прямых обязанностей по тушению пожаров принимало участие в мероприятиях, связанных с исполнением гражданского долга: в 1920 г. во время наступления банд Балаховича, когда 63 и 120 полки покинули Порхов, пожарное Общество охраняло город; в апреле 1922 г., во время наводнения, спасало горожан и их имущество¹⁹.

В 1920 г. в обществе состояло 150 человек²⁰, возглавлял его И.И. Мукинин²¹. В 1923 г. Общество отметило свой 50-летний юбилей. Поздравить гасителей приехали представители Островского, Новоржевского и Солецкого обществ. В составе Порховской пожарной дружины оказались два ветерана, служившие в ней со дня основания. Маститым юбилярам преподнесли серебряные подстаканники²².

После революции Российская пожарная охрана стала переходить на профессиональную основу. Пришло указание об организации профессиональной команды и в городе Порхове. Известно, что в 1924 г. она состояла из одного брандмейстера и семи рядовых пожарных²³. К 1 августа 1930 г. личный состав Порховской городской профессиональной команды был доведён до 16 человек²⁴. Известно несколько

фамилий руководителей профессиональной команды в довоенный период: И.И. Мукинин, Дмитриев²⁵, Прейшель²⁶, А.И. Гюннинен²⁷.

В годы Великой Отечественной войны профессиональная пожарная команда получила приказ эвакуироваться в Сольцы, потом были Новгород и Валдай, где команду расформировали. Вновь профессиональная пожарная команда для города Порхова была сформирована в 1944 г. в городе Тихвине из 4 мужчин и 5 женщин. Начальником команды был назначен Иван Иванович Фокин. В 1951 г. женский состав команды полностью заменили мужчинами. Добровольческое движение по тушению пожаров после войны не возобновилось в прежней форме.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 1313, л. 51об.
2. ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 1186, л. 243-275.
3. ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 1876, л. 163.
4. ГАПО, ф. 185, оп. 1, д. 139.
5. ГАПО, ф. 185, оп. 3, д. 31, л. 2,3.
6. ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 2374, л. 86.
7. ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 2453, л. 18.
8. ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 2340, л. 64.
9. Вестник Псковского губернского земства. 1893. № 2, 1895. № 3. С. 56–60.
10. То же. 1881. № 12. С. 90.
11. ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 2340, лл. 63, 67, 70, 72.
12. ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 2914, брошюра, с. 15.
13. ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 270, л. 275.
14. Труды I съезда русских деятелей по пожарному делу. СПб., 1893. Т. I. С. 44.
15. Труды VI Международного конгресса в Санкт-Петербурге. СПб., 1913. Т. I. С. 69.
16. Вестник Псковского губернского земства. 1900. № 7. С. 77.
17. ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 2914, л. 13.
18. Вестник Псковского губернского земства. 1900. № 7. С. 77; ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 2914, брошюра, с. 20.
19. Псковский набат. 1923. 26 мая.
20. ГАПО, ф. 429, оп. 1, д. 4, л. 4.
21. ГАПО, ф. 324, оп. 1, д. 53, л. 131.
22. Псковский набат. 1923. 20 мая.
23. ГАПО, ф. 429, оп. 1, д. 154, л. 111.
24. ГАПО, ф. 324, оп. 1, д. 329, л. 806.

25. ГАПО, ф. 680, оп. 1, д. 1131, л. 129.

26. ГАПО, ф. 324, оп. 1, д. 53, л. 131. Архив УВД Псковской области. Личное дело А.И. Гюннинена.

В.М. Ушакова

К ИСТОРИИ ПОРХОВСКОГО ОВЧИННО-МЕХОВОГО ЗАВОДА 1875 – 1941 ГГ.

Более чем 65-летний период существования Порховского кожевенного, с 1932 г. – овчинно-мехового, а затем, после 1936 г., – овчинно-шубного завода не стал еще предметом систематического изучения в краеведении. Тем не менее материал об этом предприятии есть, и не только архивного характера. В Российской национальной библиотеке (г. Санкт-Петербург) хранится подшивка заводской газеты «Красный меховщик» за 1932–1941 гг. Знакомство с ней представляет несомненный интерес для историков-краеведов.

24 марта 1932 г. газета, которая начала выходить с января 1932 г., поместила обращение редакции к ветеранам завода о сборе воспоминаний по его истории. Там же было указано, что «обработанный материал будет помещаться в виде приложения к газете». Но такового приложения в подшивке не оказалось, а статьи об истории завода были опубликованы в 1934 г. (23, 28 октября за подписью «Болотов») и 25 ноября 1939 г. Кроме этого, на страницах газеты печатались воспоминания рабочих и служащих по истории предприятия.

История овчинно-мехового завода началась 129 лет назад в 1875 г., когда на берегу Шелони в 3-х верстах от Порхова купец Шелонин приобрел небольшой мыловаренный завод и перестроил его в мастерские по обработке кож. Мастерские Шелонина представляли небольшого размера деревянное здание с низкими потолками и кустарным оборудованием. Рабочий день начинался в 6 часов утра и заканчивался в 8 с двумя перерывами для еды. Заработок составлял 8–10 рублей. Производственный процесс обработки кож продолжался 6 месяцев.

Русско-турецкая война 1877-1878 гг. значительно повысила спрос на продукцию мастерских Шелонина. Он смог расширить свое производство и увеличить количество рабочих до 25–30 человек. Для дальнейшего развития мастерских владельцу уже стал необходим приказчик. На эту должность Шелонин назначил рабочего Исакова, бывшего сыном палача из деревни Вольные Пустыньки Порховского уезда.¹ Источником рабочей силы для завода были крестьяне окрестных деревень. В конце XIX в. стали появляться и кадровые рабочие из городов. К началу 1905 г. количество рабочих выросло до 75 человек. Опасаясь волнений на предприятии, Шелонин увеличивает оплату труда до 15–18 рублей. Одновременно первый историк завода Болотов отмечает, что на завод Шелонин в этот беспокойный период старался не брать квалифицированных рабочих, приезжающих из Петербурга.²

Однако избежать выступления Шелонину не удалось. Оно началось 18 июня 1905 г. Поводом было грубое поведение приказчика Исакова. Вот как описывал эти события рабочий А. Захаров: «18 июня ничем не отличалось от обыкновенных рабочих дней... Работали без спецодежды, хотя полагались кожаные фартуки от хозяина... Вместо фартуков выдавали рогожные передники, которые, впитав воду, становились тяжелыми и неудобными. Мездрильщик Харитонов заявил Исакову, что если ему не дадут кожаного фартука, он бросит работу. Исаков нанес ему удар палкой. Остальные мездрильщики бросились на защиту товарища». Возбужденные рабочие поймали и хотели расправиться с приказчиком, но тот сумел вырваться. Во дворе возник стихийный митинг. Митингующие объявили забастовку, выдвинули требования: убрать Исакова, повысить заработную плату и сократить рабочий день.

Шелонин обратился за помощью в Порхов. Прибыла конная стража. Но рабочие уже разошлись. На следующий день работу бастующие не начали, хотя и появились на заводе. Хозяин пытался вести переговоры, но они не получились. На третий день из Порхова прибыл исправник, городовые и стражники. Рабочих построили перед зданием общежития. Потом по одному пропускали в коридор, где Исаков называл зачинщиков. Было арестовано 8 человек: Ефим Еки-

мов, Степан Богданов, Петр Петров, Терентий Павлов, Иван Лепецкий, Николай Харитонов и др. Остальным предложили немедленно приступить к работе. Частично были удовлетворены требования бастующих. И хотя Исаков остался на заводе (через некоторое время он повесился), но рабочий день был сокращен до 10 часов, повышена зарплата, полностью оплачены дни забастовки.

Газета «Красный меховщик» периодически публиковала на своих страницах воспоминания ветеранов завода о жизни города в дореволюционное время, о проведении в нем праздников. Интересны воспоминания рабочего Вальтера об одном из них – 1 Мая. В этот день устраивался общегородской праздник – парад пожарной дружины, которая, сияя медью касок, проходила с утра по городу. После парада городское начальство и его гости отправлялись на Сторожевую гору, где было приготовлено угощение, а менее именитые горожане собирались в саду перед пожарным депо, где тоже довольно весело проводили этот день.³

Перед Первой мировой войной заводом владели дочь Шелонина, М. Шелонина, и П. Зацкой. В 1913 г. на кожевенном предприятии г. Порхова впервые были установлены машины: небольшой паровой котел, паровая машина мощностью 40 л.с. и подошвенный каток для прокатки кож. Количество рабочих к 1913 г. увеличилось до 110 человек.

Первая мировая война и в связи с этим огромный спрос на кожевенный товар со стороны военного ведомства стимулировали как общее расширение производства, так и дальнейшую его механизацию. В 1915 г. на заводе закончили установку водяной турбины и стационарного парового локомобиля. В производстве было занято 210 человек, на 100 человек больше, чем в 1913 г. Изменился состав рабочих. В связи с начавшейся войной и призывом мужчин в армию 50% составляли женщины и подростки 14–15 лет.

О работе завода в годы революции и последующий до 1932 г. период сведений в газете почти не публиковалось. Из отдельных публикаций известно, что П. Зацкой оставался на заводе, будучи его директором, до 1924 г., когда он был арестован. К этому времени на заводе уже возникли комсомольская (1922 г.) и партийная (1924 г.)

организации. Комсомольская ячейка состояла из 3 человек, в неё входили А. Никифоров, П. Никифоров и А. Ильин. Одной из своих главных задач они поставили контроль за деятельностью директора, т.к. решили, что П. Зацкой не заботиться о госимуществе и «кроме того, был нечист на руку. Уже на первом заседании ячейки комсомольцы наметили план выслеживания Задского (так в тексте – В.У.) и его сообщников и постановили привлечь к этому еще 3-х беспартийных преданных ребят. Следили за каждым шагом директора и его квартирой. Однажды, когда А. Никифоров стоял у окна квартиры Задского (так в тексте – В.У.) и подслушивал его беседы», он был замечен собравшимися у директора и побит.⁴

Через год, в 1923 г., комсомольцев было 10 человек в январе 1924 г. – 28, к 1932 – 76. В начале 1924 г. работа комсомольской организации была поставлена под контроль партийной и обрела более серьезный характер.

Еще раньше, в начале 1919 г., был создан заводской комитет. Его председателем стал рабочий Максимов (перед началом Великой Отечественной войны он еще трудился на заводе мастером утильцеха). Своим делегатом в Порховский Совет рабочие избрали в 1919 г. Ф. Бабушкина.

Во время наступления Булак-Булаховича небольшой кожевенный завод превратился в вооруженный лагерь. Части Булак-Булаховича приблизились к заводу на 7 километров. Рабочие, вооружившись винтовками, охраняли железнодорожный мост, склады. Во дворе завода они разместили батарею. Был сформирован отряд из 17 человек, куда вошли Н. Бурмак, Бабушкин, Васильев, Зайцев, Шерстоногов и др. Отряд отправился в окопы на передовую. После отступления Булаховича рабочие вернулись на завод, потеряв 2 человек: один пропал без вести, а один был убит. Вот что рассказывал в газете свидетель гибели рабочего Зайцева: «Отряд, в котором он находился, был окружен. Видя неминуемый разгром, Зайцев вызвался вести переговоры и тем спас отряд. При первых же словах переговоров Зайцев был зарублен».⁶ Похоронен в братской могиле на площади Революции.

В начале 1932 г. завод перешел в систему Союзпушнины из системы кожевенного производства. Передача завода была вызвана рос-

том мехообрабатывающей промышленности, перед которой была поставлена цель – заменить экспорт сырья экспортом готовой продукции. Такой экспорт должен был увеличить валютные запасы страны. Одним из заводов, который был выбран для осуществления данной задачи, стал Порховский кожевенный завод, который получил название овчинно-мехового.

Началась техническая реконструкция завода. Одновременно с ней стали осваивать выпуск нового вида продукции. Основные поставщики сырья в Порхов – Украина, Северный Кавказ, Нижняя Волга, Центрально-Черноземная область, Северо-Запад. Это была, главным образом, овчина с неоднородной шерстью (грубошерстная). Завод занимался и выделкой ордынской овчины, для которой характерна очень грубая ость и много пуха. Путем щипки ость удаляется, пух остается. Учитывая тонкую мездру – получается очень мягкая овчина. На заводе был организован специальный цех по выпуску такой овчины. Кроме ордынской овчины, завод выпускал шубную черную, карпатскую цветную и черную, русскую меховую белую и черную. Завод уделял основное внимание выпуску карпатской (названной по способу дубки) овчины, которая шла на экспорт. Однако в освоении этого вида продукции долгое время главными трудностями были перебои с сырьем, разрыв сортности, красильное производство. Химики завода, например, длительное время, искали возможности использования отечественных красителей, чтобы снизить зависимость от импортных поставок.

Большая работа в это время велась по обучению кадров. В газете была введена техническая страничка, где специалисты выступали с публикациями по основным вопросам технологии; использовались различные формы технической учебы – сдача техминимума, технические курсы, школа ФЗУ. Организация повышения квалификации была чрезвычайно актуальна для завода. С 1932 г. начался оргнабор рабочей силы. В основном это были пришедшие из деревни крестьяне или жены рабочих, никогда не бывшие на заводе.⁸ С каждым годом увеличивался коллектив предприятия. Если в 1932 г. на нем работало 340 человек, в 1933 г. – 827 человек, то к началу Великой Отечественной войны – более 1500 человек.⁹

Среди пришедших в цехи многие были неграмотны. Так, например, даже в 1936 г. среди рабочих более 140 человек относились к категории неграмотных и малограмотных.¹⁰ Были открыты кружки по ликвидации неграмотности, а на курсах помимо технологии производства изучали русский язык и арифметику.¹¹

Совершенствование технологии, работа с кадрами помогли заводу в освоении производства, в выполнении экспортного плана. Порховские меховщики участвовали в аукционах меховой промышленности, популяризируя овчину карпатской дубки на международном рынке¹².

Так, на VIII Международный пушной аукцион, который открылся 5 марта 1935 г. в Ленинграде, Порхов послал 62 овчины различной расцветки. Основными цветами были коричневый, темно- и светло-зеленый, голубой, бордо, пунцовый, желтый. По поводу участия в аукционе газета писала, что оно «имеет большое значение для Советского Союза и завода, открывает новые возможности в деле получения ответственных заказов для советского экспорта»¹³.

В конце 1935 г. в Союзмехпроме с целью снижения себестоимости изделий было принято решение о переводе в Порхов пошивочного цеха с Ленинградской фабрики «Рот Фронт»¹⁴. Перед заводом встала задача освоения пошива полушубков, меховых пальто, в том числе и из карпатской овчины. В соответствии с этим заводоуправление пригласило на завод для налаживания выпуска новой продукции ленинградских мастеров, которые вели обучение швейному делу.

С 1936 г. газета печатает фотографии порховских меховых изделий, среди них дамские меховые жакеты, мужские полушубки и меховые пиджаки¹⁵.

О значении Порховского завода в этот период говорит то, что он стал базой, на которой 15 мая 1936 г. состоялась Первая отраслевая конференция овчинно-шубной промышленности РСФСР. Она открылась в городском театре. Присутствовали представители родственных предприятий РСФСР из Кузнецка, Барнаула, Ярославля, Читы, Омска и др. городов. На конференции присутствовал нарком местной промышленности РСФСР Колтун, который в своем выступлении отметил качество порховских меховых изделий: «Есть директора,

которые не учитывают теперешнего потребителя. Сплошь и рядом шьют шубы одинакового покроя что для мужчины, то и для женщины. Представленные образцы Порховским заводом в Наркомат и на выставку говорят о том, что из этого же сырья, с этими рабочими мы можем сшить хороший и красивый полушубок, в котором не стыдно будет сходить в выходной день в кино и театр»¹⁶.

Это была высокая оценка порховских изделий. Овчинно-меховое производство из полукустарного превратилось в механизированное с квалифицированными кадрами.

Много сил, энергии, знаний отдали этому директор Александр Федорович Кучеров, механик завода Иван Петрович Гегер, главный инженер Иван Николаевич Блюдник, заведующий лабораторией, а затем начальник красильно-отделочного цеха Михаил Борисович Брик, начальник шубного цеха Рукин, в дальнейшем директор завода, первый редактор газеты «Красный меховщик» Николай Минаевич Кириллов и другие¹⁷. За высокие трудовые достижения в 1940 г. были награждены мездрильщик Василий Васильевич Васильев, 29 лет отработавший на заводе, – орденом Ленина и работница пошивочного цеха Анна Александровна Орлова – орденом «Знак Почета»¹⁸.

Ко многим из этих людей судьба отнеслась сурово. В 1935 г. был объявлен зиновьевцем и отстранен от работы Н.М. Кириллов; в 1937 г. во вредительстве обвинили директора А.Ф. Кучерова, механика И.П. Гегера, исключив их из партии¹⁹.

На страницах заводской газеты регулярно печатались материалы о социальной политике и общественной жизни предприятия. Завод строил дома для своих работников, имел клуб, где выступали не только заводские самодеятельные артисты, но и актеры ленинградских театров, работала библиотека, два музыкальных коллектива, драмкружок.

Большое внимание уделялось проблемам подсобного хозяйства «Шелонск», а также подшефных колхозов. Завод шефствовал над колхозами Полонского и Демянского сельсоветов, отсылая туда бригады в период уборки урожая, осуществлял выезды с культурными программами, включавшими спектакли драмкружка, показ кинофильмов²⁰.

Шефские отношения связывали завод и с воинскими частями. Так, например, в 1932 г. завод заключил договор с одной из военно-морских частей Нового Петергофа. Моряки помогли организовать на заводе кружки по изучению военно-морского дела, способствуя таким образом подготовке молодежи к воинской службе. В свою очередь заводчане посещали подшефную часть, знакомили моряков с жизнью предприятия. Кроме того, газета регулярно публиковала письма своих рабочих, ушедших в армию²¹.

Таким образом, на всем протяжении своего существования Порховский овчинно-меховой завод играл заметную роль в экономике и культурной жизни края. Кроме того, это было одно из немногих предприятий на Псковщине, продукция которого поступала не только на внутренний, но и на внешний рынок. Дальнейшее изучение истории завода, несомненно, поможет открыть новую страницу в организации краеведческой работы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Красный меховщик. 1934. 28 октября.
2. Там же.
3. Красный меховщик 1938. 1 мая.
4. Там же. 1932. 4 сентября.
5. Там же. 1939. 25 ноября.
6. Там же. 1934. 23 октября.
7. Там же. 1934. 6 января, 23 февраля.
8. Там же. 1933. 19 июля.
9. Там же 1937. 8 марта; 1932 г. 6 июля; 1933 г. 4 февраля.
10. Там же. 1937. 23 апреля.
11. Там же. 1935. 28 августа.
12. Там же. 1934. 16 февраля.
13. Там же. 1935. 5 марта.
14. Там же. 29 ноября.
15. Там же. 1936. 11 сентября, 17 октября, 13 ноября.
16. Там же. 1936. 20 мая.
17. **Кучеров Александр Федорович.** Родился в семье шорника. Работать начал с 12 лет сначала в чайной, потом пас коров у помещика, был рабочим на мельнице. Участник гражданской войны, воевал на Польском фронте. После войны закончил военную школу в Кронштадте. После ухода из армии работал на заводе. В 1929 г. был назначен директором Порховского овчинно-мехового завода (тогда еще кожевенного). В 1937 г. объявлен вредителем, исключен из партии и снят с должности.

Гегер Иван Петрович – механик Порховского овчинно-мехового завода. Латыш. Родился в Латвии. В 1912 г. в г. Крейцбург (Крустпилс) был призван в армию. В 1928 г. пришел работать на Порховский кожевенный завод. Автор многих рационализаторских предложений. С его помощью создавалась техническая база для нового овчинно-мехового производства. В 1937 г. был объявлен вредителем и исключен из партии.

Блюдник Иван Николаевич – технический директор и главный инженер Порховского завода. Родился в Петербурге в 1909 г. в семье служащего. В семье было 4 детей. В 1914 г. закончил Удельнинское городское училище в Петрограде. После увольнения отца со службы Иван с матерью пошли на завод «Айваз» (Петроград). В 1916 г. за участие в забастовке Иван был выслан в Вологду, где работал на Сухонском артиллерийском заводе. После Февральской революции вернулся в Петроград и поступил на завод «Русский дизель». Участник Октябрьского вооруженного восстания и гражданской войны. Воевал против войск Деникина и Каледина, с 1918 г. и до конца войны находился в составе 5 армии на Восточном фронте, где в 1919 г. стал членом РКП (б). С 1922 по 1927 гг. учился в одном из ленинградских вузов. В [1927-1928 гг.] занял должность инженера-рационализатора на Порховском кожевенном заводе. И.Н. Блюдник активно способствовал превращению завода из полукустарного в технически оснащенное предприятие. Был назначен его техническим директором и главным инженером. Под его техническим руководством происходил переход от выработки кож к выпуску шубной и меховой овчины, в том числе и его экспортного варианта – овчины карпатского метода дубления.

Брик Михаил Борисович – начальник красильно-отделочного цеха завода. В 15 лет пришел на Порховский кожевенный завод. Работал сначала учеником, затем рабочим и помощником мастера. В 1930–1932 гг. учился по направлению завода в Киевском меховом техникуме. С 1932 г. занимал должности заведующего заводской лабораторией и отделом качества, мастера, начальника кожевенного цеха. С 1934 г. – начальник красильного цеха.

Кириллов Николай Минаевич – главный редактор газеты «Красный меховщик». В 1930 г. приехал на Порховский кожевенный завод из Ленинграда. Работал сначала завклубом, затем председателем завкома, с 1932 г. – главный редактор заводской газеты. В феврале 1935 г. был обвинен в сотрудничестве с Ленинградской зиновьевской организацией и снят с должности.

Биографические сведения составлены автором по материалам газеты «Красный меховщик». 1933. 12 июня; 1934. 4 января, 1 мая; 1935. 28 февраля; 1936. 25 ноября; 1937. 22 августа.

18. Газета «Красный меховщик» 1940. 28 июня.

19. Там же. 1937. 22 августа

20. Газета «Красный меховщик» 1932. 11 марта, 29 апреля, 14 сентября; 1933. 9 июля, 19 июля; 1939. 8 марта.

21. Газета «Красный меховщик». 1932. 31 декабря; 1935. 23 февраля.

ПОЖАРНЫЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ ПОРХОВСКОГО УЕЗДА

Во II половине XIX в. в России получило распространение пожарное добровольчество. Эта форма общественной взаимопомощи особенно важна была для сельской местности, как наиболее подверженной пожарам. В Псковской губернии первые сельские пожарные дружины были открыты в 60-е гг. Наиболее активно они создавались со второй половины 80-х гг. Можно предположить, что ежегодный рост количества пожаров, соответственно увеличение ущерба от них заставил земства обратить особое внимание на привлечение народа к созданию дружин и оснащение их пожарной техникой. Финансирование велось из сумм страхового капитала. Страховые организации выдавали дружинам субсидии, также существовала отдельная статья – вознаграждение отличившимся на пожаре.

Наиболее неблагоприятным по количеству пожаров в Псковской губернии являлся Порховский уезд. В 1873 г. в Порхове начинает действовать вольное пожарное общество, в 1882 г. – в Дно, в 1884 г. утвержден устав Солецкого ВПО. Из доклада Псковского губернского земского управления за 1885 г. следует, что в Порховском уезде имеется три вольных пожарных общества и одна сельская пожарная дружина¹. Интересно замечание страховых агентов, которым приходилось подсчитывать не только количество пожаров, но и приносимые страховому капиталу убытки от них – до 60% в Порховском уезде. Они говорили о высокой оценке строений в уезде. «А если бы оценка была бы ниже, то население тушило бы энергичнее», – предполагали агенты². В 1887 г. в Порховском уезде было уже 12 сельских пожарных дружин (СПД)³. В 1908 г. – 113 (в среднем по 5 СПД на волость). В некоторые годы известно количество создаваемых СПД: в 1891 г. – 6; в 1898 г. – 27; в 1899 г. – 17; в 1900 г. – 7; в 1901 г. – 14; в 1902 г. – 3; в 1903 г. – 10; в 1904 г. – 8; в 1905 г. – 1. Число членов в дружинах в среднем составляло 40 человек. Самая малочисленная была Окоп-

ская дружина Сухловской волости (20 чел.), наибольшее число членов в дружинах: Тишинской (84 чел.), Ручьевской (77 чел.), Бешковицкой (75 чел.).

Все дружины, которые имели сараи, были снабжены машинами и другими принадлежностями для тушения пожаров. Согласно отчету за 1908 г. большинство СПД имели по одной пожарной машине (трубе), 12 СПД – по 2, Молочишенская дружина Дубенской волости – 3. У 14 СПД было по одному гидropульту. Реже встречались лестницы. Их имели 48 дружин в количестве 204 штук. У большинства по 2 лестницы, 5 СПД Дорогостицкой волости имели 94 лестницы (от 14 до 30 лестниц на дружину)⁴.

Сельские пожарные дружины работали на основе «Нормального устава», разработанного императорским Российским пожарным обществом и утвержденным МВД 5 августа 1897 г. Начальником избирался наиболее деятельный крестьянин, чаще староста. В состав дружины обычно объединялись крестьяне нескольких деревень. Их называли действительными членами. В пожарные общества, кроме действительных членов, избирали почетных. Например, в Нижне-Шелонском пожарном обществе таковыми были: дворянин Владимир Николаевич Карамышев и крестьянин д. Б. Городка Василий Иванович Манишев-Младшеv (он же был председателем общества), начальником – крестьянин д. Дуброво Иван Васильевич Роньков⁵.

Владельцы имений могли открывать дружины на свои средства, такая дружина называлась частной. Так, 9 мая 1896 г. в день св. Николая Чудотворца в имении Ивана Фёдоровича Ванюкова (село Горки) был отслужен молебен по случаю открытия сыном владельца Фёдором Ивановичем частной ПД. В дружине на день открытия состояло около 50 человек молодых людей, в большинстве запасных нижних чинов, набранных из соседних с с. Горки деревень. Все имели единообразную форму, пошитую на счет своего начальника. Выезд предполагали делать на три версты в округе. На вооружении дружины были 4 пожарные трубы, 13 бочек, багровый ход и прочие необходимые инструменты. Все хранилось в каменном сарае⁶.

Руководителем тушения пожара был начальник дружины или его помощник. Но в начале зарождения добровольческого движения право

распоряжений на пожарах по закону предоставлялось полиции, поэтому особенно рьяные полицейские чины вмешивались в работу дружины, внося таким образом неразбериху. Так, в 1887 г. на одном из пожаров произошло столкновение членов Сорокинской ПД со ставным приставом. После чего Порховская уездная Управа вышла с отношением в Псковское губернское земское собрание просить начальника губернии предписать членам полиции обращать свои распоряжения на пожарах не к отдельным членам дружины, а к начальникам этих дружин⁷. Дружины всегда выезжали на помощь по тушению пожаров в районы действий соседних дружин. Например, 9 июня 1896 г. вспыхнул пожар в д. Заполье Дорогостицкой волости. На его тушение прибыли частная ПД Ванюкова, крестьяне Клиновской ПД (за 5 верст), из д. Городище прибыл пристав Н. П. Подревский с пожарной машиной и одной бочкой⁸.

В государственном архиве Псковской области сохранились сведения об открытии СПД за 1910, 1912, 1914 гг. В 1910 г. начали действовать Заилеменская, Скугровская и Большекулинская СПД⁹. В 1912 г. были утверждены псковским губернатором Петровская ПД (41 чел.), Ясскинская ПД (20 чел.), Заполянская ПД (крестьяне д. Б. Лук – 20 чел.), Горушкинская, Погибловская, Городовицкая (с. Юфимово), Ретненская, Лукандерская¹⁰. В 1914 г. открылись Залужская, Пожевицкая (20 чел.) СПД, Нижне-Шелонское пожарное общество. В том же году было получено разрешение на открытие Юковской ПД (54 чел.) и Грибенской (30 чел.)¹¹.

Таким образом, до революции 1917 г. в Порховском уезде было 5 вольных пожарных обществ (Порховское, Солецкое, Дновское-1, Дновское-2, Нижне-Шелонское) и более 100 СПД, вольными пожарными дружинами именовали себя Моринская, Михайловская, Корховская.

В первые годы после революции село стало беззащитным перед пожарами. Из отчета Псковского губернского экономического Совета следует, что в уезде имелись 105 ПД¹². Но эта цифра вряд ли соответствовала действительности. Акт ревизионной комиссии по Тишинскому волысполкому за 1923 г. гласит: «Пожарных дружин имеется восемь, машины и инструменты исправны только в трех дружинах, а

в остальных пяти как машины, так и весь инструмент находятся в неисправном состоянии, даже отсутствуют рукава»¹³. И такое положение пожарных дружин было по всему уезду. О какой боеготовности можно было говорить! Хотя годом раньше, 25 июля 1922 г., был издан приказ № 6 Порховского отдела Труда, в котором говорилось, что в целях сохранения боевой готовности СПД, дружинников следует привлекать к работе так, чтобы на случай пожара не менее половины находилось на месте в дружине, чтобы четыре лошади постоянно находились на дежурстве, местное население, мужчины 18–50 лет и женщины 18–40 лет, в порядке повинности должны являться на пожар. Не явившихся ждало наказание через нарсуд или в административном порядке через президиум уисполкома – арест до двух недель¹⁴. И всё же, несмотря на все усилия новой власти, наибольшее число пожаров по Псковской губернии отмечалась в Порховском уезде. В 1921 г. в сельской местности произошло 12 опустошительных пожаров, 40 лесных, 11 полевых, один торфяной и один на фабрике. В 1922 г. имели место огромные пожары в погосте Михайловском и на станции Дно¹⁵. Пожарное добровольчество утрачивало свои традиции, боеготовность, СПД закрывались. В крупных населенных пунктах – Порхове, Дно, посаде Сольцы – в 20-е гг. были сформированы профессиональные пожарные команды.

В настоящее время в Порховском районе имеется 10 сельских пожарных команд: «Россия» – место дислокации д. Логовино; «Конезавод Псковский» – Волышово; «Заря» – д. Верхний Мост; «Рассвет» – д. Боровичи; «Шелонский» – с-з «Шелонский»; «Полонное» – пос. Полонное; «Славковская» – пос. Славковичи; «Путь Ленина» – пос. Павы; «Комсомол» – д. Столыпино. На их вооружении имеется по одной пожарной автоцистерне. За каждой машиной закреплен водитель. Финансирование осуществляется из областного бюджета через Порховскую пожарную часть.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Доклады Псковского Губернского Земского Управления. Псков, 1885. С. 56.
2. Вестник Псковского Губернского Земства (далее ВПГЗ). 1886. № 16. С. 373.
3. ВПГЗ. 1888. № 21. С. 609.
4. ВПГЗ. 1909. № 25. С. 5.

5. ГАПО, ф.20, оп.1, д. 3039, лл. 20–27, 61–63.
6. Псковский городской листок. 1896. № 43. С. 3.
7. ВПГЗ. 1888. № 3. С. 76.
8. Псковский городской листок. 1896. № 50. С. 3.
9. ГАПО, ф.20, оп. 1, д. 2914.
10. ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 2985, лл. 55, 57, 61, 63, 65, 73–75, 80, 92, 95, 99, 101, 103, 109, 110, 121, 138–140.
11. ГАПО, ф. 20, оп.1, д. 3039, лл. 20–27, 61–63, 147–151, 168–171, 236, 239, 242–245, 264, 268, 270.
12. Отчёт Псковского губернского экономического совета. Вып. 1. Псков, 1921.
13. ГАПО, ф. Р-590, оп. 1, д. 1425, л. 93.
14. ГАПО, ф. Р-590, оп. 1, д.1017, л. 82 об.
15. Отчёт Псковского губернского экономического совета. Вып. 1. Псков, 1921.

Т.Б. Чуйкова

НАСЕЛЬНИКИ МОНАСТЫРЕЙ ПОРХОВСКОГО КРАЯ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII В. ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

В фундаментальных справочниках архимандрита Амвросия (Орнатского), П. Строева, В.В. Зверинского, посвященных российским монастырям¹, содержится значительный фактический материал. Эти справочники до настоящего времени являются основополагающими для разноплановых исследований.

Монографические описания, посвященные монастырям, как правило, перечисляют их настоятелей. Насельники же монастырей, кроме выдающихся исторических личностей, чаще всего остаются вне поля зрения исследователей.

Между тем значительный информационный потенциал по истории российского монашества содержится в первоисточниках – «сказках» и именных реестрах монашествующих.

Примером тому служат документы архивного фонда Новгород-

ской духовной консистории Государственного исторического архива Новгородской области (ГИАНО)². Наиболее ранние биографические сведения о насельниках новгородских монастырей появляются в 1720 – 1730-е гг. Они составлялись по запросам Митрополичьего разряда для выяснения, прежде всего, формальных оснований для вступления и пребывания монашествующих в монастырях.

Нами сделана выборка послужных сведений насельников трех монастырей Порховского края. Они содержатся в двух делах за 1733 (Д. 303) и 1734 (Д. 319) гг. В документах проходят сведения о насельниках Порховских Спасского мужского³ и Рождественского женского⁴ монастырей, а также Никандровой Благовещенской мужской пустыни⁵.

Формуляр («сказка») имеет четкую структуру и содержит следующие сведения:

- монашеское имя (должность – в формуляре настоятеля, казначея и проч.);
- мирское имя, отчество, фамилию или прозвище;
- дату и место рождения;
- сведения об отце, его роде деятельности, социальном положении;
- сведения об образовании и владении ремеслом («искусство книжное, художества и рукоделия»);
- семейном положении, сведения о супруге, вдовстве;
- о характере занятий, служения, социальном положении до поступления в монастырь;
- о наличии ставленных грамот (для священно- и церковнослужителей);
- о монашеском постриге (когда, где, кем совершен постриг, имеется ли указ);
- об основаниях для вступления в монастырь («о вкладе» и «обещании»);
- о возрасте и времени проживания в обители;
- о послушании.

«Сказки» составлены со слов самих насельников, что видно из встречающейся в тексте элементов прямой речи: «у меня», «моё», «мне» и др.

В первой трети XVIII в. настоятельство в рассматриваемых монастырях было следующим: в Никандровой Благовещенской пустыни и Рождественском монастыре - игуменское, а в Спасском - строительское.

Спасский монастырь был малобратственным, в нем в 1733–1734 гг. проживали трое монашествующих: настоятель-иеромонах, иеромонах, казначей-монах⁶.

В Рождественском женском монастыре были: настоятельница-игуменья, 13 монахинь и одна схимонахиня⁷.

В Никандровой Благовещенской пустыни на 1733 г. было: настоятель-игумен, 2 иеромонаха, 1 иеродиакон, 20 монахов⁸.

Настоятель Спасского монастыря - строитель иеромонах Митрофан, в миру Михаил Игнатьев, родился в 1667 г. в семье пономаря выставки Городок Шелонской пятины.

В шестнадцатилетнем возрасте был посвящен во дьячка, в 1701 г. рукоположен во священника, в 1729 г. овдовел, в 1731 г. пострижен в монашество в Никандровой пустыни, а в 1732 г. назначен настоятелем Спасского монастыря. Как свидетельствует приписка на документе, скончался 20 октября 1741 г.⁹

Настоятельница Порховского Рождественского монастыря - игуменья Александра, в миру Анна Тимофеева Лаврова, родилась в 1683 г. в Вышегородском погосте Шелонской пятины. Замужем не была. В 1701 г. пострижена в монашество в Рождественском монастыре, а в 1705 г. «произведена в игуменья»¹⁰. Срок её игуменства был продолжительным - около 60 лет. По перечню П. Строева, управляла монастырем также в 1762 г.¹¹

Настоятель Никандровой Благовещенской пустыни - игумен Герман, в миру Григорий Стефанов Хвостов, родился в 1694 г. в Прибужском погосте Шелонской пятины. Женат не был. В 1715 г. был пострижен в монашество в Александро-Свирском монастыре Олонецкого уезда. В 1721 г. переведен в Никандрову пустынь, в 1728 г. последовательно строитель - иеромонах - игумен¹².

Остановимся на ряде наблюдений, сделанных нами при анализе сведений формуляров («сказок») монашествующих.

По Рождественскому женскому монастырю, из 15 насельниц мо-

настыря 8 являлись уроженками Порхова, шестеро родились в различных населенных пунктах Шелонской пятины, в том числе в Порховском околородье, и только одна была уроженкой Торопецкого уезда.

Самые старшие по возрасту насельницы были 1643, 1650 гг. рождения, а самая молодая - 1690 г.; средний возраст насельниц составлял около 55 лет.

По социальному происхождению шестеро являлись дочерьми порховских купцов (Матвеева, Козмина, Буравцова, Родишкина, Калашникова, Свинкина), двое имели духовное и одна - крестьянское происхождение. Шестеро (Лаврова, Нащекина-Дубровская, Курицына-Турова, Парамонова-Крекшина, Кулебякина-Аничкова, Мягкова-Дятькова) - из дворян (после данных об их отцах в текстах указано «из шляхетства»^{*}).

^{*} Шляхетство - одно из названий дворянства в России в XVIII - нач. XIX в. (Большой энциклопедический словарь: В 2-х т. / Гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1991. Т. 2. С. 664).

Среди насельниц монастыря были две сестры Ксения и Анастасия - дочери дьячка Рождественского монастыря Евсигнея Савина¹³.

Восемь насельниц до вступления в монастырь не были замужем, а семеро перед поступлением в обитель овдовели.

Вызывает удивление тот факт, что все монашествующие, включая игуменью, были неграмотны («искусства книжного не имеют»). Также никто из насельниц не владел ремеслами - «художества и рукоделия не имеют».

По состоянию на 1734 г. самой ранней датой поступления насельниц в монастырь был 1687 г., наиболее поздней - 1730 г.

Основанием для вступления в монастырь двенадцати насельниц являлся данный ими вклад в обитель.

Пострижение всех насельниц в монашество совершали строители - иеромонахи соседнего Спасского монастыря. Указов о пострижении ни у кого из насельниц не имелось.

Иную картину представляет Никандрова пустынь.

Из 22 насельников на 1734 г. девять родились в Шелонской пятине, по одному были уроженцами Новгорода, Старорусского, Холмского и Капорского уездов; двое являлись выходцами из Псковской епархии и по одному – из Вологодской епархии, Нижнего Новгорода, Твери и Мурома.

Самым старшим по возрасту являлся монах Иродион, в миру Иоанн Константинов Орешников. Он родился в 1637 г. в Нижнем Новгороде. Как и его отец, был пушкарем (до 1724 г.), был женат на купеческой дочери¹⁴. Самыми молодыми были монахи Герасим и Корнилий, поступившие в монастырь в возрасте 21 года и 20 лет¹⁵.

По социальному происхождению двое насельников были из купечества, пятеро – из духовного сословия, 11 – из крестьян, один (настоятель) – из дворян, двое – дети военных, один – сын «дворового человека».

Количество холостых и женатых до вступления в монастырь было равным (по 11 человек).

Иную картину по сравнению с Рождественским женским монастырем представляет и образованность монашествующих – 8 человек были грамотными. При этом один из них – монах Арсений – образование получил в Никандровой пустыни, что позволило ему исполнять обязанности пономаря¹⁶.

Только об одном монахе – Антонии, бывшем купце г. Твери, в позиции «художество и ремесло» сказано: «владеет кузнечным мастерством». В монастыре он работал по своей мирской профессии – был кузнецом¹⁷.

Из 22 насельников двое поступили в монастырь в XVII в. (1688, 1694 гг.), тогда как основная часть вступила в братство в 1710–1720-е гг. Семь человек было принято в монастырь «по вкладу», 13 – без вклада, о двух насельниках сведений в документах не имеется. Все были пострижены в монашество без указов.

Интересные сведения имеются о монахе Герасиме. В миру – Григорий Васильев Баранов, был сыном вотчинного крестьянина Дмитриева Прилуцкого монастыря под Вологдой. До поступления в 1717 г. в Никандрову пустынь он, «ходя по миру, кормился именем Христовым»¹⁸.

В перечне должностей и послушаний монашествующих значатся: келарь, казначей, нарядник, «житенной», «конюшей», «хлебной», «поварничей», огородник, кузнец, звонарь, «больничные монахи», «поселной», монах «у присмотру», а также клирошане (2), пономарь, «сенадешной у сенаника» (монах – чтец синодика)¹⁹.

Анализ «сказок» насельников монастырей Порховского края выявляет характерную особенность: при пострижении в монашество новое имя по первой букве совпадало и было созвучно мирскому. Например, Митрофан – Михаил, Герман – Григорий, Александра – Анна, Маремьяна – Мария, Евфимия – Евдокия и т.д.

Насельники мужских монастырей по сравнению с женскими, значительно отличались по ряду параметров: уровню грамотности, социальному происхождению, месту рождения.

По нашему мнению, формуляры («сказки») – это своеобразный срез России конца XVII – первой трети XVIII в., который раскрывает состояние общества по многим направлениям: это и социальный портрет эпохи, и география российского монашества, и отражение внешнего мира во внутренней жизни обитателей.

Кроме того, «сказки» монашествующих имеют и прикладное значение: они предоставляют замечательную возможность выявить имена настоятелей монастырей и годы их игуменства, отсутствующие в фундаментальных справочниках.

Так, только к «Спискам иерархов и настоятелей монастырей...» П. Строева²⁰ по рассматриваемым «сказкам» порховских монастырей нами выявлены: по Рождественскому – 1 игумения (Марфа, 1687 г.), по Спасскому – 4 строителя (Авраамий, 1687–1701 гг.; Леонтий, 1711–1716 гг.; Евфимий, 1728–1730 гг.; Евдоким, 1731 г.), по Никандровой Благовещенской пустыни – 3 игумена (Макарий, 1688 г.; Макарий, 1703 г., Антоний, 1725–1728 гг.)²¹, а также уточнено значительное количество крайних дат игуменства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Амвросий (Орнатский), архим. История Российской иерархии. Ч. I-VI. М., 1808-1815;

Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877;

Зверинский В.В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем. Кн. I - III. СПб., 1890, 1892, 1897.

2. ГИАНО. Ф.480.

3. Там же. Оп. 1. Д. 303. Л.16-22; Д. 319. Л.19-22.

4. Там же. Д. 319. Л.9-18.

5. Там же. Д. 303. Л.5-6, 23-25об.; Д.319. Л.23-30об., 38-44.

6. Там же. Д. 303. Л.16, 19об., 22; Д.319. Л.19-22.

7. Там же. Д. 319. Л.9-18.

8. Там же. Д. 303. Л.5-6.

9. Там же. Д. 319. Л.19-20.

10. Там же. Л. 9об.-10.

11. *Строев П.* Списки .... Ст. 404, № 29.

12. ГИАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 319. Л. 23об.-24об.

13. Там же. Л. 10-10об.; 11-11об.

14. Там же. Л. 44-44об.

15. Там же. Л. 39об., 42-42об.

16. Там же. Л. 38об.

17. Там же. Л. 41об.-42.

18. Там же. Л. 40об.

19. Там же. Д. 303. Л.5-6.

20. *Строев П.* Списки... Ст. 396-397. № 9; 404. № 29,30.

21. ГИАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 319.

СОДЕРЖАНИЕ

Порховские краеведческие чтения и их роль в социокультурной жизни района	3
Л.В. Васильева М.Ю. Лермонтов в Михалево	5
Л.В. Васильева Имение Николая Петровича Резанова в Порховском уезде	11
Л.Т. Васильева, О.Б. Кох, В.М. Ушакова Конкурс «Я и Клио», посвященный 60-летию Победы. Итоги и перспективы	20
Л.И. Владимирова Порховские купцы Ардамацкие и их родственные связи	28
А.П. Гагарин Судьба потомков владельцев Холомков	33
А.П. Гагарин Семья Марии Дмитриевны Гагариной	44
О.М. Карамышев Карамышевы в Никандровой пустыни	50
Н.В. Коломыцева Курорт «Хилово» в 1917-1923 годах	55
Н.В. Коломыцева Курорт «Хилово» в 1920 - 1940-е годы	60
О.Б. Кох Инспекция народных школ Псковской губернии М.И. Семевским в 1862 - 1863 гг.	65
С.О. Кузнецов «Поряdochных собак очень мало», Охотничьи интересы Сергея и Ольги Строгоновых в течение 1880-1890-х гг.	78
Н.Ф. Левин Дореволюционные порховские краеведы	112
М.Т. Маркова Школы Порховского района в годы Великой Отечественной войны.	117

М.Т. Маркова	
Усадьбы Порховского уезда в начале XX века	121
Н.М. Медведева	
Город Порхов во второй половине XIX столетия	125
С.В. Моисеев	
Порхов XVIII века по документам Государственного исторического архива Новгородской области	137
С.В.Моисеев	
Церковная жизнь Опоцкого погоста в XV – XVIII вв.	147
Г. К. Насурдинова	
Роль Артемия Сагумяна в судьбе армянских узников Порховского лагеря	158
И.П. Николаева, Е.Л. Яковлева	
Усадьбы князей Гагариных	168
И.П. Николаева, Е.Л. Яковлева	
Санаторий «Хилово» – одна из старейших здравниц Северо-Запада России	176
А.Г. Разумовская	
Литературный «текст» Порхова	185
Л.А. Фролова	
История пожарной охраны города Порхова	201
В.М. Ушакова	
К истории Порховского овчинно-мехового завода 1875 – 1941 гг.	207
Л.А. Фролова	
Пожарные добровольцы Порховского уезда	216
Т.Б. Чуйкова	
Насельники монастырей Порховского края в первой трети XVIII в. по документам Государственного исторического архива Новгородской области	220

Зав. издательством: Гринева А.В.
Технический редактор: Качанкина Н.Ю.
Корректор: Тарасова Е.Г.

Лицензия серии ЛР № 021283 от 30 апреля 1998 г.
Издательство Псковского областного центра народного творчества.
180000, г. Псков, ул. Пушкина, 3/13; тел.: 2-87-97.

Гарнитура Times New Roman Cyr. Тираж 300. Заказ № 339.

Отпечатано в типографии
Псковского областного центра народного творчества.
180000, г. Псков, ул. Пушкина, 3/13; тел.: 2-87-98.